- Дефо Даниэл
  -

Дефо Даниэл
Робинзон Крузо

Даниэл Дефо
Робинзон Крузо
ГЛАВА ПЕРВАЯ
Семья Робинзона. - Его побег из родительского дома

С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо.

Моим родителям это очень не нравилось. Отец, старый, больной человек, хотел, чтобы я сделался важным чиновником, служил в королевском суде и получал большое жалованье. Но я мечтал о морских путешествиях. Мне казалось величайшим счастьем скитаться по морям и океанам.

Отец догадывался, что у меня на уме. Однажды он позвал меня к себе и сердито сказал:

- Я знаю: ты хочешь бежать из родного дома. Это безумно. Ты должен остаться. Если ты останешься, я буду тебе добрым отцом, но горе тебе, если ты убежишь! - Тут голос у него задрожал, и он тихо прибавил: - Подумай о больной матери... Она не вынесет разлуки с тобою.

В глазах у него блеснули слезы. Он любил меня и хотел мне добра.

Мне стало жаль старика, я твердо решил остаться в родительском доме и не думать более о морских путешествиях. Но увы! - прошло несколько дней, и от моих добрых намерений ничего не осталось. Меня опять

потянуло к морским берегам. Мне стали сниться мачты, волны, паруса, чайки, неизвестные страны, огни маяков.

Через две-три недели после моего разговора с отцом я все же решил убежать. Выбрав время, когда мать была весела и спокойна, я подошел к ней и почтительно сказал:

- Мне уже восемнадцать лет, а в эти годы поздно учиться судейскому делу. Если бы даже я и поступил куда-нибудь на службу, я все равно через несколько ней убежал бы в далекие страны. Мне так хочется видеть чужие края, побывать и в Африке и в Азии! Если я и пристроюсь к какому-нибудь делу, у меня все равно не хватит терпения довести его до конца. Прошу вас, уговорите отца отпустить меня в море хотя бы на короткое время, для пробы; если жизнь моряка не понравится мне, я вернусь домой и больше никуда не уеду. Пусть отец отпустит меня добровольно, так как иначе я буду вынужден уйти из дому без его разрешения.

Мать очень рассердилась на меня и сказала:

- Удивляюсь, как можешь ты думать о морских путешествиях после твоего разговора с отцом! Ведь отец требовал, чтобы ты раз навсегда позабыл о чужих краях. А он лучше тебя понимает, каким делом тебе заниматься. Конечно, если ты хочешь себя погубить, уезжай хоть сию минуту, но можешь быть уверен, что мы с отцом никогда не дадим согласия на твое путешествие. И напрасно ты надеялся, что я стану тебе помогать. Нет, я ни слова не скажу отцу о твоих бессмысленных мечтах. Я не хочу, чтобы впоследствии, когда жизнь на море доведет тебя до нужды и страданий, ты мог упрекнуть свою мать в том, что она потакала тебе.

Потом, через много лет, я узнал, что матушка все же передала отцу весь наш разговор, от слова до слова. Отец был опечален и сказал ей со вздохом:

- Не понимаю, чего ему нужно? На родине он мог бы без труда добиться успеха и счастья. Мы люди небогатые, но кое-какие средства у нас есть. Он может жить вместе с нами, ни в чем не нуждаясь. Если же он пустится странствовать, он испытает тяжкие невзгоды и пожалеет, что не послушался отца. Нет, я не могу отпустить его в море. Вдали от родины он будет одинок, и, если с ним случится беда, у него не найдется друга, который мог бы утешить его. И тогда он раскается в своем безрассудстве, но будет поздно!

И все же через несколько месяцев я бежал из родного дома. Произошло это так. Однажды я поехал на несколько дней в город Гулль. Там я встретил одного приятеля, который собирался отправиться в Лондон на корабле своего отца. Он стал уговаривать меня ехать вместе с ним, соблазняя тем, что проезд на корабле будет бесплатный.

И вот, не спросившись ни у отца, ни у матери, - в недобрый час! - 1 сентября 1651 года я на девятнадцатом году жизни сел на корабль, отправлявшийся в Лондон.

Это был дурной поступок: я бессовестно покинул престарелых родителей, пренебрег их советами и нарушил сыновний долг. И мне очень скоро пришлось раскаяться в том, "что я сделал.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Первые приключения на море

Не успел наш корабль выйти из устья Хамбера, как с севера подул холодный ветер. Небо покрылось тучами. Началась сильнейшая качка.

Я никогда еще не бывал в море, и мне стало худо. Голова у меня закружилась, ноги задрожали, меня затошнило, я чуть не упал. Всякий раз, когда на корабль налетала большая волна, мне казалось, что мы сию минуту утонем. Всякий раз, когда корабль падал с

высокого гребня волны, я был уверен, что ему уже никогда не подняться.

Тысячу раз я клялся, что, если останусь жив, если нога моя снова ступит на твердую землю, я тотчас же вернусь домой к отцу и никогда за всю жизнь не взойду больше на палубу корабля.

Этих благоразумных мыслей хватило у меня лишь на то время, пока бушевала буря.

Но ветер стих, волнение улеглось, и мне стало гораздо легче. Понемногу я начал привыкать к морю. Правда, я еще не совсем отделался от морской болезни, но к концу дня погода прояснилась, ветер совсем утих, наступил восхитительный вечер.

Всю ночь я проспал крепким сном. На другой день небо было такое же ясное. Тихое море при полном безветрии, все озаренное солнцем, представляло такую прекрасную картину, какой я еще никогда не видал. От моей морской болезни не осталось и следа. Я сразу успокоился, и мне стало весело. С удивлением я оглядывал море, которое еще вчера казалось буйным, жестоким и грозным, а сегодня было такое кроткое, ласковое.

Тут, как нарочно, подходит ко мне мой приятель, соблазнивший меня ехать вместе с ним, хлопает по плечу и говорит:

- Ну, как ты себя чувствуешь, Боб? Держу пари, что тебе было страшно. Признавайся: ведь ты очень испугался вчера, когда подул ветерок?

- Ветерок? Хорош ветерок! Это был бешеный шквал. Я и представить себе не мог такой ужасной бури!

- Бури? Ах ты, глупец! По-твоему, это буря? Ну, да ты в море еще новичок: не мудрено, что испугался... Пойдем-ка лучше да прикажем подать себе пуншу, выпьем по стакану и позабудем о буре. Взгляни, какой ясный день! Чудесная погода, не правда ли? Чтобы сократить эту горестную часть моей повести, скажу

только, что дело пошло, как обыкновенно у моряков: я напился пьян и утопил в вине все свои обещания и клятвы, все свои похвальные мысли о немедленном возвращении домой. Как только наступил штиль и я перестал бояться, что волны проглотят меня, я тотчас же позабыл все свои благие намерения.

На шестой день мы увидели вдали город Ярмут. Ветер после бури был встречный, так что мы очень медленно подвигались вперед. В Ярмуте нам пришлось бросить якорь. Мы простояли в ожидании попутного ветра семь или восемь дней.

В течение этого времени сюда же пришло много судов из Ньюкасла. Мы, впрочем, не простояли бы так долго и вошли бы в реку вместе с приливом, но ветер становился все свежее, а дней через пять задул изо всех сил.

Так как на нашем корабле якоря и якорные канаты были крепкие, наши матросы не выказывали ни малейшей тревоги. Они были уверены, что судно находится в полной безопасности, и, по обычаю матросов, отдавали все свое свободное время веселым развлечениям и забавам.

Однако на девятый день к утру ветер еще посвежел, и вскоре разыгрался страшный шторм. Даже испытанные моряки были сильно испуганы. Я несколько раз слышал, как наш капитан, проходя мимо меня то в каюту, то из каюты, бормотал вполголоса: "Мы пропали! Мы пропали! Конец!"

Все же он не терял головы, зорко наблюдал за работой матросов и принимал все меры, чтобы спасти свой корабль.

До сих пор я не испытывал страха: я был уверен, что эта буря так же благополучно пройдет, как и первая. Но когда сам капитан заявил, что всем нам пришел конец, я страшно испугался и выбежал из каюты на палубу. Никогда в жизни не приходилось мне видеть столь

ужасное зрелище. По морю, словно высокие горы, ходили громадные волны, и каждые тричетыре минуты на нас обрушивалась такая гора.

Сперва я оцепенел от испуга и не мог смотреть по сторонам. Когда же наконец я осмелился глянуть назад, я понял, какое бедствие разразилось над нами. На двух тяжело груженных судах, которые стояли тут же неподалеку на якоре, матросы рубили мачты, чтобы корабли хоть немного освободились от тяжести.

Кто-то крикнул отчаянным голосом, что корабль, стоявший впереди, в полумиле от нас, сию минуту исчез под водой.

Еще два судна сорвались с якорей, буря унесла их в открытое море. Что ожидало их там? Все их мачты были сбиты ураганом.

Мелкие суда держались лучше, но некоторым из них тоже пришлось пострадать: два-три суденышка пронесло мимо наших бортов прямо в открытое море.

Вечером штурман и боцман пришли к капитану и заявили ему, что для спасения судна необходимо срубить фок-мачту.

- Медлить нельзя ни минуты! - сказали они. - Прикажите, и мы срубим ее.

- Подождем еще немного, - возразил капитан. - Может быть, буря уляжется.

Ему очень не хотелось рубить мачту, но боцман стал доказывать, что, если мачту оставить, корабль пойдет ко дну, - и капитан поневоле согласился.

А когда срубили фок-мачту, грот-мачта стала так сильно качаться и раскачивать судно, что пришлось срубить и ее.

Наступила ночь, и вдруг один из матросов, спускавшийся в трюм, закричал, что судно дало течь. В трюм послали другого матроса, и он доложил, что вода поднялась уже на четыре фута.

Тогда капитан скомандовал:

- Выкачивай воду! Все к помпам!

Когда я услыхал эту команду, у меня от ужаса замерло сердце: мне показалось, что я умираю, ноги мои подкосились, и я упал навзничь на койку. Но матросы растолкали меня и потребовали, чтобы я не отлынивал от работы.

- Довольно ты бездельничал, пора и потрудиться! - сказали они.

Нечего делать, я подошел к помпе и принялся усердно выкачивать воду.

В это время мелкие грузовые суда, которые не могли устоять против ветра, подняли якоря и вышли в открытое море.

Увидев их, наш капитан приказал выпалить из пушки, чтобы дать им знать, что мы находимся в смертельной опасности. Услышав пушечный залп и не понимая, в чем дело, я вообразил, что наше судно разбилось. Мне стало так страшно, что я лишился чувств и упал. Но в ту пору каждый заботился о спасении своей собственной жизни, и на меня не обратили внимания. Никто не поинтересовался узнать, что случилось со мной. Один из матросов стал к помпе на мое место, отодвинув меня ногою. Все были уверены, что я уже мертв. Так я пролежал очень долго. Очнувшись, я снова взялся за работу. Мы трудились не покладая рук, но вода в трюме поднималась все выше.

Было очевидно, что судно должно затонуть. Правда, шторм начинал понемногу стихать, но для нас не предвиделось ни малейшей возможности продержаться на воде до той поры, пока мы войдем в гавань. Поэтому капитан не переставал палить из пушек, надеясь, что кто-нибудь спасет нас от гибели.

Наконец ближайшее к нам небольшое судно рискнуло спустить шлюпку, чтобы подать нам помощь. Шлюпку каждую минуту могло опрокинуть, но она все же приблизилась к нам. Увы, мы не могли попасть в нее,

так как не было никакой возможности причалить к нашему кораблю, хотя люди гребли изо всех сил, рискуя своей жизнью для спасения нашей. Мы бросили им канат. Им долго не удавалось поймать его, так как буря относила его в сторону. Но, к счастью, один из смельчаков изловчился и после многих неудачных попыток схватил канат за самый конец. Тогда мы подтянули шлюпку под нашу корму и все до одного спустились в нее. Мы хотели было добраться до их корабля, но не могли сопротивляться волнам, а волны несли нас к берегу. Оказалось, что только в этом направлении и можно грести.

Не прошло и четверти часа, как наш корабль стал погружаться в воду.

Волны, швырявшие нашу шлюпку, были так высоки, что из-за них мы не видели берега. Лишь в самое короткое мгновение, когда нашу шлюпку подбрасывало на гребень волны, мы могли видеть, что на берегу собралась большая толпа: люди бегали взад и вперед, готовясь подать нам помощь, когда мы подойдем ближе. Но мы подвигались к берегу очень медленно.

Только к вечеру удалось нам выбраться на сушу, да и то с величайшими трудностями.

В Ярмут нам пришлось идти пешком. Там нас ожидала радушная встреча: жители города, уже знавшие о нашем несчастье, отвели нам хорошие жилища, угостили отличным обедом и снабдили нас деньгами, чтобы мы могли добраться куда захотим - до Лондона или до Гулля.

Неподалеку от Гулля был Йорк, где жили мои родители, и, конечно, мне следовало вернуться к ним. Они простили бы мне самовольный побег, и все мы были бы так счастливы!

Но безумная мечта о морских приключениях не покидала меня и теперь. Хотя трезвый голос рассудка говорил мне, что в море меня ждут новые опасности и

беды, я снова стал думать о том, как бы мне попасть на корабль и объездить по морям и океанам весь свет.

Мой приятель (тот самый, отцу которого принадлежало погибшее судно) был теперь угрюм и печален. Случившееся бедствие угнетало его. Он познакомил меня со своим отцом, который тоже не переставал горевать об утонувшем корабле. Узнав от сына о моей страсти к морским путешествиям, старик сурово взглянул на меня и сказал:

- Молодой человек, вам никогда больше не следует пускаться в море. Я слышал, что вы трусливы, избалованы и падаете духом при малейшей опасности. Такие люди не годятся в моряки. Вернитесь скорее домой и примиритесь с родными. Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю.

Я чувствовал, что он прав, и не мог ничего возразить. Но все же я не вернулся домой, так как мне было стыдно показаться на глаза моим близким. Мне чудилось, что все наши соседи будут издеваться надо мной; я был уверен, что мои неудачи сделают меня посмешищем всех друзей и знакомых.

Впоследствии я часто замечал, что люди, особенно в молодости, считают зазорными не те бессовестные поступки, за которые мы зовем их глупцами, а те добрые и благородные дела, что совершаются ими в минуты раскаяния, хотя только за эти дела и можно называть их разумными. Таким был и я в ту пору. Воспоминания о бедствиях, испытанных мною во время кораблекрушения, мало-помалу изгладились, и я, прожив в Ярмуте две-три недели, поехал не в Гулль, а в Лондон.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Робинзон попадает в плен. Бегство

Большим моим несчастьем было то, что во время всех моих приключений я не поступил на корабль матросом. Правда, мне пришлось бы работать больше,

чем я привык, зато в конце концов я научился бы мореходному делу и мог бы со временем сделаться штурманом, а пожалуй, и капитаном. Но в ту пору я был так неразумен, что из всех путей всегда выбирал самый худший. Так как в то время у меня была щегольская одежда и в кармане водились деньги, я всегда являлся на корабль праздным шалопаем: ничего там не делал и ничему не учился.

Юные сорванцы и бездельники обычно попадают в дурную компанию и в самое короткое время окончательно сбиваются с пути. Такая же участь ждала и меня, но, к счастью, по приезде в Лондон мне удалось познакомиться с почтенным пожилым капитаном, который принял во мне большое участие. Незадолго перед тем он ходил на своем корабле к берегам Африки, в Гвинею. Это путешествие дало ему немалую прибыль, и теперь он собирался снова отправиться в те же края.

Я понравился ему, так как был в ту пору недурным собеседником. Он часто проводил со мною свободное время и, узнав, что я желаю увидеть заморские страны, предложил мне пуститься в плавание на его корабле.

- Вам это ничего не будет стоить, - сказал он, - я не возьму с вас денег ни за проезд, ни за еду. Вы будете на корабле моим гостем. Если же вы захватите с собой какие-нибудь вещи и вам удастся очень выгодно сбыть их в Гвинее, вы получите целиком всю прибыль. Попытайте счастья - может быть, вам и повезет.

Так как этот капитан пользовался общим доверием, я охотно принял его приглашение.

Отправляясь в Гвинею, я захватил с собой кое-какого товару: закупил на сорок фунтов стерлингов различных побрякушек и стеклянных изделий, находивших хороший сбыт у дикарей.

Эти сорок фунтов я добыл при содействии близких родственников, с которыми состоял в переписке: я

сообщил им, что собираюсь заняться торговлей, и они уговорили мою мать, а быть может, отца помочь мне хоть незначительной суммой в первом моем предприятии.

Эта поездка в Африку была, можно сказать, моим единственным удачным путешествием. Конечно, своей удачей я был всецело обязан бескорыстию и доброте капитана.

Во время пути он занимался со мной математикой и учил меня корабельному делу. Ему доставляло удовольствие делиться со мной своим опытом, а мне - слушать его и учиться у него.

Путешествие сделало меня и моряком и купцом: я выменял на свои побрякушки пять фунтов и девять унций " золотого песку, за который по возвращении в Лондон получил изрядную сумму.

Итак, я мог считать себя богатым промышленником, ведущим успешную торговлю с Гвинеей.

Но, на мое несчастье, мой друг капитан вскоре по возвращении в Англию умер, и мне пришлось совершить второе путешествие на свой страх, без дружеского совета и помощи.

Я отплыл из Англии на том же корабле. Это было самое несчастное путешествие, какое когда-либо предпринимал человек.

Однажды на рассвете, когда мы после долгого плавания шли между Канарскими островами и Африкой, на нас напали пираты - морские разбойники. Это были турки из Салеха. Они издали заметили нас и на всех парусах пустились за нами вдогонку.

Сначала мы надеялись, что нам удастся спастись от них бегством, и тоже подняли все паруса. Но вскоре стало ясно, что через пять-шесть часов они непременно догонят нас. Мы поняли, что нужно готовиться к бою. У нас было двенадцать пушек, а у врага - восемнадцать.

Около трех часов пополудни разбойничий корабль догнал нас, но пираты сделали большую ошибку: вместо того чтобы подойти к нам с кормы, они подошли с левого борта, где у нас было восемь пушек. Воспользовавшись их ошибкой, мы навели на них все эти пушки и дали залп.

Турок было не меньше двухсот человек, поэтому они ответили на нашу пальбу не только пушечным, но и оружейным залпом из двух сотен ружей.

К счастью, у нас никого не задело, все остались целы и невредимы. После этой схватки пиратское судно отошло на полмили и стало готовиться к новому нападению. Мы же, со своей стороны, приготовились к новой защите.

На этот раз враги подошли к нам с другого борта и взяли нас на абордаж, то есть зацепились за наш борт баграми; человек шестьдесят ворвались на палубу и первым делом бросились рубить мачты и снасти.

Мы встретили их ружейной стрельбой и дважды очищали от них палубу, но все же принуждены были сдаться, так как наш корабль уже не годился для дальнейшего плавания. Трое из наших людей были убиты, восемь человек ранены. Нас отвезли в качестве пленников в морской порт Салех, принадлежавший маврам.

Других англичан отправили в глубь страны, ко двору жестокого султана, а меня капитан разбойничьего судна удержал при себе и сделал своим рабом, потому что я был молод и проворен.

Я горько заплакал: мне вспомнилось предсказание отца, что рано или поздно со мной случится беда и никто не придет мне на помощь. Я думал, что именно меня и постигла такая беда. Увы, я не подозревал, что меня ждали впереди еще более тяжелые беды.

Так как мой новый господин, капитан разбойничьего судна, оставил меня при себе, я надеялся, что, когда он

снова отправится грабить морские суда, он возьмет с собою и меня. Я был твердо уверен, что в конце концов он попадется в плен какому-нибудь испанскому или португальскому военному кораблю и тогда мне возвратят свободу.

Но скоро я понял, что эти надежды напрасны, потому что в первый же раз, как мой господин вышел в море, он оставил меня дома исполнять черную работу, какую обычно исполняют рабы.

С этого дня я только и думал о побеге. Но бежать было невозможно: я был одинок и бессилен. Среди пленников не было ни одного англичанина, которому я мог бы довериться. Два года я протомился в плену, не имея ни малейшей надежды спастись. Но на третий год мне все же удалось бежать.

Произошло это так. Мой господин постоянно, раз или два в неделю, брал корабельную шлюпку и выходил на взморье ловить рыбу. В каждую такую поездку он брал с собой меня и одного мальчишку, которого звали Ксури. Мы усердно гребли и по мере сил развлекали своего господина. А так как я, кроме того, оказался недурным рыболовом, он иногда посылал нас обоих меня и этого Ксури - за рыбой под присмотром одного старого мавра, своего дальнего родственника.

Однажды мой хозяин пригласил двух очень важных мавров покататься с ним на его парусной шлюпке. Для этой поездки он заготовил большие запасы еды, которые с вечера отослал к себе в шлюпку. Шлюпка была просторная. Хозяин еще года два назад приказал своему корабельному плотнику устроить в ней небольшую каюту, а в каюте - кладовую для провизии. В эту кладовую я и уложил все запасы.

- Может быть, гости захотят поохотиться, - сказал мне хозяин. Возьми на корабле три ружья и снеси их в шлюпку.

Я сделал все, что мне было приказано: вымыл палубу, поднял на мачте флаг и на другой день с утра сидел в шлюпке, поджидая гостей. Вдруг хозяин пришел один и сказал, что его гости не поедут сегодня, так как их задержали дела. Затем он велел нам троим - мне, мальчику Ксури и мавру идти в нашей шлюпке на взморье за рыбой.

- Мои друзья придут ко мне ужинать, - сказал он, - и потому, как только вы наловите достаточно рыбы, принесите ее сюда.

Вот тут-то снова пробудилась во мне давнишняя мечта о свободе. Теперь у меня было судно, и, как только хозяин ушел, я стал готовиться - но не к рыбной ловле, а к далекому плаванию. Правда, я не знал, куда я направлю свой путь, но всякая дорога хороша - лишь бы уйти из неволи.

- Следовало бы нам захватить какую-нибудь еду для себя, - сказал я мавру. - Не можем же мы есть без спросу провизию, которую хозяин приготовил для гостей.

Старик согласился со мною и вскоре принес большую корзину с сухарями и три кувшина пресной воды.

Я знал, где стоит у хозяина ящик с вином, и, покуда мавр ходил за провизией, я переправил все бутылки на шлюпку и поставил их в кладовую, как будто они были еще раньше припасены для хозяина.

Кроме того, я принес огромный кусок воску (фунтов пятьдесят весом) да прихватил моток пряжи, топор, пилу и молоток. Все это нам очень пригодилось впоследствии, особенно воск, из которого мы делали свечи.

Я придумал еще одну хитрость, и мне опять удалось обмануть простодушного мавра. Его имя было Измаил, поэтому все называли его Моли. Вот я и сказал ему:

- Моли, на судне есть хозяйские охотничьи ружья. Хорошо бы достать немного пороху и несколько зарядов - может быть, нам посчастливится подстрелить себе на обед куликов. Хозяин держит порох и дробь на корабле, я знаю.

- Ладно, - сказал он, - принесу.

И он принес большую кожаную сумку с порохом - фунта полтора весом, а пожалуй, и больше, да другую, с дробью, - фунтов пять или шесть. Он захватил также и пули. Все это было сложено в шлюпке. Кроме того, в хозяйской каюте нашлось еще немного пороху, который я насыпал в большую бутыль, вылив из нее предварительно остатки вина.

Запасшись, таким образом, всем необходимым для дальнего плавания, мы вышли из гавани, будто бы на рыбную ловлю. Я опустил мои удочки в воду, но ничего не поймал (я нарочно не вытаскивал удочек, когда рыба попадалась на крючок).

- Здесь мы ничего не поймаем! - сказал я мавру. - Хозяин не похвалит нас, если мы вернемся к нему с пустыми руками. Надо отойти подальше в море. Быть может, вдали от берега рыба будет лучше клевать.

Не подозревая обмана, старый мавр согласился со мною и, так как он стоял на носу, поднял парус.

Я же сидел за рулем, на корме, и, когда судно отошло мили на три в открытое море, я лег в дрейф - как бы для того, чтобы снова приступить к рыбной ловле. Затем, передав мальчику руль, я шагнул на нос, подошел к мавру сзади, внезапно приподнял его и бросил в море. Он сейчас же вынырнул, потому что плавал, как пробка, и стал кричать мне, чтобы я взял его в шлюпку, обещая, что поедет со мною хоть на край света. Он так быстро плыл за судном, что догнал бы меня очень скоро (ветер был слабый, и шлюпка еле двигалась). Видя, что мавр скоро догонит нас, я

побежал в каюту, взял там одно из охотничьих ружей, прицелился в мавра и сказал:

- Я не желаю тебе зла, но оставь меня сейчас же в покое и скорее возвращайся домой! Ты хороший пловец, море тихое, ты легко доплывешь до берега. Поворачивай назад, и я не трону тебя. Но, если ты не отстанешь от шлюпки, я прострелю тебе голову, потому что твердо решил добыть себе свободу.

Он повернул к берегу и, я уверен, доплыл до него без труда.

Конечно, я мог взять с собой этого мавра, но на старика нельзя было положиться.

Когда мавр отстал от шлюпки, я обратился к мальчику и сказал:

- Ксури, если ты будешь мне верен, я сделаю тебе много добра. Поклянись, что ты никогда не изменишь мне, иначе я и тебя брошу в море.

Мальчик улыбнулся, глядя мне прямо в глаза, и поклялся, что будет мне верен до гроба и поедет со мной, куда я захочу. Говорил он так чистосердечно, что я не мог не поверить ему.

Покуда мавр не приблизился к берегу, я держал курс в открытое море, лавируя против ветра, чтобы все думали, будто мы идем к Гибралтару.

Но, как только начало смеркаться, я стал править на юг, придерживая слегка к востоку, потому что мне не хотелось удаляться от берега. Дул очень свежий ветер, но море было ровное, спокойное, и потому мы шли хорошим ходом.

Когда на другой день к трем часам впереди в первый раз показалась земля, мы очутились уже миль на полтораста южнее Салеха, далеко за пределами владений марокканского султана, да и всякого другого из африканских царей. Берег, к которому мы приближались, был совершенно безлюден.

Но в плену я набрался такого страху и так боялся снова попасть к маврам в плен, что, пользуясь благоприятным ветром, подгонявшим мое суденышко к югу, пять дней плыл вперед и вперед, не становясь на якорь и не сходя на берег.

Через пять дней ветер переменился: подуло с юга, и так как я уже не боялся погони, то решил подойти к берегу и бросил якорь в устье какой-то маленькой речки. Не могу сказать, что это за речка, где она протекает и какие люди живут на ее берегах. Берега ее были пустынны, и это меня очень обрадовало, так как у меня не было никакого желания видеть людей. Единственное, что мне было нужно, - пресная вода.

Мы вошли в устье под вечер и решили, когда стемнеет, добраться до суши вплавь и осмотреть все окрестности. Но, как только стемнело, мы услышали с берега ужасные звуки: берег кишел зверями, которые так бешено выли, рычали, ревели и лаяли, что бедный Ксури чуть не умер со страху и стал упрашивать меня не сходить на берег до утра.

- Ладно, Ксури, - сказал я ему, - подождем! Но, может быть, при дневном свете мы увидим людей, от которых нам придется, пожалуй, еще хуже, чем от лютых тигров и львов.

- А мы выстрелим в этих людей из ружья, - сказал он со смехом, - они и убегут!

Мне было приятно, что мальчишка ведет себя молодцом. Чтобы он и впредь не унывал, я дал ему глоток вина.

Я последовал его совету, и всю ночь мы простояли на якоре, не выходя из лодки и держа наготове ружья. До самого утра нам не пришлось сомкнуть глаз.

Часа через два-три после того, как мы бросили якорь, мы услышали ужасный рев каких-то огромных зверей очень странной породы (какой - мы и сами не знали). Звери приблизились к берегу, вошли в речку,

стали плескаться и барахтаться в ней, желая, очевидно, освежиться, и при этом визжали, ревели и выли; таких отвратительных звуков я до той поры никогда не слыхал.

Ксури дрожал от страха; правду сказать, испугался и я.

Но мы оба еще больше испугались, когда услышали, что одно из чудовищ плывет к нашему судну. Мы не могли его видеть, но только слышали, как оно отдувается и фыркает, и угадали по одним этим звукам, что чудовище огромно и свирепо.

- Должно быть, это лев, - сказал Ксури. - Поднимем якорь и уйдем отсюда!

- Нет, Ксури, - возразил я, - нам незачем сниматься с якоря. Мы только отпустим канат подлиннее и отойдем подальше в море - звери не погонятся за нами.

Но едва я произнес эти слова, как увидел неизвестного зверя на расстоянии двух весел от нашего судна. Я немного растерялся, однако сейчас же взял из каюты ружье и выстрелил. Зверь повернул назад и поплыл к берегу.

Невозможно описать, какой яростный рев поднялся на берегу, когда прогремел мой выстрел: должно быть, здешние звери никогда раньше не слышали этого звука. Тут я окончательно убедился, что в ночное время выходить на берег нельзя. Но можно ли будет рискнуть высадиться днем - этого мы тоже не знали. Стать жертвой какого-нибудь дикаря не лучше, чем попасться в когти льву или тигру.

Но нам во что бы то ни стало нужно было сойти на берег здесь или в другом месте, так как у нас не осталось ни капли воды. Нас давно уже мучила жажда. Наконец наступило долгожданное утро. Ксури заявил, что, если я пущу его, он доберется до берега вброд и постарается раздобыть пресной воды. А когда я спросил его, отчего же идти ему, а не мне, он ответил:

- Если придет дикий человек, он съест меня, а вы останетесь живы.

В этом ответе прозвучала такая любовь ко мне, что я был глубоко растроган.

- Вот что, Ксури, - сказал я, - отправимся оба. А если явится дикий человек, мы застрелим его, и он не съест ни тебя, ни меня.

Я дал мальчику сухарей и глоток вина; затем мы подтянулись поближе к земле и, соскочив в воду, направились к берегу вброд, не взяв с собой ничего, кроме ружей да двух пустых кувшинов для воды.

Я не хотел удаляться от берега, чтобы не терять из виду нашего судна. Я боялся, что вниз по реке к нам могут спуститься в своих пирогах дикари. Но Ксури, заметив ложбинку на расстоянии мили от берега, помчался с кувшином туда.

Вдруг я вижу - он бежит назад. "Не погнались ли за ним дикари? - в страхе подумал я. - Не испугался ли он какого-нибудь хищного зверя?"

Я бросился к нему на выручку и, подбежав ближе, увидел, что за спиной у него висит что-то большое. Оказалось, он убил какого-то зверька, вроде нашего зайца, только шерсть у него была другого цвета и ноги длиннее. Мы оба были рады этой дичи, но я еще больше обрадовался, когда Ксури сказал мне, что он отыскал в ложбине много хорошей пресной воды.

Наполнив кувшины, мы устроили роскошный завтрак из убитого зверька и пустились в дальнейший путь. Так мы и не нашли в этой местности никаких следов человека.

После того как мы вышли из устья речки, мне еще несколько раз во время нашего дальнейшего плавания приходилось причаливать к берегу за пресной водой.

Однажды ранним утром мы бросили якорь у какого-то высокого мыса. Уже начался прилив. Вдруг Ксури, у которого глаза были, видимо, зорче моих, прошептал:

- Уйдемте подальше от этого берега. Взгляните, какое чудовище лежит вон там, на пригорке! Оно крепко спит, но горе будет нам, когда оно проснется!

Я посмотрел в ту сторону, куда показывал Ксури, и действительно увидел ужасного зверя. Это был огромный лев. Он лежал под выступом горы.

- Слушай, Ксури, - сказал я, - ступай на берег и убей этого льва.

Мальчик испугался.

- Мне убить его! - воскликнул он. - Да ведь лев проглотит меня, как муху!

Я попросил его не шевелиться и, не сказав ему больше ни слова, принес из каюты все наши ружья (их было три). Одно, самое большое и громоздкое, я зарядил двумя кусками свинца, всыпав предварительно в дуло хороший заряд пороху; в другое вкатил две большие пули, а в третье - пять пуль поменьше.

Взяв первое ружье и тщательно прицелившись, я выстрелил в зверя. Я метил ему в голову, но он лежал в такой позе (прикрыв голову лапой на уровне глаз), что заряд попал в лапу и раздробил кость. Лез зарычал и вскочил, но, почувствовав боль, свалился, потом поднялся на трех лапах и заковылял прочь от берега, испуская такой отчаянный рев, какого я еще никогда не слыхал.

Я был немного смущен тем, что не попал ему в голову; однако, не медля ни минуты, взял второе ружье и выстрелил зверю вдогонку. На этот раз мой заряд попал прямо в цель. Лев свалился, издавая еле слышные хриплые звуки.

Когда Ксури увидел раненого зверя, все его страхи прошли, и он стал просить меня, чтобы я отпустил его на берег.

- Ладно, ступай! - сказал я.

Мальчик прыгнул в воду и поплыл к берегу, работая одной рукой, потому что в другой у него было ружье.

Подойдя вплотную к упавшему зверю, он приставил дуло ружья к его уху и убил наповал.

Было, конечно, приятно подстрелить на охоте льва, но мясо его не годилось в пищу, и я очень жалел, что мы истратили три заряда на такую никчемную дичь. Впрочем, Ксури сказал, что он попытается поживиться кое-чем от убитого льва, и, когда мы вернулись в шлюпку, попросил у меня топор.

- Зачем? - спросил я.

- Отрубить ему голову, - отвечал он.

Однако голову отрубить он не мог, у него не хватило сил: он отрубил только лапу, которую и принес в нашу шлюпку. Лапа была необыкновенных размеров.

Тут мне пришло в голову, что шкура этого льва может нам, пожалуй, пригодиться, и я решил попробовать снять с него шкуру. Мы снова отправились на берег, но я не знал, как взяться за эту работу. Ксури оказался более ловким, чем я.

Работали мы целый день. Шкура была снята только к вечеру. Мы растянули ее на крыше нашей маленькой каюты. Через два дня она совершенно просохла на солнце и потом служила мне постелью.

Отчалив от этого берега, мы поплыли прямо на юг и дней десять-двенадцать подряд не меняли своего направления.

Провизия наша подходила к концу, поэтому мы старались возможно экономнее расходовать наши запасы. На берег мы сходили только за пресной водой.

Я хотел добраться до устья реки Гамбии или Сенегала, то есть до тех мест, которые прилегают к Зеленому мысу, так как надеялся встретить здесь какой-нибудь европейский корабль. Я знал, что, если я не встречу корабля в этих местах, мне останется или пуститься в открытое море на поиски островов, или погибнуть среди чернокожих - другого выбора у меня не было.

Я знал также, что все корабли, которые идут из Европы, куда бы они ни направлялись - к берегам ли Гвинеи, в Бразилию или в Ост-Индию, - проходят мимо Зеленого мыса, и потому мне казалось, что все мое счастье зависит только от того, встречу ли я у Зеленого мыса какое-нибудь европейское судно.

"Если не встречу, - говорил я себе, - мне грозит верная смерть".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Встреча с дикарями

Прошло еще дней десять. Мы неуклонно продолжали продвигаться на юг.

Сперва побережье было пустынно; потом в двухтрех местах мы увидели голых чернокожих людей, которые стояли на берегу и смотрели на нас.

Мне как-то вздумалось выйти на берег и побеседовать с ними, но Ксури, мой мудрый советчик, сказал:

- Не ходи! Не ходи! Не надо!

И все-таки я стал держаться ближе к берегу, чтобы иметь возможность завести с этими людьми разговор. Дикари, очевидно, поняли, чего я хочу, и долге бежали за нами по берегу.

Я заметил, что они безоружные только у одного из них была в руке длинная тонкая палка. Ксури сказал мне, что это копье и что дикари бросают свои копья очень далеко и удивительно метко. Поэтому я держался в некотором отдалении от них и разговаривал с ними при помощи знаков, стараясь дать им понять, что мы голодны и нуждаемся в пище. Они поняли и стали, в свою очередь, делать мне знаки, чтобы я остановил свою шлюпку, так как они намерены принести нам еду.

Я спустил парус, шлюпка остановилась. Два дикаря побежали куда-то и через полчаса принесли два больших куска сушеного мяса и два мешка с зерном какого-то хлебного злака, растущего в тех местах. Мы

не знали, какое это было мясо и какое зерно, однако выразили полную готовность принять и то и другое.

Но как получить предлагаемый дар? Сойти на берег мы не могли: мы боялись дикарей, а они - нас. И вот, для того чтобы обе стороны чувствовали себя в безопасности, дикари сложили на берегу всю провизию, а сами отошли подальше. Лишь после того как мы переправили ее на шлюпку, они воротились на прежнее место.

Доброта дикарей растрогала нас, мы благодарили их знаками, так как никаких подарков не могли предложить им взамен.

Впрочем, в ту же минуту нам представился чудесный случай оказать им большую услугу.

Не успели мы отчалить от берега, как вдруг увидели, что из-за гор выбегают два сильных и страшных зверя. Они мчались со всех ног прямо к морю. Нам показалось, что один из них гонится за другим. Бывшие на берегу люди, особенно женщины, страшно испугались. Началась суматоха, многие завизжали, заплакали. Только тот дикарь, у которого было копье, остался на месте, все прочие пустились бежать врассыпную. Но звери неслись прямо к морю и никого из чернокожих не тронули. Тут только я увидел, какие они громадные. Они с разбегу бросились в воду и стали нырять и плавать, так что можно было, пожалуй, подумать, будто они прибежали сюда единственно ради морского купания.

Вдруг один из них подплыл довольно близко к нашей шлюпке. Этого я не ожидал, но тем не менее не был застигнут врасплох: зарядив поскорее ружье я приготовился встретить врага. Как только он приблизился к нам на расстояние ружейного выстрела я спустил курок и прострелил ему голову. В тот же миг он погрузился в воду, потом вынырнул и поплыл обратно к берегу, то исчезая в воде, то снова появляясь на

поверхности. Он боролся со смертью, захлебываясь водой и истекая кровью. Не доплыв до берега, он издох и пошел ко дну.

Никакими словами нельзя передать, как были ошеломлены дикари, когда услышали грохот и увидели огонь моего выстрела: иные чуть не умерли ее страху и упали на землю как мертвые.

Но, видя, что зверь убит и что я делаю им знаки подойти ближе к берегу, они осмелели и столпились у самой воды: видимо, им очень хотелось найти под водою убитого зверя. В том месте, где он утонул, вода была окрашена кровью, и потому я легко отыскал его. Зацепив его веревкой, я бросил ее конец дикарям и они притянули убитого зверя к берегу. Это был большой леопард с необыкновенно красивой пятнистой шкурой. Дикари, стоя над ним, от изумления и радости подняли руки кверху; они не могли понять, чем я убил его.

Другой зверь, испугавшись моего выстрела, подплыл к берегу и помчался обратно в горы.

Я заметил, что дикарям очень хочется полакомиться мясом убитого леопарда, и мне пришло в голову, что будет хорошо, если они получат его от меня в дар.

Я показал им знаками, что они могут взять зверя себе.

Они горячо поблагодарили меня и в тот же миг принялись за работу. Ножей у них не было, но, действуя острой щепкой, они сняли шкуру с мертвого зверя так быстро и ловко, как мы не сняли бы ее и ножом.

Они предлагали мне мяса, но я отказался, сделав знак, что дарю его им. Я попросил у них шкуру, которую они отдали мне очень охотно. Кроме того, они принесли для меня новый запас провизии, и я с радостью принял их дар. Затем я попросил у них воды: я взял один из наших кувшинов и опрокинул его кверху дном, чтобы показать, что он пуст и что я прошу его наполнить. Тогда они крикнули что-то. Немного погодя появились

две женщины и принесли большой сосуд из обожженной глины (должно быть, дикари обжигают глину на солнце). Этот сосуд женщины поставили на берегу, а сами удалились, как и прежде. Я отправил Ксури на берег со всеми тремя кувшинами, и он наполнил их доверху.

Получив таким образом воду, мясо и хлебные зерна, я расстался с дружелюбными дикарями и в течение одиннадцати дней продолжал путь в прежнем направлении, не сворачивая к берегу.

Каждую ночь во время штиля мы высекали огонь и зажигали в фонаре самодельную свечку, надеясь, что какое-нибудь судно заметит наше крохотное пламя, но ни одного корабля так и не встретилось нам по пути.

Наконец милях в пятнадцати перед собой я увидел полосу земли, далеко выступавшую в море. Погода была безветренная, и я свернул в открытое море, чтобы обогнуть эту косу. В тот миг, когда мы поравнялись с ее оконечностью, я отчетливо увидел милях в шести от берега со стороны океана другую землю и заключил вполне правильно, что узкая косаЗеленый мыс, а та земля, которая маячит вдали, - один из островов Зеленого мыса. Но острова были очень далеко, и я не решался направиться к ним.

Вдруг я услышал крик мальчика:

- Господин! Господин! Корабль и парус!

Наивный Ксури был так перепуган, что чуть не лишился рассудка: он вообразил, будто это один из кораблей его хозяина, посланный за нами в погоню. Но я знал, как далеко ушли мы от мавров, и был уверен, что они нам уже не страшны.

Я выскочил из каюты и сейчас же увидел корабль. Мне даже удалось разглядеть, что корабль этот португальский. "Должно быть, он направляется к берегам Гвинеи", - подумал я. Но, всмотревшись внимательнее, я убедился, что корабль идет в другом

направлении и не имеет намерения поворачивать к берегу. Тогда я поднял все паруса и понесся в открытое море, решившись во что бы то ни стало вступить в переговоры с кораблем.

Вскоре мне стало ясно, что, даже идя полным ходом, я не успею подойти настолько близко, чтобы на корабле могли различить мои сигналы. Но как раз в ту минуту, когда я начинал уже отчаиваться, нас увидали с палубы должно быть, в подзорную трубу. Как я узнал потом, на корабле решили, что это шлюпка с какого-нибудь утонувшего европейского судна. Корабль лег в дрейф, чтобы дать мне возможность приблизиться, и я причалил к нему часа через три.

Меня спросили, кто я такой, сперва по-португальски, потом по-испански, потом по-французски, но ни одного из этих языков я не знал.

Наконец один матрос, шотландец, заговорил со мной по-английски, и я сказал ему, что я англичанин, убежавший из плена. Тогда меня и моего спутника весьма любезно пригласили на корабль. Вскоре мы очутились на палубе вместе с нашей шлюпкой.

Невозможно выразить словами, какой испытал я восторг, когда почувствовал себя на свободе. Я был спасен и от рабства и от грозившей мне смерти! Счастье мое было беспредельно. На радостях я предложил все имущество, какое было со мной, спасителю моему, капитану, в награду за мое избавление. Но капитан отказался.

- Я не возьму с вас ничего, - сказал он. - Все ваши вещи будут возвращены вам в целости, как только мы прибудем в Бразилию. Я спас вам жизнь, так как хорошо сознаю, что и сам мог бы очутиться в такой же беде. И как я был бы счастлив тогда, если бы вы оказали мне такую же помощь! Не забудьте также, что мы едем в Бразилию, а Бразилия далеко от Англии, и там вы можете умереть с голоду без этих вещей. Не для того

же я спасал вас, чтобы потом погубить! Нет-нет, сеньор, я довезу вас до Бразилии даром, а вещи дадут вам возможность обеспечить себе пропитание и оплатить проезд на родину.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Робинзон поселяется в Бразилии. - Он снова уходит в море. Корабль его терпит крушение

Капитан был великодушен и щедр не только на словах, но и на деле. Он добросовестно выполнил все свои обещания. Он приказал, чтобы никто из матросов не смел прикасаться к моему имуществу, затем составил подробный список всех принадлежащих мне вещей, велел сложить их вместе со своими вещами, а список вручил мне, чтобы по прибытии в Бразилию я мог получить все сполна.

Ему захотелось купить мою шлюпку. Шлюпка действительно была хороша. Капитан сказал, что купит ее для своего корабля, и спросил, сколько я хочу за нее.

- Вы, - ответил я, - сделали мне столько добра, что я ни в коем случае не считаю себя вправе назначать цену за шлюпку. Сколько дадите, столько и возьму.

Тогда он сказал, что выдаст мне письменное обязательство уплатить за мою шлюпку восемьдесят червонцев тотчас же по приезде в Бразилию, но, если там найдется у меня другой покупатель, который предложит мне больше, капитан заплатит мне столько же.

Наш переезд до Бразилии совершился вполне благополучно. В пути мы помогали матросам, и они подружились с нами. После двадцатидвухдневного плавания мы вошли в бухту Всех Святых. Тут я окончательно почувствовал, что бедствия мои позади, что я уже свободный человек, а не раб и что жизнь моя начинается сызнова.

Я никогда не забуду, как великодушно отнесся ко мне капитан португальского корабля.

Он не взял с меня ни гроша за проезд; он в полной сохранности возвратил мне все мои вещи, вплоть до трех глиняных кувшинов; он дал мне сорок золотых за львиную шкуру и двадцать - за шкуру леопарда и вообще купил все, что у меня было лишнего и что мне было удобно продать, в том числе ящик с винами, два ружья и оставшийся воск (часть которого пошла у нас на свечи). Одним словом, когда я продал ему большую часть своего имущества и сошел на берег Бразилии, в кармане у меня было двести двадцать золотых.

Мне не хотелось расставаться с моим спутником Ксури: он был таким верным и надежным товарищем, он помог мне добыть свободу. Но у меня ему было нечего делать; к тому же я не был уверен, что мне удастся его прокормить. Поэтому я очень обрадовался, когда капитан заявил мне, что ему нравится этот мальчишка, что он охотно возьмет его к себе на корабль и сделает моряком.

Вскоре по приезде в Бразилию мой друг капитан ввел меня в дом одного своего знакомого. То был владелец плантации сахарного тростника и сахарного завода. Я прожил у него довольно долгое время и благодаря этому мог изучить сахарное производство.

Видя, как хорошо живется здешним плантаторам и как быстро они богатеют, я решил поселиться в Бразилии и тоже заняться производством сахара. На все свои наличные деньги я взял в аренду участок земли и стал составлять план моей будущей плантации и усадьбы.

У меня был сосед по плантации, приехавший сюда из Лиссабона. Звали его Уэллс. Родом он был англичанин, но давно уже перешел в португальское подданство. Мы с ним скоро сошлись и были в самых приятельских отношениях. Первые два года мы оба еле могли прокормиться нашими урожаями. Но по мере того как земля разрабатывалась, мы становились богаче.

Прожив в Бразилии года четыре и постепенно расширяя свое дело, я, само собою разумеется, не только изучил испанский язык, но и познакомился со всеми соседями, а равно и с купцами из Сан-Сальвадора, ближайшего к нам приморского города. Многие из них стали моими друзьями. Мы нередко встречались, и, конечно, я зачастую рассказывал им о двух моих поездках к Гвинейскому берегу, о том, как ведется торговля с тамошними неграми и как легко там за какие-нибудь безделушки - за бусы, ножи, ножницы, топоры или зеркальца - приобрести золотой песок и слоновую кость.

Они всегда слушали меня с большим интересом и подолгу обсуждали то, что я рассказывал им.

Однажды пришли ко мне трое из них и, взяв с меня слово, что весь наш разговор останется в тайне, сказали:

- Вы говорите, что там, где вы были, можно легко достать целые груды золотого песку и других драгоценностей. Мы хотим снарядить корабль в Гвинею за золотом. Согласны ли вы поехать в Гвинею? Вам не придется вкладывать в это предприятие ни гроша: мы дадим вам все, что нужно для обмена. За ваш труд вы получите свою долю прибыли, такую же, как и каждый из нас.

Мне следовало бы отказаться и надолго остаться в плодородной Бразилии, но, повторяю, я всегда был виновником собственных несчастий. Мне страстно захотелось испытать новые морские приключения, и голова у меня закружилась от радости.

В юности я был не в силах побороть свою любовь к путешествиям и не послушал добрых советов отца. Так и теперь я не мог устоять против соблазнительного предложения моих бразильских друзей.

Я ответил им, что охотно поеду в Гвинею, с тем, однако, условием, чтобы во время моего путешествия

они присмотрели за моими владениями и распорядились ими по моим указаниям в случае, если я не вернусь.

Они торжественно обещали выполнить мои пожелания и скрепили наш договор письменным обязательством. Я же, со своей стороны, сделал завещание на случай смерти: все свое движимое и недвижимое имущество я завещал португальскому капитану, который спас мне жизнь. Но при этом я сделал оговорку, чтобы часть капитала он отправил в Англию моим престарелым родителям.

Корабль был снаряжен, и мои компаньоны, согласно условию, нагрузили его товаром.

И вот еще раз - в недобрый час! - 1 сентября 1659 года я ступил на палубу корабля. Это был тот самый день, в который восемь лет назад я убежал из отцовского дома и так безумно загубил свою молодость.

На двенадцатый день нашего плавания мы пересекли экватор и находились под семью градусами двадцатью двумя минутами северной широты, когда на нас неожиданно налетел бешеный шквал. Он налетел с юго-востока, потом стал дуть в противоположную сторону и, наконец, подул с северо-востока дул непрерывно с такой ужасающей силой, что в течение двенадцати дней нам пришлось, отдавшись во власть урагана, плыть, куда гнали нас волны.

Нечего говорить, что все эти двенадцать дней я ежеминутно ждал смерти, да и никто из нас не думал, что останется в живых.

Однажды ранним утром (ветер все еще дул с прежней силой) один из матросов крикнул:

- Земля!

Но не успели мы выбежать из кают, чтобы узнать, мимо каких берегов несется наше несчастное судно, как почувствовали, что оно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки всю нашу палубу окатило такой

неистовой и могучей волной, что мы принуждены были тотчас же скрыться в каютах.

Корабль так глубоко засел в песке, что нечего было и думать стащить его с мели. Нам оставалось одно: позаботиться о спасении собственной жизни. У нас были две шлюпки. Одна висела за кормой; во время шторма ее разбило и унесло в море. Оставалась другая, но никто не знал, удастся ли спустить ее на воду. А между тем размышлять было некогда: корабль мог каждую минуту расколоться надвое.

Помощник капитана бросился к шлюпке и с помощью матросов перебросил ее через борт. Мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку и отдались на волю бушующих волн, так как, хотя шторм уже поутих, все-таки на берег набегали громадные волны и море по всей справедливости могло быть названо бешеным.

Наше положение стало еще более страшным: мы видели ясно, что шлюпку сейчас захлестнет и что нам невозможно спастись. Паруса у нас не было, а если б и был, он оказался бы совершенно бесполезным для нас. Мы гребли к берегу с отчаянием в сердце, как люди, которых ведут на казнь. Мы все понимали, что, едва только шлюпка подойдет ближе к земле, прибой тотчас же разнесет ее в щепки. Подгоняемые ветром, мы налегли на весла, собственноручно приближая свою гибель.

Так несло нас мили четыре, и вдруг разъяренный вал, высокий, как гора, набежал с кормы на нашу шлюпку. Это был последний, смертельный удар. Шлюпка перевернулась. В тот же миг мы очутились под водой. Буря в одну секунду раскидала нас в разные стороны.

Невозможно описать то смятение чувств и мыслей, которые я испытал, когда меня накрыла волна. Я очень хорошо плаваю, но у меня не было сил сразу вынырнуть из этой пучины, чтобы перевести дыхание, и я чуть не

задохся. Волна подхватила меня, протащила по направлению к земле, разбилась и отхлынула прочь, оставив меня полумертвым, так как я наглотался воды. Я перевел дух и немного пришел в себя. Увидев, что земля так близко (гораздо ближе, чем я ожидал), я вскочил на ноги и с чрезвычайной поспешностью направился к берегу. Я надеялся достичь его, прежде чем набежит и подхватит меня другая волна, но скоро понял, что мне от нее не уйти: море шло на меня, как большая гора; оно нагоняло меня, как свирепый враг, с которым невозможно бороться. Я и не сопротивлялся тем волнам, которые несли меня к берегу; но чуть только, отхлынув от земли, они уходили назад, я всячески барахтался и бился, чтобы они не унесли меня обратно в море.

Следующая волна была огромна: не меньше двадцати или тридцати футов вышиной. Она похоронила меня глубоко под собою. Затем меня подхватило и с необыкновенной быстротой помчало к земле. Долго я плыл по течению, помогая ему изо всех сил, и чуть не задохся в воде, как вдруг почувствовал, что меня несет куда-то вверх. Вскоре, к моему величайшему счастью, мои руки и голова оказались над поверхностью воды, и хотя секунды через две на меня налетела другая волна, но все же эта краткая передышка придала мне силы и бодрости.

Новая волна опять накрыла меня с головою, но на этот раз я пробыл под водой не так долго. Когда волна разбилась и отхлынула, я не поддался ее натиску, а поплыл к берегу и вскоре снова почувствовал, что у меня под ногами земля.

Я постоял две-три секунды, вздохнул всей грудью и из последних сил бросился бежать к берегу.

Но и теперь я не ушел от разъяренного моря: оно снова пустилось за мной вдогонку. Еще два раза волны

настигали меня и несли к берегу, который в этом месте был очень отлогим.

Последняя волна с такой силой швырнула меня о скалу, что я потерял сознание.

Некоторое время я был совершенно беспомощен, и, если бы в ту минуту море снова успело налететь на меня, я непременно захлебнулся бы в воде.

К счастью, ко мне вовремя вернулось сознание. Увидев, что сейчас меня снова накроет волна, я крепко уцепился за выступ утеса и, задержав дыхание, старался переждать, пока она схлынет.

Здесь, ближе к земле, волны были не такие огромные. Когда вода схлынула, я опять побежал вперед и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и окатила меня всего, с головой, но уже не могла унести в море.

Я пробежал еще несколько шагов и почувствовал с радостью, что стою на твердой земле. Я стал карабкаться по прибрежным скалам и, добравшись до высокого бугра, упал на траву. Здесь я был в безопасности: вода не могла доплеснуть до меня.

Я думаю, не существует таких слов, которыми можно было бы изобразить радостные чувства человека, восставшего, так сказать, из гроба! Я стал бегать и прыгать, я размахивал руками, я даже пел и плясал. Все мое существо, если можно так выразиться, было охвачено мыслями о моем счастливом спасении.

Но тут я внезапно подумал о своих утонувших товарищах. Мне стало жаль их, потому что во время плавания я успел привязаться ко многим из них. Я вспоминал их лица, имена. Увы, никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, кроме трех принадлежавших им шляп, одного колпака да двух непарных башмаков, выброшенных морем на сушу.

Посмотрев туда, где стоял наш корабль, я еле разглядел его за грядою высоких волн - так он был

далеко! И я сказал себе: "Какое это счастье, великое счастье, что я добрался в такую бурю до этого далекого берега!"

Выразив такими словами свою горячую радость по случаю избавления от смертельной опасности, я вспомнил, что земля может быть так же страшна, как и море, что я не знаю, куда я попал, и что мне необходимо в самом непродолжительном времени тщательно осмотреть незнакомую местность.

Как только я подумал об этом, мои восторги тотчас же остыли: я понял, что хоть я и спас свою жизнь, но не спасся от несчастий, лишений и ужасов. Вся одежда моя промокла насквозь, а переодеться было не во что. У меня не было ни пищи, ни пресной воды, чтобы подкрепить свои силы. Какое будущее ожидало меня? Либо я умру от голода, либо меня растерзают лютые звери. И, что всего печальнее, я не мог охотиться за дичью, не мог обороняться от зверей, так как при мне не было никакого оружия. Вообще при мне не оказалось ничего, кроме ножа да жестянки с табаком.

Это привело меня в такое отчаяние, что я стал бегать по берегу взад и вперед как безумный.

Приближалась ночь, и я с тоской спрашивал себя: "Что ожидает меня, если в этой местности водятся хищные звери? Ведь они всегда выходят на охоту по ночам".

Неподалеку стояло широкое, ветвистое дерево. Я решил взобраться на него и просидеть среди его ветвей до утра. Ничего другого не мог я придумать, чтобы спастись от зверей. "А когда придет утро, - сказал я себе, - я успею поразмыслить о том, какой смертью мне суждено умереть, потому что жить в этих пустынных местах невозможно".

Меня мучила жажда. Я пошел посмотреть, нет ли где поблизости пресной воды, и, отойдя на четверть

мили от берега, к великой моей радости, отыскал ручеек.

Напившись и положив себе в рот табаку, чтобы заглушить голод, я воротился к дереву, влез на него и устроился в его ветвях таким образом, чтобы не свалиться во сне. Затем срезал недлинный сук и, сделав себе дубинку на случай нападения врагов, уселся поудобнее и от страшной усталости крепко уснул.

Спал я сладко, как не многим спалось бы на столь неудобной постели, и вряд ли кто-нибудь после такого ночлега просыпался таким свежим и бодрым.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Робинзон на необитаемом острове. - Он добывает вещи с корабля и строит себе жилье

Проснулся я поздно. Погода была ясная, ветер утих, море перестало бесноваться.

Я взглянул на покинутый нами корабль и с удивлением увидел, что на прежнем месте его уже нет. Теперь его прибило ближе к берегу. Он очутился неподалеку от той самой скалы, о которую меня чуть не расшибло волной. Должно быть, ночью его приподнял прилив, сдвинул с мели и пригнал сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я ночевал. Волны, очевидно, не разбили его: он держался на воде почти прямо.

Я тотчас же решил пробраться на корабль, чтобы запастись провизией и разными другими вещами.

Спустившись с дерева, я еще раз осмотрелся кругом. Первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая по правую руку, на берегу, в двух милях отсюда - там, куда ее швырнул ураган. Я пошел было в том направлении, но оказалось, что прямой дорогой туда не пройдешь: в берег глубоко врезалась бухта, шириною в полмили, и преграждала путь. Я повернул назад, потому что мне было гораздо важнее попасть на корабль: я надеялся найти там еду.

После полудня волны совсем улеглись, и отлив был такой сильный, что четверть мили до корабля я прошел по сухому дну.

Тут снова у меня заныло сердце: мне стало ясно, что все мы теперь были бы живы, если бы не испугались бури и не покинули свой корабль. Нужно было только выждать, чтобы шторм прошел, и мы благополучно добрались бы до берега, и я не был бы теперь вынужден бедствовать в этой безлюдной пустыне.

При мысли о своем одиночестве я заплакал, но, вспомнив, что слезы никогда не прекращают несчастий, решил продолжать свой путь и во что бы то ни стало добраться до разбитого судна. Раздевшись, я вошел в воду и поплыл.

Но самое трудное было еще впереди: взобраться на корабль я не мог. Он стоял на мелком месте, так что почти целиком выступал из воды, а ухватиться было не за что. Я долго плавал вокруг него и вдруг заметил корабельный канат (удивляюсь, как он сразу не бросился мне в глаза!). Канат свешивался из люка, и конец его приходился так высоко над водой, что мне с величайшим трудом удалось поймать его. Я поднялся по канату до кубрика. Подводная часть корабля была пробита, и трюм был наполнен водой. Корабль стоял на твердой песчаной отмели, корма его сильно приподнялась, а нос почти касался воды. Таким образом, вода не попала в корму, и ни одна из вещей, находившихся там, не подмокла. Я поспешил туда, так как мне раньше всего хотелось узнать, какие вещи испортились, а какие уцелели.

Оказалось, что весь запас корабельной провизии остался совершенно сухим. А так как меня мучил голод, то я первым делом пошел в кладовую, набрал сухарей и, продолжая осмотр корабля, ел на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашел бутылку рома и отхлебнул из нее несколько хороших глотков, так как

очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые могли мне понадобиться. Но лодку было неоткуда взять, а желать невозможного бесполезно. Нужно было придумать что-нибудь другое. На корабле были запасные мачты, стеньги и реи. Из этого материала я решил построить плот и горячо принялся за работу. Кубрик-помещение для матросов в носовой части корабля.

Выбрав несколько бревен полегче, я выбросил их за борт, обвязав предварительно каждое бревно канатом, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре бревна, крепко связал их с обоих концов, скрепив еще сверху двумя или тремя дощечками, положенными накрест, и у меня вышло нечто вроде плота.

Меня этот плот отлично выдерживал, но для большого груза он был слишком легок и мал.

Пришлось мне снова взбираться на корабль. Там разыскал я пилу нашего корабельного плотника и распилил запасную мачту на три бревна, которые и приладил к плоту. Плот стал шире и гораздо устойчивее. Эта работа стоила мне огромных усилий, но желание запастись всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что при обыкновенных обстоятельствах у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был широк и крепок, он мог выдержать значительный груз.

Чем же нагрузить этот плот и что сделать, чтобы его не смыло приливом? Долго раздумывать было некогда, нужно было торопиться.

Раньше всего я уложил на плоту все доски, какие нашлись на корабле; потом взял три сундука, принадлежавших нашим матросам, взломал замки и

выбросил все содержимое. Потом я отобрал те вещи, которые могли понадобиться мне больше всего, и наполнил ими все три сундука. В один сундук я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины, служившей нам на корабле главной мясной пищей, и остатки ячменя, который мы везли из Европы для бывших на судне кур; кур мы давно уже съели, а немного зерна осталось. Этот ячмень был перемешан с пшеницей; он очень пригодился бы мне, но, к сожалению, как потом оказалось, был сильно попорчен крысами. Кроме того, я нашел несколько ящиков вина и до шести галлонов рисовой водки, принадлежавших нашему капитану.

Эти ящики я тоже поставил на плот, рядом с сундуками.

Между тем, покуда я был занят погрузкой, начался прилив, и я с огорчением увидел, что мой кафтан, рубашку и камзол, оставленные мной на берегу, унесло в море.

Теперь у меня остались только чулки да штаны (полотняные, короткие до колен), которые я не снял, когда плыл к кораблю. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись не только едой, но и одеждой. На корабле было достаточное количество курток и брюк, но я взял пока одну только пару, потому что меня гораздо больше соблазняло многое другое, и прежде всего рабочие инструменты.

После долгих поисков я нашел ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль, наполненный золотом. Я поставил на плот этот ящик, даже не заглянув в него, так как мне было отлично известно, какие инструменты находятся в нем.

Теперь мне оставалось запастись оружием и зарядами. В каюте я нашел два хороших охотничьих

ружья и два пистолета, которые я уложил на плоту вместе с пороховницей, мешочком дроби и двумя старыми, заржавленными шпагами. Я знал, что у нас на корабле было три бочонка пороху, но не знал, где они хранятся. Однако после тщательных поисков все три бочонка нашлись. Один оказался подмоченным, а два были сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и шпагами. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и надо было отправляться в путь. Добраться до берега на плоту без паруса, без руля - нелегкая задача: довольно было самого слабого встречного ветра, чтобы все мое сооружение опрокинулось.

К счастью, море было спокойно. Начинался прилив, который должен был погнать меня к берегу. Кроме того, поднялся небольшой ветерок, тоже попутный. Поэтому, захватив с собою сломанные весла от корабельной шлюпки, я спешил в обратный путь. Вскоре мне удалось высмотреть маленькую бухту, к которой я и направил свой плот. С большим трудом провел я его поперек течения и наконец вошел в эту бухту, упершись в дно веслом, так как здесь было мелко; едва начался отлив, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Теперь мне предстояло осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жизни - такое, где я мог бы сложить все свое имущество, не боясь, что оно погибнет. Я все еще не знал, куда я попал: на материк или на остров. Живут ли здесь люди? Водятся ли здесь хищные звери? В полумиле от меня или немного дальше виднелся холм, крутой и высокий. Я решил подняться на него, чтобы осмотреться кругом. Взяв ружье, пистолет и пороховницу, я отправился на разведку.

Взбираться на вершину холма было трудно. Когда же я наконец взобрался, я увидел, какая горькая участь выпала мне на долю: я был на острове! Кругом со всех сторон расстилалось море, за которым нигде не было

видно земли, если не считать торчавших в отдалении нескольких рифов да двух островков, лежавших милях в девяти к западу. Эти островки были маленькие, гораздо меньше моего.

Я сделал и другое открытие: растительность на острове была дикая, нигде не было видно ни клочка возделанной земли! Значит, людей здесь и в самом деле не было!

Хищные звери здесь тоже как будто не водились, по крайней мере я не приметил ни одного. Зато птицы водились во множестве, все каких-то неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось подстрелить птицу, я никогда не мог определить по виду, годится в пищу ее мясо или нет.

Спускаясь с холма, я подстрелил одну птицу, очень большую: она сидела на дереве у опушки леса.

Я думаю, это был первый выстрел, раздавшийся в этих диких местах. Не успел я выстрелить, как над лесом взвилась туча птиц. Каждая кричала на свой лад, но ни один из этих криков не походил на крики знакомых мне птиц.

Убитая мною птица напоминала нашего европейского ястреба и окраской перьев, и формой клюва. Только когти у нее были гораздо короче. Мясо ее отдавало падалью, и я не мог его есть.

Таковы были открытия, которые я сделал в первый день. Потом я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня.

К вечеру я снова стал думать, как и где мне устроиться на ночь.

Лечь прямо на землю я боялся: что, если мне грозит нападение какого-нибудь хищного зверя? Поэтому выбрав на берегу удобное местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а

внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша.

Беспокоил меня также вопрос, как я буду добывать себе пищу, когда у меня выйдут запасы: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из лесу при звуке моего выстрела, никаких живых существ я здесь не видел.

Впрочем, в настоящее время меня гораздо больше занимало другое. Я увез с корабля далеко не все, что можно было взять; там осталось много вещей, которые могли мне пригодиться, и прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если мне ничто не помешает, снова побывать на корабле. Я был уверен, что при первой же буре его разобьет в щепки. Нужно было отложить все другие дела и спешно заняться разгрузкой судна. Нельзя успокаиваться, пока я не свезу на берег все вещи, до последнего гвоздика.

Придя к такому решению, я стал думать, ехать ли мне на плоту или отправиться вплавь, как в первый раз. Я решил, что удобнее отправиться вплавь. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой сорочке, в полотняных штанах и кожаных туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по канату, затем сколотил новый плот и перевез на нем много полезных вещей. Во-первых, я захватил все, что нашлось в чуланчике нашего плотника, а именно: два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвертку, дюжины две топоров, а главное - такую полезную вещь, как точило.

Потом я прихватил несколько вещей, найденных мною у нашего канонира: три железных лома, два бочонка с ружейными пулями и немного пороху. Потом я разыскал на корабле целый ворох всевозможного платья да прихватил еще запасный парус, гамак, несколько тюфяков и подушек. Все это я сложил на

плоту и, к великому моему удовольствию, доставил на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я боялся, как бы в мое отсутствие на провизию не напали какие-нибудь хищники. К счастью, этого не случилось.

Только какой-то зверек прибежал из лесу и уселся на одном из моих сундуков. Увидав меня, он отбежал немного в сторону, но тотчас же остановился, встал на задние лапы и с невозмутимым спокойствием, без всякого страха поглядел мне в глаза, словно хотел познакомиться со мной.

Зверек был красивый, похожий на дикую кошку. Я прицелился в него из ружья, но он, не догадываясь об угрожавшей ему опасности, даже не тронулся с места. Тогда я бросил ему кусок сухаря, хотя это было с моей стороны неразумно, так как сухарей у меня было мало и мне следовало их беречь. Все же зверек так понравился мне, что я уделил ему этот кусок сухаря. Он подбежал, обнюхал сухарь, съел его и облизнулся с большим удовольствием. Видно было, что он ждет продолжения. Но больше я не дал ему ничего. Он посидел немного и ушел.

После этого я принялся строить себе палатку. Я сделал ее из паруса и жердей, которые нарезал в лесу. В палатку я перенес все, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг нагромоздил пустые ящики и сундуки, на случай внезапного нападения людей или диких зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри загородился досками. Затем я разостлал на земле постель, положил у изголовья два пистолета, рядом с постелью - ружье и лег.

После кораблекрушения это была первая ночь, которую я провел в постели. Я крепко проспал до утра, так как в предыдущую ночь спал очень мало, а весь

день работал без отдыха: сперва грузил вещи с корабля на плот, а потом переправлял их на берег.

Ни у кого, я думаю, не было такого огромного склада вещей, какой был теперь у меня. Но мне все казалось мало. Корабль был цел, и, покуда не отнесло его в сторону, покуда на нем оставалась хоть одна вещь, которой я мог воспользоваться, я считал необходимым свезти оттуда на берег все, что возможно. Поэтому каждый день я отправлялся туда во время отлива и привозил с собою все новые и новые вещи.

Особенно успешным было третье мое путешествие. Я разобрал все снасти и взял с собой все веревки. В этот же раз я привез большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса; только пришлось разрезать их на куски и перевезти по частям. Впрочем, я не жалел об этом: паруса были нужны мне отнюдь не для мореплавания, и вся их ценность заключалась для меня в парусине, из которой они были сшиты.

Теперь с корабля было взято решительно все, что под силу поднять одному человеку. Остались только громоздкие вещи, за которые я и принялся в следующий рейс. Я начал с канатов. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне не было слишком трудно управляться с ними, и по кускам перевез три каната. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отодрать при помощи топора. Затем, обрубив все оставшиеся реи, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжести и пустился в обратный путь.

Но на этот раз счастье изменило мне: мой плот был так тяжело нагружен, что мне было очень трудно им управлять.

Когда, войдя в бухточку, я подходил к берегу, где было сложено остальное мое имущество, плот опрокинулся, и я упал в воду со всем моим грузом. Утонуть я не мог, так как это произошло неподалеку от берега, но почти весь мой груз очутился под водой; главное, затонуло железо, которым я так дорожил.

Правда, когда начался отлив, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, но мне приходилось нырять за каждым куском, и это очень утомило меня.

Мои поездки на корабль продолжались изо дня в день, и каждый раз я привозил что-нибудь новое.

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетащив на берег решительно все, что в состоянии поднять пара человеческих рук. Не сомневаюсь, что, если бы тихая погода продержалась дольше, я перевез бы по частям весь корабль.

Делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что поднимается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. Во время прежних своих посещений я так основательно обшарил нашу каюту, что мне казалось, будто там уж ничего невозможно найти. Но вдруг мне бросился в глаза маленький шкаф с двумя ящиками: в одном я нашел три бритвы, ножницы и около дюжины хороших вилок и ножей; в другом ящике оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой, - всего до тридцати шести фунтов стерлингов.

Я усмехнулся при виде этих денег.

- Негодный мусор, - проговорил я, - на что ты мне теперь? Всю кучу золота я охотно отдал бы за любой из этих грошовых ножей. Мне некуда тебя девать. Так отправляйся же на дно морское. Если бы ты лежал на полу, право, не стоило бы труда нагибаться, чтобы поднять тебя.

Но, поразмыслив немного, я все же завернул деньги в кусок парусины и прихватил, их с собой.

Море бушевало всю ночь, и, когда поутру я выглянул из своей палатки, от корабля не осталось и следа. Теперь я мог всецело заняться вопросом, который тревожил меня с первого дня: что мне делать, чтобы на меня не напали ни хищные звери, ни дикие люди? Какое жилье мне устроить? Выкопать пещеру или поставить палатку?

В конце концов я решил сделать и то и другое.

К этому времени мне стало ясно, что выбранное мною место на берегу не годится для постройки жилища: это было болотистое, низменное место, у самого моря. Жить в подобных местах очень вредно. К тому же поблизости не было пресной воды. Я решил найти другой клочок земли, более пригодный для жилья. Мне было нужно, чтобы жилье мое было защищено и от солнечного зноя и от хищников; чтобы оно стояло в таком месте, где нет сырости; чтобы вблизи была пресная вода. Кроме того, мне непременно хотелось, чтобы из моего дома было видно море.

"Может случиться, что неподалеку от острова появится корабль, - говорил я себе, - а если я не буду видеть моря, я могу пропустить этот случай".

Как видите, мне все еще не хотелось расставаться с надеждой.

После долгих поисков я нашел наконец подходящий участок для постройки жилища. Это была небольшая гладкая полянка на скате высокого холма. От вершины до самой полянки холм спускался отвесной стеной, так что я мог не опасаться нападения сверху. В этой стене у самой полянки было небольшое углубление, как будто вход в пещеру, но никакой пещеры не было. Вот тут-то, прямо против этого углубления, на зеленой полянке я и решил разбить палатку.

Место это находилось на северо-западном склоне холма, так что почти до самого вечера оно оставалось в тени. А перед вечером его озаряло заходящее солнце.

Прежде чем ставить палатку, я взял заостренную палку и описал перед самым углублением полукруг ярдов десяти в диаметре. Затем по всему полукругу я вбил в землю два ряда крепких высоких кольев, заостренных на верхних концах. Между двумя рядами кольев я оставил небольшой промежуток и заполнил его до самого верха обрезками канатов, взятых с корабля. Я сложил их рядами, один на другой, а изнутри укрепил ограду подпорками. Ограда вышла у меня на славу: ни пролезть сквозь нее, ни перелезть через нее не мог ни человек, ни зверь. Эта работа потребовала много времени и труда. Особенно трудно было нарубить в лесу жердей, перенести их на место постройки, обтесать и вбить в землю.

Забор был сплошной, двери не было. Для входа в мое жилище мне служила лестница. Я приставлял ее к частоколу всякий раз, когда мне нужно было войти или выйти.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Робинзон на новоселье. - Коза и козленок

Трудно мне было перетаскивать в крепость все мои богатства - провизию, оружие и другие вещи. Еле справился я с этой работой. И сейчас же пришлось взяться за новую: разбить большую, прочную палатку.

В тропических странах дожди, как известно, бывают чрезвычайно обильны и в определенное время года льют без перерыва много дней. Чтобы предохранить себя от сырости, я сделал двойную палатку, то есть сначала поставил одну палатку, поменьше, а над нею - другую, побольше. Наружную палатку я накрыл брезентом, захваченным мною на корабле вместе с парусами.

Теперь я спал уже не на подстилке, брошенной прямо на землю, а в очень удобном гамаке, принадлежавшем помощнику нашего капитана.

Я перенес в палатку все съестные припасы и прочие вещи, которые могли испортиться от дождей. Когда все это было внесено внутрь ограды, я наглухо заделал отверстие, временно служившее мне дверью, и стал входить по приставной лестнице, о которой уже сказано выше. Таким образом, я жил, как в укрепленном замке, огражденный от всяких опасностей, и мог спать совершенно спокойно.

Заделав ограду, я принялся копать пещеру, углубляя естественную впадину в горе. Пещера приходилась как раз за палаткой и служила мне погребом. Выкопанные камни я уносил через палатку во дворик и складывал у ограды с внутренней стороны. Туда же ссыпал я и землю, так что почва во дворике поднялась фута на полтора.

Немало времени отняли у меня эти работы. Впрочем, в ту пору меня занимали многие другие дела и случилось несколько таких происшествий, о которых я хочу рассказать.

Как-то раз, еще в то время, когда я только готовился ставить палатку и рыть пещеру, набежала вдруг черная туча и хлынул проливной дождь. Потом блеснула молния, раздался страшный удар грома.

В этом, конечно, не было ничего необыкновенного, и меня испугала не столько самая молния, сколько одна мысль, которая быстрее молнии промелькнула у меня в уме: "Мой порох!"

У меня замерло сердце. Я с ужасом думал: "Один удар молнии может уничтожить весь мой порох! А без него я буду лишен возможности обороняться от хищных зверей и добывать себе пищу". Странное дело: в то время я даже не подумал о том, что при взрыве раньше всего могу погибнуть я сам.

Этот случай произвел на меня такое сильное впечатление, что, как только гроза прошла, я отложил на время все свои работы по устройству и укреплению жилища и принялся за столярное ремесло и шитье: я шил мешочки и делал ящички для пороха. Нужно было разделить порох на несколько частей и каждую часть хранить отдельно, чтобы они не могли вспыхнуть все сразу.

На эту работу у меня ушло почти две недели. Всего пороху у меня было до двухсот сорока фунтов. Я разложил все это количество по мешочкам и ящичкам, разделив его по крайней мере на сто частей.

Мешочки и ящички я запрятал в расселины горы, в таких местах, куда не могла проникнуть сырость, и тщательно отметил каждое место. За бочонок с подмоченным порохом я не боялся - этот порох и без того был плохой - и потому поставил его, как он был, в пещеру, или в свою "кухню", как я мысленно называл ее.

Все это время я раз в день, а иногда и чаще, выходил из дому с ружьем - для прогулки, а также для того, чтобы ознакомиться с местной природой и, если удастся, подстрелить какую-нибудь дичь.

В первый же раз как я отправился в такую экскурсию, я сделал открытие, что на острове водятся козы. Я очень обрадовался, но вскоре оказалось, что козы необычайно проворны и чутки, так что подкрасться к ним нет ни малейшей возможности. Впрочем, это не смутило меня: я не сомневался, что рано или поздно научусь охотиться за ними.

Вскоре я подметил одно любопытное явление: когда козы были на вершине горы, а я появлялся в долине, все стадо тотчас же убегало от меня прочь; но если козы были в долине, а я на горе, тогда они, казалось, не замечали меня. Из этого я сделал вывод, что глаза у них устроены особенным образом: они не видят того, что

находится наверху. С тех пор я стал охотиться так: взбирался на какой-нибудь холм и стрелял в коз с вершины.

Первым же выстрелом я убил молодую козу, при которой был сосунок. Мне от души было жаль козленка. Когда мать упала, он продолжал смирно стоять возле нее и доверчиво глядел на меня. Мало того, когда я подошел к убитой козе, взвалил ее на плечи и понес домой, козленок побежал за мной. Так мы дошли до самого дома. Я положил козу на землю, взял козленка и спустил его через ограду во двор. Я думал, что мне удастся вырастить его и приручить, но он еще не умел есть траву, и я был принужден его зарезать. Мне надолго хватило мяса этих двух животных. Ел я вообще немного, стараясь по возможности беречь свои запасы, в особенности сухари.

После того как я окончательно устроился в своем новом жилище, мне пришлось задуматься над тем, как бы мне скорее сложить себе печь или вообще какой-нибудь очаг. Необходимо было также запастись дровами.

Как я справился с этой задачей, как я увеличил свой погреб, как постепенно окружил себя некоторыми удобствами жизни, я подробно расскажу на дальнейших страницах.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Календарь Робинзона. - Робинзон устраивает свое жилье

- Вскоре после того, как я поселился на острове, мне вдруг пришло в голову, что я потеряю счет времени и даже перестану отличать воскресенья от будней, если не заведу календаря.

Календарь я устроил так: обтесал топором большое бревно и вбил его в песок на берегу, на том самом месте, куда меня выбросило бурей, и прибил к этому

столбу перекладину, на которой вырезал крупными буквами такие слова:

ЗДЕСЬ Я ВПЕРВЫЕ
СТУПИЛ НА ЭТОТ ОСТРОВ
30 СЕНТЯБРЯ 1659 ГОДА

С тех пор я каждый день делал на своем столбе зарубку в виде короткой черточки. Через шесть черточек я делал одну длиннее - это означало воскресенье; зарубки же, обозначающие первое число каждого месяца, я делал еще длиннее. Таким образом я вел мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя вещи, перевезенные мною с корабля, как уже было сказано, в одиннадцать приемов, я не упомянул о многих мелочах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее большую службу. Так, например, в каютах капитана и его помощника я нашел чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подзорные трубы, географические карты и корабельный журнал. Все это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Затем мне попалось несколько книг на португальском языке. Я подобрал и их.

Были у нас на корабле две кошки и собака. Кошек я перевез на берег на плоту; собака же еще во время моей первой поездки сама спрыгнула в воду и поплыла за мной. Много лет она была мне надежным помощником, служила мне верой и правдой. Она почти заменяла мне человеческое общество, только не могла говорить. О, как бы дорого я дал, чтобы она заговорила!

Чернила, перья и бумагу я старался всячески беречь. Пока у меня были чернила, я подробно записывал все, что случалось со мной; когда же они иссякли, пришлось прекратить записи, так как я не

умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Вообще, хотя у меня был такой обширный склад всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало еще очень многого: у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки - ни одного инструмента для земляных работ. Не было ни иголок, ни ниток. Мое белье пришло в полную негодность, но вскоре я научился обходиться совсем без белья, не испытывая большого лишения.

Так как мне не хватало нужных инструментов, всякая работа шла у меня очень медленно и давалась с большим трудом. Над тем частоколом, которым я обвел мое жилище, я работал чуть не целый год. Нарубить в лесу толстые жерди, вытесать из них колья, перетащить эти колья к палатке - на все это нужно было много времени. Колья были очень тяжелые, так что я мог поднять не более одного зараз, и порою у меня уходило два дня лишь на то, чтобы вытесать кол и принести его домой, а третий день - чтобы вбить его в землю.

Вбивая колья в землю, я употреблял сначала тяжелую дубину, но потом я вспомнил, что у меня есть железные ломы, которые я привез с корабля. Я стал работать ломом, хотя не скажу, чтобы это сильно облегчило мой труд. Вообще вбивание кольев было для меня одной из самых утомительных и неприятных работ. Но мне ли было этим смущаться? Ведь все равно я не знал, куда мне девать мое время, и другого дела у меня не было, кроме скитаний по острову в поисках пищи; этим делом я занимался аккуратно изо дня в день.

Порою на меня нападало отчаяние, я испытывал смертельную тоску, чтобы побороть эти горькие чувства, я взял перо и попытался доказать себе самому,

что в моем бедственном положении есть все же немало хорошего.

Я разделил страницу пополам и написал слева "худо", а справа "хорошо", и вот что у меня получилось:

ХУДО ХОРОШО

Я заброшен на уны- Но я остался в жилый, необитаемый ост- вых, хотя мог бы уторов, и у меня нет ника- нуть, как все мои спуткой надежды спастись. ники.

Я удален от всего Но я не умер с гочеловечества; я пустын- лоду и не погиб в этой ник, изгнанный навсегда пустыне. из мира людей.

У меня мало одеж- Но климат здесь ды, и скоро мне нечем жаркий, и можно обойбудет прикрыть наготу. тись без одежды.

Я не могу защитить Но здесь нет ни люсебя, если на меня на- дей, ни зверей. И я падут злые люди или могу считать себя счастдикие звери. ливым, что меня не вы

бросило на берег Афри

ки, где столько свире

пых хищников.

Мне не с кем пере- Но я успел запастись молвиться словом, не- всем необходимым для кому ободрить и уте- жизни и обеспечить себе шить меня. пропитание до конца сво

их дней.

Эти размышления оказали мне большую поддержку. Я увидел, что мне не следует унывать и отчаиваться, так как в самых тяжелых горестях можно и должно найти утешение.

Я успокоился и стал гораздо бодрее. До той поры я только и думал, как бы мне покинуть этот остров; целыми часами я вглядывался в морскую даль - не покажется ли где-нибудь корабль. Теперь же, покончив с пустыми надеждами, я стал думать о том, как бы мне получше наладить мою жизнь на острове.

Я уже описывал свое жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесенная крепким двойным частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать стеной или валом, потому что вплотную к ней, с наружной ее стороны, я вывел земляную насыпь в два фута толщиной.

Спустя еще некоторое время (года через полтора) я положил на свою насыпь жерди, прислонив их к откосу горы, а сверху сделал настил из веток и длинных широких листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в определенное время года беспощадно поливали мой остров.

Читатель уже знает, что все имущество я перенес в свою крепость сначала только в ограду, а затем и в пещеру, которую я вырыл в холме за палаткой. Но я должен сознаться, что первое время мои вещи были свалены в кучу, как попало, и загромождали весь двор. Я постоянно натыкался на них, и мне буквально негде было повернуться. Чтобы уложить все как следует, пришлось расширить пещеру.

После того как я заделал вход в ограду и, следовательно, мог считать себя в безопасности от нападения хищных зверей, я принялся расширять и удлинять мою пещеру. К счастью, гора состояла из рыхлого песчаника. Прокопав землю вправо, сколько было нужно по моему расчету, я повернул еще правее и вывел ход наружу, за ограду.

Этот сквозной подземный ход - черный ход моего жилища - не только давал мне возможность свободно уходить со двора и возвращаться домой, но и значительно увеличивал площадь моей кладовой.

Покончив с этой работой, я принялся мастерить себе мебель. Всего нужнее были мне стол и стул: без стола и стула я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удобствами, какие были доступны мне в

моем одиночестве, - не мог ни есть по-человечески, ни писать, ни читать.

И вот я стал столяром.

Ни разу в жизни до той поры я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее благодаря природной сообразительности и упорству в труде я малопомалу приобрел такой опыт, что, будь у меня все необходимые инструменты, мог бы сколотить любую мебель.

Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком, я сделал множество вещей, хотя, вероятно, никто еще не делал их столь первобытным способом и не затрачивал при этом так много труда. Только для того чтобы сделать доску, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и обтесывать с обеих сторон до тех пор, пока он не превратится в какое-то подобие доски. Способ был неудобный и очень невыгодный, так как из целого дерева выходила лишь одна доска. Но ничего не поделаешь, приходилось терпеть. К тому же мое время и мой труд стоили очень дешево, так не все ли равно, куда и на что они шли?

Итак, прежде всего я сделал себе стол и стул. Я употребил на это короткие доски, взятые с корабля. Затем я натесал длинных досок своим первобытным способом и приладил в моем погребе несколько полок, одну над другой, фута по полтора шириной. Я сложил на них инструменты, гвозди, обломки железа и прочую мелочь - словом, разложил все по местам, чтобы, когда понадобится, я мог легко найти каждую вещь.

Кроме того, я вбил в стену моего погреба колышки и развесил на них ружья, пистолеты и прочие вещи.

Кто увидел бы после этого мою пещеру, наверное принял бы ее за склад всевозможных хозяйственных принадлежностей. И для меня было истинным удовольствием заглядывать в этот склад - так много

было там всякого добра, в таком порядке были разложены и развешаны все вещи, и каждая мелочь была у меня под рукой.

С этих-то пор я и начал вести свой дневник, записывая все, что я сделал в течение дня. Первое время мне было не до записей: я был слишком завален работой; к тому же меня удручали тогда такие мрачные мысли, что я боялся, как бы они не отразились в моем дневнике.

Но теперь, когда мне наконец удалось совладать со своей тоской, когда, перестав баюкать себя бесплодными мечтами и надеждами, я занялся устройством своего жилья, привел в порядок свое домашнее хозяйство, смастерил себе стол и стул, вообще устроился по возможности удобно и уютно, я принялся за дневник. Привожу его здесь целиком, хотя большая часть описанных в нем событий уже известна читателю из предыдущих глав. Повторяю, я вел мой дневник аккуратно, пока у меня были чернила. Когда же чернила вышли, дневник поневоле пришлось прекратить. Прежде всего я сделал себе стол и стул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дневник Робинзона. - Землетрясение

30 сентября 1659 года. Наш корабль, застигнутый в открытом море страшным штормом, потерпел крушение. Весь экипаж, кроме меня, утонул; я же, несчастный Робинзон Крузо, был выброшен полумертвым на берег этого проклятого острова, который назвал островом Отчаяния.

До поздней ночи меня угнетали самые мрачные чувства: ведь я остался без еды, без жилья; у меня не было ни одежды, ни оружия; мне негде было спрятаться, если бы на меня напали враги. Спасения ждать было неоткуда. Я видел впереди только смерть: либо меня растерзают хищные звери, либо убьют дикари, либо я умру голодной смертью.

Когда настала ночь, я влез на дерево, потому что боялся зверей. Всю ночь я проспал крепким сном, несмотря на то что шел дождь.

1 октября. Проснувшись поутру, я увидел, что наш корабль сняло с мели приливом и пригнало гораздо ближе к берегу. Это подало мне надежду, что, когда ветер стихнет, мне удастся добраться до корабля и запастись едой и другими необходимыми вещами. Я немного приободрился, хотя печаль о погибших товарищах не покидала меня. Мне все думалось, что, останься мы на корабле, мы непременно спаслись бы. Теперь из его обломков мы могли бы построить баркас, на котором и выбрались бы из этого гиблого места.

Как только начался отлив, я отправился на корабль. Сначала я шел по обнажившемуся дну моря, а потом пустился вплавь. Весь этот день дождь не прекращался, но ветер утих совершенно.

С 1 по 24 октября я был занят перевозкой вещей. Я отплывал на корабль с наступлением отлива и плыл обратно, когда начинался прилив. Вещи перевозил на плотах. Все время шли дожди; порою погода прояснялась, но ненадолго: должно быть, в здешних широтах это период дождей.

25 октября. Всю ночь и весь день шел дождь и дул сильный порывистый ветер. Корабль за ночь разбило в щепки; на том месте, где он стоял, торчат какие-то жалкие обломки, да и те видны только во время отлива. Весь этот день я хлопотал около вещей: укрывал и укутывал их, чтобы не испортились от дождя.

26 октября. Нашел, как мне кажется, подходящее место для жилья. Нужно будет обнести его частоколом.

С 27 по 30 октября усиленно работал: перетаскивал свое имущество в новое жилище, хотя почти все время шел дождь.

31 октября. Утром бродил по острову с ружьем, надеясь подстрелить какую-нибудь дичь, а кстати и

осмотреть окрестности. Убил козу. Ее козленок побежал за мной и проводил меня до самого дома, но вскоре пришлось убить и его - он был так мал, что еще не умел есть траву.

1 ноября. Разбил на новом месте, у самой горы, большую палатку и повесил в ней на кольях гамак.

4 ноября. Распределил свое время, назначив определенные часы для охоты за дичью, для работы, для сна и для развлечений. С утра, если нет дождя, часа два-три брожу по острову с ружьем, затем до одиннадцати работаю, в одиннадцать завтракаю, с двенадцати до двух отдыхаю (так как это самая жаркая пора дня), с двух опять принимаюсь за работу. Все рабочие Часы в последние два дня я мастерил стол. В то время я был еще плохим столяром. Но чему не научит нужда! Я становлюсь мастером на все руки. Без сомнения, такого же мастерства достиг бы и всякий другой, если бы очутился в моем положении.

13 ноября. Шел дождь. Земля и воздух заметно освежились, и стало легче дышать, но все время гремел страшный гром и сверкала молния, так что я испугался, как бы не воспламенился мой порох. Когда гроза прошла, я решил весь мой запас пороха разделить на самые мелкие части и хранить в разных местах, чтобы он не взорвался весь разом.

14, 15 и 16 ноября. Все эти дни делал ящички для пороха; в каждый такой ящичек должно войти от одного до двух фунтов. Сегодня разложил весь порох по ящичкам и запрятал их в расселины горы, как можно дальше один от другого. Вчера убил большую птицу. Что это за птица, не знаю. Мясо у нее было вкусное.

17 ноября. Сегодня начал было рыть пещеру в песчаной горе за палаткой, чтобы поудобнее разложить мое имущество. Но для этой работы необходимы три вещи: кирка, лопата и тачка или корзина, чтобы выносить вырытую землю, а у меня ничего этого нет.

Пришлось прекратить работу. Долго думал, чем заменить эти вещи или как их сделать. Вместо кирки попробовал работать железным ломом; он годится, только слишком тяжел. Затем остаются лопата и тачка. Без лопаты никак нельзя обойтись, но я решительно не могу придумать, как ее сделать или чем заменить.

18 ноября. Нашел в лесу то самое дерево (или той же породы), которое в Бразилии называют "железным", потому что оно необыкновенно упруго. Срубил одно дерево с большим трудом. Мой топор совсем затупился. Отрубив от ствола большой чурбан, я еле дотащил его до моего жилья - так он оказался тяжел! Я решил сделать из него лопату. Дерево было такое твердое, что эта работа отняла у меня очень много времени и труда. Но лопату я все-таки сделал. Рукоятка вышла не хуже, чем делают у нас в Англии, а самая лопата оказалась непрочной. Следовало бы обить ее железом, но листового железа у меня не было, поэтому она прослужила мне недолго. Впрочем, на первых порах я хорошо использовал ее для земляных работ, хотя, я думаю, ни одна лопата в мире не изготовлялась таким затейливым способом, ни на одну не тратилось так много труда.

Мне не хватало еще тачки или корзины. О корзине я не смел и мечтать: чтобы сплести ее, нужны были гибкие прутья, а я, несмотря на все поиски, так и не нашел их в лесу. Смастерить тачку у меня, пожалуй, хватило бы уменья, но ведь для тачки требуется колесо, я же не имел никакого понятия о том, как изготовляются колеса. Кроме того, колесо нужно было надеть на железную ось, которой у меня тоже не было. Пришлось отказаться от этой затеи. Вместо тачки я сколотил из досок небольшое корыто, вроде тех, в которых каменщики держат известку. В нем я и выносил вырытую землю.

Корыто было легче сделать, чем лопату. Но все вместе - корыто, лопата и бесплодные попытки сделать тачку - отняло у меня по меньшей мере четыре дня, за исключением тех утренних часов, когда я уходил на охоту с ружьем. Вообще редкий день я не выходил на охоту, и почти не было случая, чтобы я не принес какой-нибудь дичи.

23 ноября. Закончил работу над лопатой и корытом. Как только эти вещи были готовы, принялся опять копать пещеру. Копал весь день, насколько хватало сил. Мне нужно было очень просторное помещение, которое в одно и то же время могло бы служить погребом, складочным местом для вещей, кладовой, кухней и столовой.

10 декабря. Так я проработал ровно восемнадцать дней и уже считал свою работу законченной, как вдруг сегодня с одного края обвалилась земля. Должно быть, я сделал пещеру слишком широкой. Обвал был так велик, что я испугался: будь я в это время в пещере, мне уже наверное не понадобился бы могильщик. Этот горестный случай наделал мне много хлопот: надо будет выносить из пещеры всю обвалившуюся землю, а главное - придется теперь подпереть свод, иначе никогда нельзя быть уверенным, что обвал не повторится.

11 декабря. С нынешнего дня принялся за работу. Пока поставил две сваи и на каждой по две доски крест-накрест.

77 декабря. Окончательно укрепил первые две сваи и поставил еще несколько, тоже с досками наверху, как и первые две. Теперь уж никакой обвал мне не страшен. Сваи я поставил рядами, так что они будут заодно, служить в моем погребе перегородкой. Эта работа заняла у меня всю неделю. С этого дня по 20 декабря прилаживал в погребе полки, вбивал в перегородку гвозди и развешивал все вещи, какие можно повесить.

20 декабря. Перенес в пещеру всю утварь и разложил все по местам. Теперь хозяйство у меня в полном порядке. Сделал еще один стул и прибил несколько маленьких полочек для провизии - вышло нечто вроде буфета. Досок остается у меня очень мало.

24 декабря. Всю ночь и весь день шел проливной дождь. Не выходил из дому.

26 декабря. Дождь перестал. Наступила ясная погода. Стало гораздо прохладнее.

27 декабря. Подстрелил двух козлят: одного убил, другого ранил в ногу, так что он не мог убежать; поймал его и привел домой на веревке. Дома осмотрел его ногу: она была перебита; я забинтовал ее.

Примечание. Я выходил этого козленка: сломанная нога срослась, и он стал отлично бегать. Но от меня не убежал: я так долго возился с ним, что он ко мне привык и не хотел уходить. Он пасся на лужайке, неподалеку от палатки. Глядя на него, я подумал, что хорошо было бы завести домашний скот, чтобы подготовить себе пропитание к тому времени, когда у меня выйдут заряды и порох.

28, 29, 30 и 31 декабря. Сильная жара при полном безветрии. Выходил из дому только по вечерам на охоту. Окончательно привел в порядок все свое хозяйство.

1 января 1660 года. Жара не спадает, и все же сегодня я дважды ходил на охоту: рано утром и вечером. В полдень отдыхал. Вечером прошел по долине в глубь острова и видел много коз, но они так пугливы, что нельзя подойти к ним близко. Хочу попробовать охотиться на них с собакой.

2 января. Сегодня взял с собою собаку и натравил ее на коз, но опыт не удался: все стадо повернулось навстречу собаке. Она, должно быть, отлично поняла угрожавшую ей опасность, так как убежала прочь и ни за что не хотела приблизиться к ним.

3 января. Решил сделать ограду и насыпать вокруг нее земляной вал, так как все еще боюсь неожиданного нападения врагов. Попытаюсь сделать этот вал возможно толще и крепче...

Моя ограда уже описана на предыдущих страницах, и потому я опускаю все, что говорится о ней у меня в дневнике.

Вместе с тем я продолжал между делом ежедневно бродить по острову, отыскивая дичь, если, конечно, погода была не слишком плоха. Во время этих скитаний я сделал много полезных открытий. Я, например, наткнулся на особую породу голубей, которые вьют гнезда не на деревьях, как наши дикие голуби, а в расселинах скал, так что человеку гораздо легче добраться до них.

Однажды я вынул из гнезда птенцов и принес их домой, чтобы выкормить и приручить. Я много возился с ними, но, как только они возмужали и у них окрепли крылья, они улетели один за другим. Впрочем, может быть, это произошло оттого, что у меня не было для них подходящего корма.

После этого случая я нередко брал птенцов из гнезд, так как они были очень вкусны и из них можно было приготовить отличный обед.

За это время я сделал большие успехи в столярном искусстве и не хуже заправского столяра стал действовать топором и рубанком.

Но все же были такие вещи, которые мне так и не удалось смастерить. Например, бочонки. У меня было, как я уже говорил, два или три бочонка с корабля, которые могли служить мне образцами, но сколько я ни бился, у меня ничего не вышло, хотя я потратил на эту попытку несколько недель. Я не мог ни вставить дно, ни сколотить дощечки настолько плотно, чтобы они не пропускали воды. Так я и бросил эту затею.

Очень трудно было обходиться без свечей. Бывало, как только стемнеет (а смеркалось около семи часов), я был вынужден ложиться в постель. Я часто вспоминал про тот кусок воска, из которого мы с Ксури делали свечи во время наших странствий у берегов Африки. Но воска у меня не было, и единственное, что я мог придумать, это воспользоваться жиром тех коз, которых я убивал на охоте. И я действительно устроил себе светильник из козьего жира: плошку вылепил собственноручно из глины и обжег ее хорошенько на солнце, а для фитиля взял пеньку из старой веревки. Светильник горел очень тускло, гораздо хуже, чем восковая свеча. К тому же он часто мигал и гас.

Как-то раз, когда я был занят всеми этими делами по устройству моего хозяйства, я шарил у себя в складе, отыскивая какую-то нужную вещь, и мне попался небольшой мешок с ячменем; это был тот самый ячмень, который мы везли на корабле для наших гусей и кур. Все зерно, какое еще оставалось в мешке, было изъедено крысами; по крайней мере, когда я глянул в него, мне показалось, что там одна труха. Так как мешок был мне нужен для пороха, я вынес его во дворик и вытряхнул на землю невдалеке от пещеры.

Это было незадолго до того, как начались проливные дожди, о которых я уже упоминал в дневнике. Я давно забыл про этот случай, не помнил даже, на каком месте я вытряхнул мешок.

Но вот прошло около месяца, и я увидел под горой, у самой пещеры, несколько зеленых ростков, только что выбившихся из земли. Сначала я думал, что это какая-нибудь туземная травка, которой я раньше не приметил. Но прошло несколько дней, и я с удивлением увидел, что зеленые стебельки (их было штук десять - двенадцать, не больше) заколосились и вскоре оказались колосьями обыкновенного ячменя, какой растет у нас в Англии. Невозможно передать, до чего

взволновало меня это открытие. От радости у меня помутился рассудок, и я в первую минуту подумал, что произошло чудо: ячмень вырос сам собой, без семян, чтобы поддержать мою жизнь в ужасной пустыне!

Эта нелепая мысль растрогала меня, и я заплакал от умиления. И "чудо" на этом не кончилось: вскоре между колосьями ячменя показались стебельки другого растения, а именно риса; я их легко распознал, так как, живя в Африке, часто видел рис на полях.

Я не только был уверен, что этот рис и этот ячмень посланы мне самим господом богом, который заботится о моем пропитании, но не сомневался и в том, что на острове для меня припасено еще много таких же колосьев. Я обшарил все закоулки моего острова, заглядывая под каждую кочку, под каждый пригорок, но нигде не нашел ни риса, ни ячменя.

Только тогда наконец я вспомнил про мешок с птичьим кормом, который я вытряхнул на землю подле своей пещеры.

В том мешке были зерна, из которых и выросли эти колосья. "Чудо" объяснилось очень просто!

Вы можете себе представить, как тщательно я собирал колосья, когда они созрели (это случилось в конце июля). Я подобрал с земли все зернышки до одного и спрятал их в сухом надежном месте. Весь урожай первого года я решил оставить на посев: я надеялся, что со временем у меня накопится такой запас зерна, что его будет хватать и на семена и на хлеб.

Но только на четвертый год я мог позволить себе отделить часть зерна на еду, да и то лишь самую малость. Дело в том, что у меня пропал почти весь урожай от первого посева: я неправильно рассчитал время, посеял перед самой засухой, и многие семена не взошли. Но об этом я расскажу в своем месте.

Кроме ячменя, у меня, как уже было сказано, выросло двадцать или тридцать стеблей риса. Рис я убрал так же тщательно, оставив весь первый сбор на посев. Потом, когда риса накопилось достаточно, я приготовлял из него не то чтобы хлеб (мне не в чем было его печь), а, скорее, лепешки, заменявшие хлеб. Впрочем, еще через некоторое время я придумал способ печь настоящий хлеб.

Но возвращаюсь к моему дневнику.

14 апреля. Ограда была совсем кончена и завалена снаружи землей. Я заделал наглухо вход, так как решил, что ради безопасности буду входить и выходить по приставной лестнице, чтобы снаружи нельзя было догадаться, что за оградой спрятано человечье жилье.

16 апреля. Кончил лестницу. Перелезаю через стену и всякий раз поднимаю лестницу за собой. Теперь я огорожен со всех сторон. В моей крепости довольно просторно, и проникнуть в нее можно только через стену.

Однако на другой же день после того, как я окончательно заделал ограду, случилось одно событие, которое страшно напугало меня; весь мой труд чуть не пошел прахом, да и сам я едва уцелел.

Вот как было дело.

Я чем-то занимался в ограде, за палаткой, у самого входа в пещеру, как вдруг с потолка пещеры, у края, как раз над моей головой, посыпалась земля, и передние сваи поставленные мною для укрепления свода, подломились с ужасным треском. Я очень испугался, но не понял, что произошло. Мне почудилось, что свод обвалился из-за рыхлости почвы, как это бывало и раньше.

"Если я останусь тут, внутри ограды, - подумал я, - я буду засыпан этим новым обвалом. Нужно бежать отсюда, чтобы на меня не обрушилась гора!"

Я схватил лестницу и перелез через стену.

Но не успел я сойти на землю, как мне стало ясно, что на этот раз причиной обвала было землетрясение. Земля колебалась у меня под ногами, и в течение нескольких минут было три таких сильных толчка, что рассыпалось бы в прах самое крепкое здание. Я видел, как от скалы, стоявшей у моря, оторвалась верхушка и рухнула с таким грохотом, какого я в жизнь свою не слыхал.

Все море страшно бурлило и пенилось; мне думается, что в море подземные толчки были даже сильнее, чем на острове.

Ни о чем подобном я и не слыхивал раньше и теперь был изумлен и взбудоражен. От колебаний земли со мной сделалась морская болезнь, как от корабельной качки. У меня началась тошнота. Мне казалось, что я умираю.

В это время со страшным грохотом обвалился утес. Ко мне вернулось сознание, и мне пришла в голову ужасная мысль: что будет со мной, если на мою палатку обрушится гора и навсегда похоронит мои вещи, мою провизию - все, без чего я не могу здесь прожить? И сердце снова замерло.

После третьего толчка наступило затишье. Я стал приходить в себя, почувствовал себя гораздо бодрее, но все-таки у меня не хватило храбрости вернуться домой. Долго еще в глубоком унынии сидел я на земле, не зная, на что решиться, что предпринять.

Между тем небо покрылось тучами, потемнело, как перед дождем. Подул ветерок, сначала слабый, почти незаметный, потом сильней и сильней, и через полчаса налетел ураган. Море запенилось, закипело и стало с бешеным ревом биться о берега. Деревья вырывало с корнями. Так продолжалось часа три. Никогда не видал я такой яростной бури. Потом буря стала понемногу стихать. Часа через два наступила полная тишина, и тотчас же полил обильный дождь.

Весь следующий день, 18 апреля, я просидел дома, так как дождь шел не переставая. Понемногу я успокоился и начал трезво обдумывать свое положение. Я рассуждал так. Жить в пещере я уже не могу, это очень опасно: раз на острове случаются землетрясения, рано или поздно гора непременно обвалится, и я буду заживо погребен; надо, значит, перенести палатку куда-нибудь на открытое место. А чтобы обезопасить себя от нападения дикарей и зверей, придется снова строить высокую стену.

Два следующих дня, 19-е и 20-е, я с утра до вечера подыскивал новое место для жилья. Понемногу мне стало ясно, что на переселение потребуется очень много времени и что пока все равно придется мириться с опасностью обвала, так как жить в неогороженном месте еще страшнее. Все-таки я думал взяться, не теряя времени, за постройку ограды на новом месте, чтобы впоследствии, когда она будет закончена, перенести в нее свою палатку. 21 апреля я окончательно решил приняться за дело.

С 22 по 27 апреля. Все утро 22-го я думал о том, как осуществить мой план. Главное затруднение заключалось в недостатке инструментов. У меня было три больших топора и множество маленьких (мы везли их для меновой торговли), но все они давно уже зазубрились и притупились, так как мне постоянно приходилось рубить очень твердые суковатые деревья. Правда, у меня было точило, но одному человеку с этим точилом нельзя было справиться, так как нужно было кому-нибудь приводить камень в движение.

Я думаю, ни один государственный муж, ломая голову над важным политическим вопросом, не тратил столько умственных сил, сколько потратил я, размышляя над великой задачей: как вертеть мое точило без участия рук.

В конце концов я смастерил такое колесо, которое при помощи ремня приводилось в движение ногой и вращало точильный камень, оставляя свободными обе руки. Над этим приспособлением я провозился целую неделю.

Примечание. До тех пор я никогда не видал точила с ножным приводом, а если и видел, то не рассматривал, как оно устроено; но впоследствии я убедился, что в Англии такие точила очень распространены, только там точильный камень обыкновенно бывает поменьше, чем был у меня: мой был очень велик и тяжел.

28 и 29 апреля. И сегодня и вчера целый день точил инструменты; мой снаряд для вращения точильного камня действует отлично.

30 апреля. Сегодня заметил, что у меня осталось очень мало сухарей. Нужно соблюдать строгую бережливость. Пересчитал все мешки и решил съедать не более одного сухаря в день. Это печально, но ничего не поделаешь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Робинзон достает вещи с корабля, потерпевшего крушение. - Он тщательно исследует остров. Болезнь и тоска

1 мая. Сегодня утром во время отлива я заметил на берегу какой-то большой предмет, издали похожий на бочонок. Пошел посмотреть, и оказалось, что это действительно бочонок.

Тут же были разбросаны обломки корабля. Должно быть, все это выброшено на берег бурей. Я глянул в ту сторону, где торчал остов корабля, и мне показалось, что он выступает над водой больше обыкновенного.

В бочонке был порох, поврежденный водой: он весь промок и затвердел. Тем не менее я выкатил бочонок повыше, чтобы его не унесло в море, а сам по оголившейся отмели направился к остову корабля -

посмотреть, не найдется ли там еще чего-нибудь пригодного для меня.

Подойдя ближе, я заметил, что положение корабля как-то странно изменилось. Уже давно его корма совершенно откололась от него, но теперь она была отброшена в сторону, и волны разбили ее на куски. Носовая же часть корабля, которой прежде он почти зарывался в песок, поднялась по крайней мере на шесть футов. Кроме того, со стороны палубы корма была занесена песком, и с этой же стороны, по направлению к берегу, образовалась песчаная отмель, так что теперь я мог вплотную подойти к кораблю. Раньше еще за четверть мили до него начиналась вода, и, как помнит читатель, мне приходилось пускаться вплавь. Я долго не мог понять, отчего же так переменилось положение корабля, но потом догадался, что это произошло вследствие землетрясения.

Землетрясение до такой степени разбило и раскололо корабль, что к берегу стало ежедневно прибивать ветром и течением разные вещи, которые вода уносила из открытого трюма.

Происшествие с кораблем поглотило все мои мысли. Я и думать забыл о моем намерении переселиться на новое место. Весь следующий день я придумывал, как бы мне проникнуть во внутренние помещения корабля. Задача была не из легких, так как все они оказались забиты песком. Но это меня не смущало: я уже научился никогда не отступать перед трудностями и ни в чем не отчаиваться. Я стал растаскивать корабль по частям, так как хорошо понимал, что мне в моем положении всякая рухлядь может оказаться полезной.

3 мая. Захватил с собою пилу и попытался перепилить уцелевшие части кормы, но пришлось прекратить работу, так как начался прилив.

4 мая. Удил рыбу, но неудачно; все попадалась такая, которая не годится в пищу. Это мне надоело, и я

хотел было уходить, но, закинув удочку в последний раз, поймал небольшого дельфина. Удочка у меня самодельная: лесу я смастерил из пеньки от старой веревки, а крючки сделал из проволоки, так как настоящих рыболовных крючков у меня нет. И все же на мою удочку ловилось иногда столько рыбы, что я мог есть ее досыта. Ел я рыбу в сушеном виде, провяливая ее на солнце.

5 мая. Работал на корабле. Подпилил бимс, отодрал от палубы три большие сосновые доски, связал их вместе и, дождавшись прилива, поплыл на плоту к берегу.

24 мая. Все еще работаю на корабле. Многие вещи в трюме были сдвинуты очень тесно, теперь я раздвинул их ломом, и с первым же приливом они всплыли наверх: несколько бочонков и два матросских сундука. К сожалению, их угнало в море, так как ветер дул с берега. Но сегодня ветер переменился, и волны выбросили на берег большой бочонок с остатками бразильской свинины, которая, впрочем, была несъедобна, так как в бочонок попало много соленой воды и песку.

16 июня. Нашел на берегу большую черепаху. Раньше я никогда не видал здесь черепах.

/7 июня. Испек черепаху на угольях. Нашел в ней до шестидесяти яиц. Никогда в жизни я, кажется, не ел такого вкусного мяса! Неудивительно: до нынешнего дня моя мясная пища на острове состояла только из козлятины да птицы.

18 июня. С утра до вечера льет дождь, я не выхожу из дому. Весь день меня сильно знобит, хотя, насколько мне известно, в здешних местах не бывает холодных дождей.

19 июня. Все еще нездоровится: дрожу от холода, точно зимой.

20 июня. Всю ночь не сомкнул глаз: головная боль и лихорадка.

21 июня. Совсем худо! Боюсь расхвораться и потерять силы. Что тогда будет со мной?

22 июня. Сегодня мне стало как будто лучше, но не знаю, надолго ли.

24 июня. Гораздо лучше.

25 июня. Сильная лихорадка. Семь часов подряд меня бросало то в холод, то в жар. Кончилось испариной и полуобморочным состоянием.

26 июня. Мне легче. Так как у меня вышел весь запас мяса, я должен был пойти на охоту, хотя и чувствовал страшную слабость. Убил козу, с большим трудом дотащил ее до дому, испек кусочек на угольях и съел. Очень хотелось сварить супу, но у меня нет ни кастрюли, ни горшка.

27 июня. Опять лихорадка, такая сильная, что я весь день пролежал без еды и питья. Я умирал от жажды, но не мог встать и пойти за водой.

28 июня. Ночью томился от жажды, но ни в палатке, ни в пещере не было ни капли воды, и мне пришлось промучиться до утра. Только под утро удалось заснуть. Приготовил себе лекарство: табачную настойку и ром. Принял его, и меня стало тошнить. Но все же немного полегчало.

30 июня. Я чувствовал себя здоровым весь день. Не знобило. Выходил с ружьем, но ненадолго: побоялся заходить далеко. Пообедал черепашьими яйцами, которые съел с аппетитом.

Вечером повторил прием того же лекарства, которое помогло мне вчера.

И все же на другой день, 1 июля, мне опять стало худо: меня опять знобило, хотя на этот раз меньше, чем прежде.

С 3 июля моя лихорадка больше не повторялась. Но окончательно я оправился лишь через две-три недели...

Так прожил я десять месяцев на этом печальном острове. Мне было ясно, что никаких возможностей спастись у меня нет. Я был твердо уверен, что никогда до меня здесь не ступала нога человеческая.

Теперь, когда мое жилье было обнесено крепкой оградой, я решил тщательным образом исследовать остров, чтобы выяснить, нет ли на нем каких-нибудь новых животных и растений, которые могли бы оказаться полезными.

С 15 июля я начал осмотр. Прежде всего я направился к той маленькой бухте, где причаливал с моими плотами. В бухту впадал ручей. Пройдя мили две вверх по его течению, я убедился, что прилив туда не доходит, так как с этого места и выше вода в ручье оказалась пресной, прозрачной и чистой. Местами ручей пересох, так как в это время года здесь период бездождья.

Берега ручья были низкие: ручей протекал по красивым лугам. Кругом зеленели густые, высокие травы, а дальше, на склоне холма, рос в изобилии табак. Разлив не достигал до этого высокого места, и потому табак разросся здесь пышными всходами. Там были и другие растения, каких я раньше никогда не видал; возможно, что, если бы мне были известны их свойства, я мог бы извлечь из них немалую пользу.

Я искал кассаву, из корня которой индейцы, живущие в жарком климате, делают хлеб, но не нашел. Зато я видел великолепные экземпляры алоэ и сахарного тростника. Но я не знал, можно ли приготовить какую-нибудь еду из алоэ, а сахарный тростник не годился для выделки сахара, так как рос в диком состоянии.

На другой день, 16-го, я снова побывал в тех местах и прошел немного дальше - туда, где кончались луга. Там я нашел много разных плодов. Больше всего было дынь. А по стволам деревьев вились виноградные лозы,

и над головой висели роскошные спелые гроздья. Это открытие и удивило и обрадовало меня. Виноград оказался очень сладким. Я решил заготовить его впрок - высушить на солнце и, когда он превратится в изюм, хранить его у себя в кладовой: изюм так приятен на вкус и полезен для здоровья! Для этого я собрал возможно больше виноградных гроздьев и развесил их на деревьях.

В этот день я не вернулся домой ночевать - мне захотелось остаться в лесу. Опасаясь, что ночью на меня нападет какой-нибудь хищник, я, как и в первый день моего пребывания на острове, вскарабкался на дерево и провел там всю ночь.

Спал я хорошо, а наутро пустился в дальнейший путь. Я прошел еще мили четыре в прежнем направлении, на север. В конце пути я открыл новую прекрасную долину. На вершине одного из холмов брал свое начало студеный и быстрый ручей. Он пробивался к востоку.

Я пошел по долине. Справа и слева возвышались холмы. Все вокруг зеленело, цвело, благоухало. Мне казалось, что я в саду, возделанном руками человека. Каждый куст, каждое деревцо, каждый цветок были одеты в великолепный наряд. Кокосовые пальмы, апельсиновые и лимонные деревья росли здесь во множестве, но они были дикие, и лишь на некоторых были плоды. Я нарвал зеленых лимонов и потом пил воду с лимонным соком. Этот напиток очень меня освежал и был полезен моему здоровью.

Лишь через три дня я добрался до дому (так я буду теперь называть мою палатку и пещеру) и с восхищением вспоминал чудесную долину, открытую мной, представлял себе ее живописное местоположение, ее рощи, богатые плодовыми деревьями, думал о том, как хорошо она защищена от ветров, сколько в ней благодатной родниковой воды, и

пришел к заключению, что то место, где я построил себе дом, было выбрано мною неудачно: это одно из худших мест на всем острове. А придя к такому заключению, я, естественно, начал мечтать, как бы мне переселиться туда, в цветущую зеленую долину, где такое изобилие плодов. Нужно было подыскать в этой долине подходящее место и оградить его от нападения хищников.

Эта мысль долго волновала меня: свежая зелень прекрасной долины так и манила к себе. Мечты о переселении доставляли мне великую радость. Но, когда я тщательно обсудил этот план, когда принял в расчет, что теперь из своей палатки я всегда вижу море и, следовательно, имею хоть маленькую надежду на благоприятную перемену в моей судьбе, я сказал себе, что мне ни в коем случае не следует переселяться в долину, со всех сторон закрытую холмами. Ведь может же так случиться, что волны занесут на этот остров другого горемыку, потерпевшего крушение в море, и, кто бы ни был этот несчастный, я буду рад ему, как лучшему другу. Конечно, мало было надежды на такую случайность, но укрыться среди гор и лесов, в глубине острова, вдали от моря, значило навеки заточить себя в этой тюрьме и до самой смерти забыть всякие мечты о свободе.

И все же я так полюбил мою долину, что провел там почти безвыходно весь конец июля и устроил себе там другое жилье. Я поставил в долине шалаш, огородил его наглухо крепким двойным частоколом выше человеческого роста, а промежутки между кольями заложил хворостом; входил же во двор и выходил со двора по приставной лестнице, как и в моем старом жилище. Таким образом, я и здесь мог не бояться нападения хищных зверей. Мне так нравилось в этих новых местах, что я проводил там порою по нескольку

суток; две-три ночи подряд я спал в шалаше, и мне дышалось гораздо привольнее.

"Теперь у меня на берегу моря есть дом, а в лесу дача", - говорил я себе. Работы по сооружению этой "дачи" заняли у меня все время до начала августа.

3 августа я увидел, что развешанные мною гроздья винограда совершенно высохли и превратились в превосходный изюм. Я тотчас же стал снимать их. Надо было торопиться, иначе их попортило бы дождем и я лишился бы почти всех своих зимних запасов, а запасы у меня были богатые: никак не меньше двухсот очень крупных кистей. Едва только я снял с дерева и отнес в пещеру последнюю кисть, надвинулись черные тучи и хлынул сильнейший дождь. Он шел безостановочно два месяца: с 14 августа до половины октября. Порою это был настоящий потоп, и тогда я не мог выходить из пещеры по нескольку дней.

За это время, к великому моему удовольствию, у меня произошло приращение семейства. Одна из моих кошек давно уже ушла из дому и где-то пропадала; я думал, что она околела, и мне было жалко ее, как вдруг в конце августа она вернулась домой и привела трех котят.

С 14 по 26 августа дожди не прекращались, и я почти не выходил из дому, так как со времени болезни остерегался попадать под дождь, опасаясь простуды. Но пока я сидел в пещере, выжидая хорошей погоды, мои запасы провизии стали подходить к концу, так что два раза я даже рискнул выйти на охоту. В первый раз я подстрелил козу, а во второй, 26-го, поймал огромную черепаху, из которой и устроил себе целый обед. Вообще в то время моя еда распределялась так: на завтрак ветка изюма, на обед кусок козлятины или черепашьего мяса (испеченного на угольях, так как, к несчастью, мне не в чем было жарить и варить), на ужин два или три черепашьих яйца.

Все эти двенадцать дней, пока я прятался в пещере от дождя, я ежедневно по два, по три часа занимался земляными работами, так как давно уже решил увеличить мой погреб. Я копал и копал его все в одну сторону и наконец вывел ход наружу, за ограду.

Теперь у меня был сквозной ход; я приладил здесь потайную дверь, через которую мог свободно выходить и входить, не прибегая к приставной лестнице. Это было, конечно, удобно, но зато не так спокойно, как прежде: прежде мое жилье было со всех сторон загорожено, и я мог спать, не опасаясь врагов; теперь же ничего не стоило пробраться в пещеру: доступ ко мне был открыт! Не понимаю, впрочем, как я тогда не сообразил, что бояться мне некого, ибо за все время я не встретил на острове ни одного животного крупнее козы.

30 сентября. Сегодня печальная годовщина моего прибытия на остров. Я сосчитал зарубки на столбе, и оказалось, что я живу здесь ровно триста шестьдесят пять дней!

Посчастливится ли мне когда-нибудь вырваться из этой тюрьмы на свободу?

Недавно я обнаружил, что у меня осталось очень мало чернил. Надо будет расходовать их экономнее: до сих пор я вел мои записи ежедневно и заносил туда всякие мелочи, теперь же буду записывать лишь выдающиеся события моей жизни.

К этому времени я успел подметить, что периоды дождей здесь совершенно правильно чередуются с периодами бездождья, и, таким образом, мог заблаговременно подготовиться и к дождям и к засухе.

Но свой опыт я приобрел дорогой ценой. Об этом свидетельствует хотя бы такое событие, случившееся со мною в ту пору. Тотчас же после дождей, когда солнце перешло в Южное полушарие, я решил, что наступило самое подходящее время для того, чтобы

посеять те скудные запасы риса и ячменя, о которых было сказано выше. Я посеял их и с нетерпением стал ждать урожая. Но наступили сухие месяцы, в земле не осталось ни капли влаги, и ни одно зерно не взошло. Хорошо, что я отложил про запас по горсточке рису и ячменя. Я так и сказал себе: "Лучше не высевать всех семян; ведь здешний климат мною еще не изучен, и я не знаю наверное, когда следует сеять и когда собирать урожай". Я очень хвалил себя за эту предосторожность, так как был уверен, что весь мой посев погиб от засухи. Но велико было мое удивление, когда через несколько месяцев, едва начались дожди, почти все мои зерна взошли, как будто я только что посеял их!

Покуда рос и созревал мой хлеб, я сделал одно открытие, которое впоследствии принесло мне немалую пользу.

Как только прекратились дожди и погода установилась, то есть приблизительно в ноябре, я отправился на свою лесную дачу. Я не был там несколько месяцев и с радостью убедился, что все осталось по-старому, в том самом виде, в каком было при мне. Изменилась только ограда, окружавшая мой шалаш. Она состояла, как известно, из двойного частокола. Ограда была цела, но ее колья, для которых я брал росшие поблизости молодые деревца неизвестной мне породы, пустили длинные побеги, совершенно так, как пускает их ива, если у нее срезать макушку. Я очень удивился, увидев эти свежие ветви, и мне было чрезвычайно приятно, что моя ограда вся в зелени. Я подстриг каждое деревцо, чтобы по возможности придать им всем одинаковый вид, и они разрослись на диво.

Хотя круглая площадь моей дачи имела до двадцати пяти ярдов в диаметре, деревья (так я мог теперь называть мои колья) скоро покрыли ее своими ветвями и давали такую густую тень, что в ней можно было

укрыться от солнца в любое время дня. Поэтому я решил нарубить еще несколько десятков таких же кольев и вбить их полукругом вдоль всей ограды моего старого дома. Так я и сделал. Я вбил их в землю в два ряда, отступив от стены ярдов на восемь. Они принялись, и вскоре у меня образовалась живая изгородь, которая сначала защищала меня от жары, а впоследствии сослужила мне и другую, более важную службу.

К этому времени я окончательно убедился в том, что на моем острове времена года следует разделять не на летний и зимний периоды, а на сухой и дождливый, причем эти периоды распределяются приблизительно так:

Половина февраля. Март. Дожди. Солнце стоит в зеПоловина апреля. ните.

Половина апреля. Май. Сухо. Солнце перемещает Июнь. ся к северу. Июль. Половина августа.

Половина августа. Дожди. Солнце снова в зеСентябрь. ните. Половина октября.

Половина октября Ноябрь. Сухо. Солнце перемещает Декабрь. ся к югу. Январь. Половина февраля.

Дождевые периоды могут быть длиннее и короче- это зависит от ветра, но в общем я наметил их правильно. Мало-помалу я убедился на опыте, что в дождливый период мне очень опасно находиться под открытым небом: это вредно для здоровья. Поээтому перед началом дождей я всякий раз запасался провизией, чтобы возможно реже выходить за порог и все дождливые месяцы старался просиживать дома.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Робинзон продолжает исследовать остров

Много раз пытался я сплести себе корзину, но те прутья, которые мне удавалось достать, оказывались такими ломкими, что у меня ничего не выходило.

Ребенком я очень любил ходить к одному корзинщику, проживавшему в нашем городе, и смотреть, как он работает. И теперь это мне пригодилось. Все дети наблюдательны и любят помогать взрослым. Приглядевшись к работе корзинщика, я скоро подметил, как плетутся корзины, и по мере сил помогал моему приятелю работать. Понемногу я научился плести корзины не хуже его. Так что теперь мне не хватало только материала. Наконец мне пришло в голову: не подойдут ли для этого дела ветки тех деревьев, из которых я сделал частокол? Ведь у них должны быть упругие, гибкие ветки, как у нашей вербы или ивы. И я решил попробовать.

На другой же день я отправился на дачу, срезал несколько веток, выбирая самые тонкие, и убедился, что они как нельзя лучше годятся для плетения корзин. В следующий раз я пришел с топором, чтобы сразу нарубить побольше веток. Мне не пришлось долго разыскивать их, так как деревья этой породы росли здесь в большом количестве. Нарубленные прутья я перетащил за ограду моего шалаша и спрятал.

Как только начался период дождей, я сел за работу и сплел очень много корзин. Они служили мне для разных надобностей: я носил в них землю, складывал всякие вещи и т.д. Правда, корзины выходили у меня грубоватые, я не мог придать им изящества, но, во всяком случае, они хорошо выполняли свое назначение, а мне только это и нужно было.

С тех пор мне часто приходилось заниматься плетением корзин: старые ломались или изнашивались и нужны были новые. Я делал всякие корзины - и большие и маленькие, но главным образом запасался глубокими и прочными корзинами для хранения зерна: я хотел, чтобы они служили мне вместо мешков. Правда, сейчас зерна у меня было мало, но ведь я намеревался копить его в течение нескольких лет.

...Я уже говорил, что мне очень хотелось обойти весь остров и что я несколько раз доходил до ручья и еще выше - до того места, где построил шалаш.

Оттуда можно было свободно пройти к противоположному берегу, которого я еще никогда не видал. Я взял ружье, топорик, большой запас пороха, дроби и пуль, прихватил на всякий случай два сухаря и большую ветку изюма и пустился в путь. За мною, как всегда, побежала собака.

Когда я дошел до моего шалаша, я, не останавливаясь, двинулся дальше, на запад. И вдруг, пройдя с полчаса, я увидел перед собою море, а в море, к моему удивлению, полосу земли.

Был яркий, солнечный день, я хорошо различал землю, но не мог определить, материк это или остров. Высокое плоскогорье тянулось с запада на юг и находилось от моего острова очень далеко, - по моему расчету, милях в сорока, если не больше.

Я не имел понятия, что это за земля. Одно я знал твердо: это, несомненно, часть Южной Америки, лежащая, по всей вероятности, недалеко от испанских владений. Весьма возможно, что там живут дикарилюдоеды и что, если бы я попал туда, мое положение было бы еще хуже, чем теперь.

Эта мысль доставила мне живейшую радость.

Значит, напрасно я проклинал свою горькую участь. Жизнь моя могла бы оказаться гораздо печальнее. Значит, я совершенно напрасно мучил себя бесплодными сожалениями о том, зачем буря выбросила меня именно сюда, а не в какое-нибудь другое место. Значит, я должен радоваться, что живу здесь, на моем необитаемом острове.

Размышляя таким образом, я не спеша подвигался вперед, причем мне приходилось убеждаться на каждом шагу, что эта часть острова, где я находился теперь, гораздо привлекательнее той, где я устроил

свое первое жилье. Всюду здесь зеленые поляны, разукрашенные дивными цветами, прелестные рощи, звонко поющие птицы.

Я заметил, что здесь во множестве водятся попугаи, и мне захотелось поймать одного: я надеялся приручить его и научить говорить. После нескольких неудачных попыток мне удалось изловить молодого попугая: я подшиб ему палкой крыло. Оглушенный моим ударом, он свалился на землю. Я подобрал его и принес домой. Впоследствии мне удалось добиться того, что он стал называть меня по имени.

Дойдя до морского берега, я еще раз убедился, что судьба забросила меня в самую худшую часть острова.

Здесь весь берег был усеян черепахами, а там, где я жил, я за полтора года нашел только трех. Здесь было несметное множество птиц всевозможных пород. Были и такие, каких я никогда не видал. Мясо некоторых оказалось очень вкусным, хотя я даже не знал, как они называются. Среди известных мне птиц самыми лучшими были пингвины.

Итак, повторяю еще раз: этот берег был во всех отношениях привлекательнее моего. И все же я не имел ни малейшего желания переселяться сюда. Прожив в своей палатке около двух лет, я успел привыкнуть к тем местам, здесь же я чувствовал себя путником, гостем, мне было как-то не по себе и тянуло домой.

Выйдя на берег, я повернул к востоку и прошел по прибрежью около двенадцати миль. Тут я воткнул в землю высокий шест, чтобы заметить место, так как решил, что в следующий раз приду сюда с другой стороны, и направился в обратный путь.

Я хотел вернуться другой дорогой.

"Остров так невелик, - думал я, - что на нем нельзя заблудиться. В крайнем случае, я взберусь на горку, осмотрюсь и увижу, где находится мое старое жилье".

Однако я сделал большую ошибку. Отойдя от берега не больше двух-трех миль, я незаметно спустился в широкую долину, которую так тесно обступали холмы, поросшие густыми лесами, что не было никакой возможности решить, где я нахожусь. Я мог бы держать путь по солнцу, но для этого надо было в точности знать, где находится солнце в эти часы. Хуже всего было то, что в течение трех или четырех дней, пока я блуждал в долине, погода стояла пасмурная, солнце совсем не показывалось. В конце концов пришлось снова выйти на берег моря, на то самое место, где стоял мой шест.

Оттуда я вернулся домой прежней дорогой. Шел я не торопясь и часто присаживался отдохнуть, так как погода была очень жаркая, а мне приходилось нести много тяжелых вещей - ружье, заряды, топор.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Робинзон возвращается в пещеру. - Его полевые работы

Во время этого путешествия моя собака вспугнула козленка и схватила его, но загрызть не успела: я подбежал и отнял его. Мне очень хотелось взять его с собой: я страстно мечтал раздобыть где-нибудь пару козлят, чтобы развести стадо и обеспечить себе мясную пищу к тому времени, когда у меня выйдет весь порох.

Я смастерил для козленка ошейник и повел его на веревке; веревку я давно уже свил из пеньки от старых канатов и всегда носил ее в кармане. Козленок упирался, но все-таки шел. Добравшись до своей дачи, я оставил его в ограде, сам же пошел дальше: мне хотелось поскорее очутиться дома, так как я путешествовал больше месяца.

Не могу выразить, с каким удовольствием воротился я под крышу своего старого дома и снова разлегся в гамаке. Эти скитания по острову, когда мне негде было приклонить голову, так утомили меня, что мой

собственный дом (как называл я теперь мое жилье) показался мне необыкновенно уютным.

С неделю я отдыхал и наслаждался домашней едой. Большую часть этого времени я был занят важнейшим делом: мастерил клетку для Попки, который сразу же сделался домашней птицей и очень привязался ко мне.

Затем я вспомнил о бедном козленке, сидевшем в плену на даче. "Наверное, - думал я, - он уже съел всю траву и выпил всю воду, какую я ему оставил, и теперь голодает". Надо было сходить за ним. Придя на дачу, я застал его там, где оставил. Впрочем, он и не мог уйти. Он умирал с голоду. Я нарезал веток с ближайших деревьев и перебросил ему за ограду.

Когда козленок поел, я привязал к его ошейнику веревку и хотел вести его, как раньше, но от голода он сделался таким ручным, что веревка стала не нужна: он побежал за мной сам, как собачонка.

Дорогой я часто кормил его, и благодаря этому он стал таким же послушным и кротким, как и прочие жильцы моего дома, и так ко мне привязался, что не отходил от меня ни на шаг.

Наступил декабрь, когда должны были взойти ячмень и рис. Возделанный мною участок был невелик, потому что, как я уже говорил, засуха погубила почти весь посев первого года и у меня оставалось не более осьмушки бушеля каждого сорта зерна.

На этот раз можно было ожидать отличного урожая, но вдруг оказалось, что я снова рискую потерять весь посев, так как мое поле опустошается целыми полчищами разнообразных врагов, от которых едва ли возможно уберечься. Этими врагами были, во-первых, козы, во-вторых, те дикие зверьки, которых я назвал зайцами. Сладкие стебли риса и ячменя пришлись им по вкусу: они проводили на поле дни и ночи и съедали молодые побеги, прежде чем те успевали заколоситься.

Против нашествия этих врагов было лишь одно средство: огородить все поле плетнем. Я так и сделал. Но эта работа была очень тяжела, главным образом потому, что надо было спешить, так как враги нещадно истребляли колосья. Впрочем, поле было такое небольшое, что через три недели изгородь была готова.

Изгородь оказалась довольно хорошей. Покуда она не была закончена, я отпугивал врагов выстрелами, а на ночь привязывал к изгороди собаку, которая лаяла до утра. Благодаря всем этим мерам предосторожности враги оставили меня в покое, и мои колосья стали наливаться зерном.

Но чуть только хлеб заколосился, появились новые враги: налетели стаи прожорливых птиц и начали кружиться над полем, выжидая, когда я уйду и можно будет наброситься на хлеб. Я сейчас же выпустил в них заряд дроби (так как никогда не выходил без ружья), и не успел я выстрелить, как с поля поднялась другая стая, которой я сначала не заметил.

Я был не на шутку встревожен.

"Еще несколько дней такого грабежа - и прощай все мои надежды, - говорил я себе, - у меня нет больше семян, и я останусь без хлеба".

Что было делать? Как избавиться от этой новой напасти? Ничего придумать я не мог, но твердо решил во что бы то ни стало отстоять свой хлеб, хотя бы мне пришлось караулить его круглые сутки.

Раньше всего я обошел все поле, чтобы установить, много ли вреда причинили мне птицы. Оказалось, что хлеб порядком попорчен. Но с этой потерей можно было еще примириться, если бы удалось сберечь остальное. Птицы притаились на ближайших деревьях: они ждали, чтобы я ушел. Я зарядил ружье и сделал вид, что ухожу. Воры обрадовались и стали один за другим опускаться на пашню. Это страшно рассердило меня. Сначала я

хотел было подождать, чтобы опустилась вся стая, но у меня не хватило терпения.

"Ведь из-за каждого зерна, которое они съедят теперь, я, может быть, лишаюсь в будущем целой ковриги хлеба", - сказал я себе.

Я подбежал к изгороди и начал стрелять; три птицы остались на месте. Я поднял их и повесил на высоком столбе, чтобы запугать остальных. Трудно себе представить, какое поразительное действие произвела эта мера: ни одна птица не села больше на пашню. Все улетели из этой части острова; по крайней мере, я не видал ни одной за все время, пока мои пугала висели на столбе. Можете быть уверены, что мне эта победа над птицами доставила большое удовольствие.

К концу декабря хлеб поспел, и я снял жатву, вторую в этом году.

У меня, к сожалению, не было ни косы, ни серпа, и после долгих размышлений я решил воспользоваться для полевых работ широкой саблей, взятой мною с корабля вместе с другим оружием. Впрочем, хлеба было у меня так немного, что убрать его не составляло большого труда. Да и убирал я его своим собственным способом: срезал только колосья и уносил с поля в большой корзине. Когда все было собрано, я перетер колосья руками, чтобы отделить шелуху от зерна, и в результате из одной осьмушки бушеля семян каждого сорта получил около двух бушелей риса и два с половиной бушеля ячменя (конечно, по приблизительному расчету, так как у меня не было мерки).

Урожай был очень хороший, и такая удача окрылила меня. Теперь я мог надеяться, что через несколько лет у меня будет постоянный запас хлеба. Но вместе с тем предо мною возникли и новые затруднения. Как без мельницы, без жерновов превратить зерно в муку? Как просеять муку? Как вымесить из муки тесто? Как,

наконец, испечь хлеб? Ничего этого я не умел. Поэтому я решил не трогать урожая и оставить все зерно на семена, а тем временем, до следующего посева, приложить все усилия к тому, чтобы разрешить главную задачу, то есть изыскать способ превращать зерно в печеный хлеб.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Робинзон изготовляет посуду

Когда шел дождь и нельзя было выйти из дому, я между делом учил своего попугая говорить. Это очень забавляло меня.

После нескольких уроков он уже знал свое имя, а потом, хотя и не скоро, научился довольно громко и четко произносить его.

"Попка" было первое слово, какое я услышал на острове из чужих уст.

Но разговоры с Попкой были для меня не работой, а подспорьем в работе. В то время у меня было очень важное дело. Давно уже я ломал голову над тем, как изготовить глиняную посуду, в которой сильно нуждался, но ничего не мог придумать: не было подходящей глины.

"Только бы найти глину, - думал я, - и мне будет очень нетрудно вылепить что-нибудь вроде горшка или миски. Правда, и горшок и миску нужно будет обжечь, но ведь я живу в жарком климате, где солнце горячее всякой печи. Во всяком случае, моя посуда, просохнув на солнце, станет достаточно крепкой. Ее можно будет брать в руки, можно будет держать в ней зерно, муку и вообще все сухие запасы для предохранения их от сырости.

И я решил, что, как только найду подходящую глину, вылеплю несколько больших кувшинов для зерна. О такой глиняной посуде, в которой можно было бы стряпать, я пока и не помышлял.

Читатель, несомненно, пожалел бы меня, а может быть, и посмеялся бы надо мною, если бы я рассказал ему, как неумело я приступал к этой работе, какие нелепые, неуклюжие, безобразные вещи выходили у меня на первых порах, сколько моих изделий разваливалось оттого, что глина была недостаточно круто замешана и Не выдерживала собственной тяжести. Одни горшки у меня потрескались, так как я поторопился выставить их на солнце, когда оно жгло слишком сильно; другие рассыпались на мелкие части еще до просушки, при первом прикосновении к ним.

Два месяца я трудился не разгибая спины. Много труда ушло у меня на то, чтобы найти хорошую гончарную глину, накопать ее, принести домой, обработать, и все же после долгих хлопот у меня получились всего только две уродливые глиняные посудины, потому что назвать их кувшинами было никак невозможно.

Но все-таки это были очень полезные вещи. Я сплел из прутьев две большие корзины и, когда мои горшки хорошо высохли и затвердели на солнце, осторожно приподнял их один за другим и каждый поставил в корзину. Все пустое пространство между посудиной и корзиной я для большей сохранности заполнил рисовой и ячменной соломой. Эти первые горшки предназначались покуда для хранения сухого зерна. Я боялся, что они отсыреют, если я буду держать в них влажные продукты. Впоследствии я предполагал хранить в них муку, когда я найду способ размалывать мое зерно.

Крупные изделия из глины вышли у меня неудачными. Гораздо лучше удавалась мне выделка мелкой посуды: маленьких круглых горшочков, тарелок, кувшинчиков, кружек, чашек и тому подобных вещей. Мелкие вещи легче лепить; кроме того, они ровнее обжигались на солнце и потому были более прочными.

Но все же моя главная задача оставалась невыполненной. Мне нужна была такая посуда, в которой можно было бы стряпать: она должна была выдерживать огонь и не пропускать воду, а для этого сделанные мною горшки не годились.

Но вот я как-то развел большой огонь, чтобы испечь на угольях мясо. Когда оно испеклось, я хотел загасить уголья и нашел между ними случайно попавший в огонь черепок от разбившегося глиняного кувшина. Черепок раскалился, стал красен, как черепица, и затвердел, как камень. Я был приятно удивлен этим открытием.

"Если глиняный черепок так затвердел от огня, то, значит, с таким же успехом можно обжигать на огне и глиняную посуду", - решил я.

Я думаю, ни один человек в мире не испытывал такой радости по столь ничтожному поводу, какую испытал я, когда убедился, что мне удалось изготовить горшки, которые не боятся ни воды, ни огня.

Я едва мог дождаться, когда мои горшки остынут, чтобы можно было налить в один из них воды, поставить снова на огонь и сварить в нем мясо. Горшок оказался отличный. Я сварил себе из козлятины очень хороший бульон, хотя, конечно, если бы положить в него капусты и луку да заправить овсяной мукой, он вышел бы еще лучше.

Теперь я стал думать о том, как сделать каменную ступку, чтобы размалывать или, вернее, толочь в ней зерно; ведь о таком замечательном произведении искусства, как мельница, не могло быть и речи: одной паре человеческих рук было не под силу выполнить подобную работу.

Но сделать ступку было тоже не так-то просто: в ремесле каменотеса я был таким же круглым невеждой, как и во всех остальных, и, кроме того, у меня не было инструментов. Не один день потратил я на поиски подходящего камня, но ничего не нашел. Тут нужен был

очень твердый камень и притом достаточно большой, чтобы в нем можно было выдолбить углубление.

На моем острове были утесы, но ни от одного из них я при всех усилиях не мог отколоть обломка подходящих размеров. К тому же для ступки этот хрупкий, пористый камень из породы песчаников все равно не годился: под тяжелым пестом он стал бы непременно крошиться, и в муку попадал бы песок.

Таким образом потеряв много времени на бесплодные поиски, я отказался от мысли о каменной ступке и решил смастерить деревянную, для которой гораздо легче было найти материал.

Действительно, я скоро наметил в лесу очень твердую колоду, такую большую, что я с трудом мог сдвинуть ее с места. Я обтесал ее топором, чтобы придать ей по возможности нужную форму, а затем высек огонь и принялся выжигать в ней углубление. Так поступают бразильские краснокожие, когда делают лодки. Нечего и говорить, что эта работа стоила мне большого труда.

Покончив со ступкой, я вытесал тяжелый крупный пест из так называемого железного дерева. И ступку и пест я спрятал до следующего урожая. Тогда, по моим расчетам, я получу достаточное количество зерна и можно будет некоторую часть отделить на муку.

Теперь надо было подумать о том, как я буду месить свои хлебы, когда приготовлю муку.

Прежде всего, у меня не было закваски; впрочем, этому горю все равно пособить было нечем, и потому о закваске я не заботился. Но как обойтись без печи? Это был поистине головоломный вопрос. Тем не менее я все-таки придумал, чем ее заменить.

Я вылепил из глины несколько посудин вроде блюд, очень широких, но мелких, и хорошенько обжег их в огне. Я приготовил их задолго до начала жатвы и сложил в кладовой. Еще раньше у меня был устроен на

земле очаг ровная площадка из квадратных (то есть, строго говоря, далеко не квадратных) кирпичей, тоже собственного изделия и тоже хорошо обожженных.

Когда пришла пора печь хлеб, я развел на этом очаге большой огонь. Едва дрова прогорели, я разгреб уголья по всему очагу и дал им полежать с полчаса, чтобы очаг раскалился докрасна. Тогда я отгреб весь жар к сторонке и сложил на очаге свои хлебы. Затем я накрыл их одним из заготовленных мною глиняных блюд, опрокинув его кверху дном, а блюдо завалил горячими угольями.

И что же? Мои хлебы испеклись, как в самой лучшей печке.

Приятно мне было отведать свежеиспеченного хлеба! Мне казалось, что я никогда в жизни не едал такого дивного лакомства.

Вообще я в короткое время сделался очень хорошим пекарем; не говоря уже о простом хлебе, я научился печь пудинги и лепешки из риса. Только пирогов я не делал, да и то больше потому, что, кроме козлятины и птичьего мяса, у меня не было никакой другой начинки.

На эти хозяйственные работы ушел весь третий год моего пребывания на острове.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Робинзон строит лодку и шьет себе новую одежду

Вы можете не сомневаться, что все это время меня не покидали мысли о земле, которая была видна с другого берега. В глубине души я не переставал сожалеть, что поселился не на том берегу: мне все казалось, что, если бы я видел перед собою ту землю, я как-нибудь нашел бы возможность добраться до нее. А уж если б я добрался до нее, мне, быть может, удалось бы выбраться из этих мест на свободу.

Вот когда я не раз вспоминал моего маленького приятеля Ксури и мою длинную шлюпку с боковым

парусом, на которой я прошел вдоль африканских берегов больше тысячи миль. Но что толку вспоминать!

Я решил взглянуть на наш корабельный бот, который еще в ту бурю, когда мы потерпели крушение, выбросило на остров в нескольких милях от моего жилья. Эта лодка лежала недалеко от того места, куда ее выбросило. Прибоем ее опрокинуло кверху дном и отнесло немного повыше, на песчаную отмель; она лежала на сухом месте, и воды вокруг нее не было.

Если бы мне удалось починить и спустить на воду эту шлюпку, я мог бы без особых затруднений добраться до Бразилии. Но для такой работы было мало одной пары рук. Я легко мог сообразить, что мне так же невозможно сдвинуть с места эту шлюпку, как сдвинуть с места мой остров. И все же я решил попробовать. Отправился в лес, нарубил толстых жердей, которые должны были служить мне рычагами, вытесал из чурбанов два катка и все это перетащил к шлюпке.

"Лишь бы мне удалось перевернуть ее на дно, - говорил я себе, - а починить ее - дело нетрудное. Выйдет такая отличная лодка, что в ней смело можно будет пуститься в море".

И я не пожалел трудов на эту бесполезную работу.

Я потратил на нее три или четыре недели. Мало того: когда я наконец понял, что не с моими слабыми силами сдвинуть такое тяжелое судно, я придумал новый план. Я принялся отбрасывать песок от одного борта лодки, рассчитывая, что, лишившись точки опоры, она сама перевернется и станет на дно; одновременно я подкладывал под нее обрубки дерева, чтобы она, перевернувшись, стала именно туда, куда мне нужно.

Лодка действительно стала на дно, но это ничуть не подвинуло меня к моей цели: я все равно не мог спустить ее на воду. Я даже не мог подвести под нее рычаги и наконец был вынужден отказаться от своей затеи. Но эта неудача не отбила у меня охоты к

дальнейшим попыткам добраться до материка. Напротив, когда я увидел, что у меня нет никакой возможности отплыть от постылого берега, мое желание пуститься в океан не только не ослабело, но возросло еще более.

Наконец мне пришло в голову: не попробовать ли мне самому сделать лодку или, еще лучше, пирогу, вроде тех, какие делают в здешних широтах туземцы?

"Чтобы сделать пирогу, - рассуждал я, - не надо почти никаких инструментов, так как она выдалбливается из цельного древесного ствола; с такой работой может справиться и один человек".

Словом, сделать пирогу казалось мне не только возможным, но самым легким делом, и мысль об этой работе была для меня очень приятна. С большим удовольствием я думал о том, что мне будет даже легче выполнить эту задачу, чем дикарям.

Я не задавался вопросом, как я спущу свою пирогу на воду, когда она будет готова, а между тем это препятствие было гораздо серьезнее, чем недостаток инструментов.

Я с такой страстью предавался мечтам о будущем моем путешествии, что ни на секунду не остановился на этом вопросе, хотя было вполне очевидно, что несравненно легче провести лодку сорок пять миль по морю, чем протащить ее по земле сорок пять ярдов, отделявших ее от воды.

Одним словом, в истории с пирогой я вел себя таким глупцом, какого только может разыграть человек в здравом уме.

Я тешился своей затеей, не давая себе труда рассчитать, хватит ли у меня сил, чтобы справиться с ней.

И не то чтобы мысль о спуске на воду совсем не приходила мне в голову - нет, она приходила, но я не давал ей ходу, подавляя ее всякий раз глупейшим

доводом: "Прежде сделаем лодку, а там уж подумаем, как ее спустить. Не может быть, чтобы я ничего не придумал!"

Конечно, все это было безумно! Но моя разгоряченная мечта оказалась сильнее всяких рассуждений, и я недолго думая взялся за топор. Я срубил великолепный кедр, который имел пять футов десять дюймов в поперечнике внизу, у начала ствола, а вверху, на высоте двадцати двух футов, - четыре фута одиннадцать дюймов; затем ствол постепенно становился тоньше и наконец разветвлялся.

Можно себе представить, какого труда мне стоило свалить это громадное дерево!

Двадцать дней я рубил самый ствол, заходя то с одного, то с другого боку, да еще четырнадцать дней мне понадобилось, чтобы обрубить боковые сучья и отделить огромную, развесистую вершину. Целый месяц я обделывал мою колоду снаружи, стараясь вытесать хоть некоторое подобие киля, потому что без киля пирога не могла бы держаться на воде прямо. А три месяца ушло еще на то, чтобы выдолбить ее внутри. На этот раз я обошелся без огня: всю эту огромную работу я сделал молотком и долотом. Наконец у меня вышла отличная пирога, такая большая, что смело могла поднять двадцать пять человек, а следовательно, и меня со всем моим грузом.

Я был в восторге от своего произведения: никогда в жизни не видал я такой большой лодки из цельного дерева. Зато и дорого же она мне обошлась. Сколько раз пришлось мне, изнемогая от усталости, ударять по этому дереву топором!

Как бы то ни было, половина дела была сделана. Оставалось только спустить лодку на воду, и я не сомневаюсь, что, если бы это мне удалось, я предпринял бы самое безумное и самое отчаянное из

всех морских путешествий, когда-либо предпринимавшихся на земном шаре.

Но все мои старания спустить ее на воду не привели ни к чему: моя пирога осталась там, где была!

От леса, где я ее построил, до воды было никак не более ста ярдов, но лес стоял в котловине, а берег был высокий, обрывистый. Это было первое препятствие. Впрочем, я храбро решил его устранить: надо было снять всю лишнюю землю таким образом, чтобы от леса до берега образовался отлогий спуск. Страшно вспомнить, сколько труда я потратил на эту работу, но кто не отдаст своих последних сил, когда дело идет о том, чтобы добиться свободы!

Итак, первое препятствие было устранено: дорога для лодки готова. Но это ни к чему не привело: сколько я ни бился, я не мог сдвинуть с места мою пирогу, как раньше не мог сдвинуть корабельную шлюпку.

Тогда я вымерил расстояние, отделявшее пирогу от моря, и решил вырыть для нее канал: если нельзя было провести лодку к воде, оставалось провести воду к лодке. И я уже начал было копать, но когда прикинул в уме необходимую глубину и ширину будущего канала, когда подсчитал, во сколько приблизительно времени может сделать такую работу один человек, то оказалось, что мне понадобится не менее десяти - двенадцати лет, чтобы довести ее до конца...

Делать нечего, пришлось скрепя сердце бросить и эту затею.

Я был огорчен до глубины души и тут только сообразил, как глупо приниматься за работу, не рассчитав предварительно, сколько она потребует времени и труда и хватит ли сил довести ее до конца.

За этой бестолковой работой застала меня четвертая годовщина моего пребывания на острове.

К этому времени многие из взятых мною с корабля вещей или совсем износились, или кончали свой век, а

корабельные запасы провизии уже подходили к концу.

Вслед за чернилами у меня вышел весь запас хлеба, то есть не хлеба, а корабельных сухарей. Я экономил их как только мог. В последние полтора года я позволял себе съедать не более одного сухаря в день. И все-таки до того, как я собрал со своего поля такое количество зерна, что можно было начать употреблять его в пищу, я почти год просидел без крошки хлеба.

Одежда моя к этому времени стала приходить в полную негодность. У меня были только клетчатые рубахи (около трех дюжин), которые я нашел в сундуках у матросов. К ним относился я с особой бережливостью; на моем острове бывало зачастую так жарко, что приходилось ходить в одной рубахе, и не знаю, что я делал бы без этого запаса рубах.

Конечно, я мог бы ходить в этом климате голым. Но я легче переносил солнечный зной, если на мне была одежда. Палящие лучи тропического солнца обжигали мне кожу до пузырей, рубашка же защищала ее от солнца, и, кроме того, меня охлаждало движение воздуха между рубашкой и телом. Не мог я также привыкнуть ходить по солнцу с непокрытой головой; всякий раз, когда я выходил без шапки, у меня начинала болеть голова.

Надо было получше использовать те запасы одежды, которые у меня еще оставались.

Прежде всего мне нужна была куртка: все, какие у меня были, я износил. Поэтому я решил попытаться переделать на куртки матросские бушлаты, которые у меня все равно лежали без употребления. В таких бушлатах матросы стоят в зимние ночи на вахте.

И вот я принялся портняжить! Говоря по совести, я был довольно-таки жалким портным, но, как бы то ни было, я с грехом пополам состряпал две или три куртки, которых, по моему расчету, мне должно было хватить надолго.

О первой моей попытке сшить штаны лучше и не говорить, так как она окончилась постыдной неудачей.

Но вскоре после того я изобрел новый способ одеваться и с тех пор не терпел недостатка в одежде.

Дело в том, что у меня сохранялись шкуры всех убитых мною животных. Каждую шкуру я просушивал на солнце, растянув на шестах. Только вначале я по неопытности слишком долго держал их на солнце, поэтому первые шкуры были так жестки, что едва ли могли на что-нибудь пригодиться. Зато остальные были очень хороши. Из них-то я и сшил первым делом большую шапку мехом наружу, чтобы она не боялась дождя. Меховая шапка так хорошо удалась мне, что я решил соорудить себе из такого же материала полный костюм, то есть куртку и штаны. Штаны я сшил короткие, до колен, и очень просторные; куртку тоже сделал пошире, потому что и то и другое было мне нужно не столько для тепла, сколько для защиты от солнца.

Покрой и работа, надо признаться, никуда не годились. Плотник я был неважный, а портной и того хуже. Как бы то ни было, сшитая мною одежда отлично мне служила, особенно когда мне случалось выходить из дому во время дождя: вся вода стекала по длинному меху, и я оставался совершенно сухим.

После куртки и штанов я задумал смастерить себе зонтик.

Я видел, как делают зонтики в Бразилии. Там такая сильная жара, что трудно обойтись без зонтика, а на моем острове было ничуть не прохладнее, даже, пожалуй, жарче, так как он ближе к экватору. Прятаться от жары я не мог, большую часть времени я проводил под открытым небом. Нужда заставляла меня выходить из дому во всякую погоду, а иной раз подолгу бродить и по солнцу и по дождю. Словом, зонтик был мне положительно необходим.

Много у меня было возни с этой работой и много времени прошло, прежде чем мне удалось сделать что-то похожее на зонтик. Раза два или три, когда я думал, что уже достиг своей цели, у меня получались такие негодные вещи, что приходилось начинать все сызнова. Но в конце концов я добился своего и сделал довольно сносный зонтик. Дело в том, что я хотел, чтобы он раскрывался и закрывался, - в этом-то и заключалась главная трудность. Конечно, сделать его неподвижным было очень легко, но тогда пришлось бы носить его раскрытым, что было неудобно. Как уже сказано, я преодолел эту трудность, и мой зонтик мог открываться и закрываться. Я обтянул его козьими шкурами мехом наружу: дождевая вода стекала по меху, как по наклонной крыше, и самые знойные солнечные лучи не могли проникнуть сквозь него.

С этим зонтиком я не боялся никакого дождя и не страдал от солнца даже в самую жаркую погоду, а когда он не был мне нужен, я закрывал его и нес под мышкой.

Так я жил на моем острове, спокойный и довольный.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Робинзон строит другую лодку, меньших размеров, и пытается объехать вокруг острова

Прошло еще пять лет, и за это время, насколько я могу припомнить, не произошло никаких чрезвычайных событий.

Жизнь моя протекала по-старому - тихо и мирно; жил я на старом месте и по-прежнему отдавал все свое время труду и охоте.

Теперь у меня было уже столько зерна, что мне хватало моего посева на целый год; винограду тоже было вдоволь. Но из-за этого мне пришлось работать и в лесу и в поле еще больше, чем прежде.

Однако главной моей работой была постройка новой лодки. На этот раз я не только сделал лодку, но и

спустил ее на воду: я вывел ее в бухточку по узкому каналу, который мне пришлось прорыть на протяжении полумили.

Первую мою лодку, как уже знает читатель, я сделал таких огромных размеров, что принужден был оставить ее на месте постройки как памятник моей глупости. Он постоянно напоминал мне о том, что впредь надо быть умнее.

Теперь я был гораздо опытнее. Правда, на этот раз я построил лодку чуть не в полумиле от воды, так как ближе не нашел подходящего дерева, но я был уверен, что мне удастся спустить ее на воду. Я видел, что затеянная работа на этот раз не превышает моих сил, и твердо решил довести ее до конца. Почти два года я провозился над постройкой лодки. Мне так страстно хотелось получить наконец возможность плавать по морю, что я не жалел никакого труда.

Надо, однако, заметить, что я строил эту новую пирогу совсем не для того, чтобы покинуть мой остров. С этой мечтой мне пришлось давно распроститься. Лодка была так мала, что нечего было и думать переплыть на ней те сорок или больше миль, которые отделяли мой остров от материка.

Теперь у меня была более скромная цель: объехать вокруг острова - и только. Я уже побывал однажды на противоположном берегу, и открытия, которые я там сделал, так заинтересовали меня, что мне еще тогда захотелось осмотреть все окружающее меня побережье.

И вот теперь, когда у меня появилась лодка, я решил во что бы то ни стало объехать свой остров морем. Прежде чем пуститься в путь, я тщательно подготовился к предстоящему плаванию. Я смастерил для своей лодочки крошечную мачту и сшил такой же крошечный парус из кусков парусины, которой у меня был изрядный запас.

Когда лодка была оснащена, я испытал ее ход и убедился, что под парусом она идет вполне удовлетворительно. Тогда я пристроил на корме и на носу небольшие ящички, чтобы уберечь от дождя и от волн провизию, заряды и прочие нужные вещи, которые я буду брать с собой в дорогу. Для ружья я выдолбил в дне лодки узкий желоб.

Затем я укрепил раскрытый зонтик, придав ему такое положение, чтобы он приходился над моей головой и защищал меня от солнца, как навес.

До сих пор время от времени я совершал небольшие прогулки по морю, но никогда не уходил далеко от моей бухты. Теперь же, когда я намеревался осмотреть границы моего маленького государства и снарядил свое судно для дальнего плавания, я снес туда испеченные мною пшеничные хлебцы, глиняный горшок поджаренного риса и половину козьей туши.

6 ноября я отправился в путь.

Проездил я гораздо дольше, чем рассчитывал. Дело в том, что хотя мой остров сам по себе был невелик, но, когда я завернул к восточной части его побережья, передо мной выросла непредвиденная преграда. В этом месте от берега отделяется узкая гряда скал; иные из них торчат над водой, иные скрыты в воде. Гряда уходит миль на шесть в открытое море, а дальше, за скалами еще мили на полторы тянется песчаная отмель. Таким образом, чтобы обогнуть эту косу, пришлось довольно далеко отъехать от берега. Это было очень опасно.

Я хотел даже повернуть назад, потому что не мог определить с точностью, как далеко мне придется пройти открытым морем, пока я обогну гряду подводных скал, и боялся рисковать. И, кроме того, я не знал, удастся ли мне повернуть назад. Поэтому я бросил якорь (перед отправлением в путь я смастерил себе некоторое подобие якоря из обломка железного крюка,

найденного мною на корабле), взял ружье и сошел на берег. Высмотрев невдалеке довольно высокую горку, я взобрался на нее, смерил на глаз длину скалистой гряды, которая отсюда была отлично видна, и решил рискнуть.

Но не успел я добраться до этой гряды, как очутился на страшной глубине и вслед за тем попал в могучую струю морского течения. Меня завертело, как в мельничном шлюзе, подхватило и понесло. О том, чтобы поворотить к берегу или свернуть в сторону, нечего было и думать. Все, что я смог сделать, это держаться у самого края течения и стараться не попасть в середину.

Между тем меня уносило все дальше и дальше. Будь хоть небольшой ветерок, я мог бы поднять парус, но на море стоял полный штиль. Я работал веслами изо всех сил, однако справиться с течением не мог и уже прощался с жизнью. Я знал, что через несколько миль то течение, в которое я попал, сольется с другим течением, огибающим остров, и что, если до той поры мне не удастся свернуть в сторону, я безвозвратно погиб. А между тем я не видел никакой возможности свернуть.

Спасения не было: меня ожидала верная смерть - и не в волнах морских, потому что море было спокойно, а от голода. Правда, на берегу я нашел черепаху, такую большую, что еле мог поднять ее, и взял с собой в лодку. Был у меня также порядочный запас пресной воды - я захватил самый большой из моих глиняных кувшинов. Но что это значило для жалкого существа, затерявшегося в безграничном океане, где можно проплыть тысячу миль, не увидев признаков земли!

О своем пустынном, заброшенном острове я вспоминал теперь как о земном рае, и единственным моим желанием было вернуться в этот рай. Я страстно простирал к нему руки.

- О пустыня, даровавшая мне счастье! - восклицал я. - Мне уже никогда не увидеть тебя. О, что со мной будет? Куда уносят меня беспощадные волны? Каким неблагодарным я был, когда роптал на свое одиночество и проклинал этот прекрасный остров!

Да, теперь мой остров был для меня дорог и мил, и мне было горько думать, что я должен навеки проститься с надеждой вновь увидеть его.

Меня несло и несло в беспредельную водную даль. Но, хотя я испытывал смертельный испуг и отчаяние, я все же не поддавался этим чувствам и продолжал грести не переставая, стараясь направить лодку на север, чтобы пересечь течение и обогнуть рифы.

Вдруг около полудня потянул ветерок. Это меня ободрило. Но представьте мою радость, когда ветерок начал быстро свежеть и через полчаса превратился в хороший ветер!

К этому времени меня угнало далеко от моего острова. Поднимись в ту пору туман, мне пришел бы конец!

Со мною не было компаса, и, если бы я потерял из виду мой остров, я не знал бы, куда держать путь. Но, на мое счастье, был солнечный день и ничто не предвещало тумана.

Я поставил мачту, поднял парус и стал править на север, стараясь выбиться из течения.

Как только моя лодка повернула по ветру и пошла наперерез течению, я заметил в нем перемену: вода стала гораздо светлее. Я понял, что течение по какойто причине начинает ослабевать, так как раньше, когда оно было быстрее, вода была все время мутная. И в самом деле, вскоре я увидел вправо от себя, на востоке, утесы (их можно было различить издалека по белой пене волн, бурливших вокруг каждого из них). Эти-то утесы и замедляли течение, преграждая ему путь.

Вскоре я убедился, что они не только замедляют течение, а еще разбивают его на две струи, из которых главная лишь слегка отклоняется к югу, оставляя утесы влево, а другая круто заворачивает назад и направляется на северо-запад.

Только тот, кто знает по опыту, что значит получить помилование, стоя на эшафоте, или спастись от разбойников в ту последнюю минуту, когда нож уже приставлен к горлу, поймет мой восторг при этом открытии.

С бьющимся от радости сердцем направил я свою лодку в обратную струю, подставил парус попутному ветру, который посвежел еще более, и весело понесся назад.

Около пяти часов вечера я подошел к берегу и, высмотрев удобное местечко, причалил.

Нельзя описать ту радость, которую я испытал, когда почувствовал под собой твердую землю!

Каким милым показалось мне каждое деревцо моего благодатного острова! С горячей нежностью смотрел я на эти холмы и долины, которые только вчера вызывали тоску в моем сердце. Как радовался я, что снова увижу свои поля, свои рощи, свою пещеру, своего верного пса, своих коз! Какой красивой показалась мне дорога от берега к моему шалашу!

Был уже вечер, когда я добрался до своей лесной дачи. Я перелез через ограду, улегся в тени и, чувствуя страшную усталость, скоро заснул.

Но каково было мое изумление, когда меня разбудил чей-то голос. Да, это был голос человека! Здесь, на острове, был человек, и он громко кричал среди ночи:

- Робин, Робин, Робин Крузо! Бедный Робин Крузо! Куда ты попал, Робин Крузо? Куда ты попал? Где ты был?

Измученный продолжительной греблей, я спал таким крепким сном, что не сразу мог проснуться, и мне

долго казалось, что я слышу этот голос во сне.

Но крик назойливо повторялся:

- Робин Крузо, Робин Крузо!

Наконец я очнулся и понял, где я. Первым моим чувством был страшный испуг. Я вскочил, дико озираясь, и вдруг, подняв голову, увидел на ограде своего попугая.

Конечно, я сейчас же догадался, что он-то и выкрикивал эти слова: точно таким же жалобным голосом я часто говорил при нем эти самые фразы, и он отлично их затвердил. Сядет, бывало, мне на палец, приблизит клюв к моему лицу и причитает уныло: "Бедный Робин Крузо! Где ты был и куда ты попал?"

Но, даже убедившись, что это был попугай, и понимая, что, кроме попугая, некому тут и быть, я еще долго не мог успокоиться.

Я совершенно не понимал, во-первых, как он попал на мою дачу, во-вторых, почему он прилетел именно сюда, а не в другое место.

Но так как у меня не было ни малейшего сомнения, что это он, мой верный Попка, то, не ломая головы над вопросами, я назвал его по имени и протянул ему руку. Общительная птица сейчас же села мне на палец и повторила опять:

- Бедный Робин Крузо! Куда ты попал?

Попка точно радовался, что снова видит меня. Покидая шалаш, я посадил его на плечо и унес с собой.

Неприятные приключения моей морской экспедиции надолго отбили у меня охоту плавать по морю, и много дней я размышлял об опасностях, которым подвергался, когда меня несло в океан.

Конечно, было бы хорошо иметь лодку на этой стороне острова, поближе к моему дому, но как привести ее оттуда, где я оставил ее? Обогнуть мой остров с востока - от одной мысли об этом у меня сжималось сердце и холодела кровь. Как обстоит дело

на другой стороне острова, я не имел никакого понятия. Что, если течение по ту сторону такое же быстрое, как и по эту? Разве не может оно швырнуть меня на прибрежные скалы с той же силой, с какой другое течение уносило меня в открытое море. Словом, хотя постройка этой лодки и спуск ее на воду стоили мне большого труда, я решил, что все же лучше остаться без лодки, чем рисковать из-за нее головой.

Нужно сказать, что теперь я стал гораздо искуснее во всех ручных работах, каких требовали условия моей жизни. Когда я очутился на острове, я совершенно не умел обращаться с топором, а теперь я мог бы при случае сойти за хорошего плотника, особенно если принять в расчет, как мало было у меня инструментов.

Я и в гончарном деле (совсем неожиданно!) сделал большой шаг вперед: устроил станок с вертящимся кругом, отчего моя работа стала и быстрее и лучше; теперь вместо корявых изделий, на которые было противно смотреть, у меня выходила очень неплохая посуда довольно правильной формы.

Но никогда я, кажется, так не радовался и не гордился своей изобретательностью, как в тот день, когда мне удалось сделать трубку. Конечно, моя трубка была первобытного вида - из простой обожженной глины, как и все мои гончарные изделия, и вышла она не очень красивой. Но она была достаточно крепка и хорошо пропускала дым, а главное - это была всетаки трубка, о которой я столько мечтал, так как привык курить с очень давнего времени. На нашем корабле были трубки, но, когда я перевозил оттуда вещи, я не знал, что на острове растет табак, и решил, что не стоит их брать.

К атому времени я обнаружил, что мои запасы пороха начинают заметно убывать. Это чрезвычайно встревожило и огорчило меня, так как нового пороха достать было неоткуда. Что же я буду делать, когда у

меня выйдет весь порох? Как я буду тогда охотиться на коз и птиц? Неужели я до конца моих дней останусь без мясной пищи?

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Робинзон приручает диких коз

На одиннадцатом году моего пребывания на острове, когда порох стал у меня истощаться, я начал серьезно подумывать, как бы найти способ ловить диких коз живьем. Больше всего мне хотелось поймать матку с козлятами.

Вначале я ставил силки, и козы нередко попадались в них. Но от этого мне было мало пользы: козы съедали приманку, а потом разрывали силки и преспокойно убегали на волю. К сожалению, у меня не было проволоки, и приходилось делать силки из бечевок.

Тогда я решил попробовать волчьи ямы. Зная места, где козы паслись чаще всего, я выкопал там три глубокие ямы, накрыл их плетенками собственного изготовления и положил на каждую плетенку охапку колосьев риса и ячменя. Вскоре я убедился, что козы посещают мои ямы: колосья были съедены и кругом виднелись следы козьих копыт. Тогда я устроил настоящие западни и на другой же день нашел в одной яме большого старого козла, а в другой - трех козлят: одного самца и двух самок.

Старого козла я выпустил на волю, потому что не знал, что с ним делать. Он был такой дикий и злой, что взять его живым было нельзя (я боялся войти к нему в яму), а убивать его было незачем. Как только я приподнял плетенку, он выскочил из ямы и пустился бежать со всех ног.

Впоследствии мне пришлось убедиться, что голод укрощает даже львов. Но тогда я этого не знал. Если бы я заставил козла поголодать дня три-четыре, а потом принес ему воды и немного колосьев, он сделался бы смирным не хуже моих козлят.

Козы вообще очень умны и послушны. Если с ними хорошо обращаться, их ничего не стоит приручить.

Но, повторяю, в то время я этого не знал. Выпустив козла, я подошел к той яме, где сидели козлята, вытащил всех трех по одному, связал вместе веревкой и с трудом приволок их домой.

Довольно долго я не мог заставить их есть. Кроме молока матери, они еще не знали другой пищи. Но, когда они порядком проголодались, я бросил им несколько сочных колосьев, и они мало-помалу принялись за еду. Вскоре они привыкли ко мне и сделались совсем ручными.

С тех пор я начал разводить коз. Мне хотелось, чтобы у меня было целое стадо, так как это был единственный способ обеспечить себя мясом к тому времени, когда у меня выйдут порох и дробь.

Года через полтора у меня было уже не меньше двенадцати коз, считая с козлятами, а еще через два года мое стадо выросло до сорока трех голов. Со временем я устроил пять огороженных загонов; все они сообщались между собою воротцами, чтобы можно было перегонять коз с одного лужка на другой.

У меня был теперь неистощимый запас козьего мяса и молока. Признаться, когда я принимался за разведение коз, я и не думал о молоке. Только позже я стал их доить.

Я думаю, что самый хмурый и угрюмый человек не удержался бы от улыбки, если бы увидел меня с моим семейством за обеденным столом. Во главе стола сидел я, король и владыка острова, полновластно распоряжавшийся жизнью всех своих подданных: я мог казнить и миловать, дарить и отнимать свободу, и среди моих подданных не было ни одного бунтаря.

Нужно было видеть, с какой королевской пышностью я обедал один, окруженный моими придворными. Только Попке, как любимцу, разрешалось

разговаривать со мной. Собака, которая давно уже одряхлела, садилась всегда по правую руку своего властелина, а слева садились кошки, ожидая подачки из моих собственных рук. Такая подачка считалась знаком особой королевской милости.

Это были не те кошки, которых я привез с корабля. Те давно умерли, и я собственноручно похоронил их вблизи моего жилища. Одна из них уже на острове окотилась; я оставил у себя пару котят, и они выросли ручными, а остальные убежали в лес и одичали. В конце концов на острове расплодилось такое множество кошек, что от них отбою не было: они забирались ко мне в кладовую, таскали провизию и оставили меня в покое лишь тогда, когда я пристрелил двух или трех.

Повторяю, я жил настоящим королем, ни в чем не нуждаясь; подле меня всегда был целый штат преданных мне придворных - не было только людей. Впрочем, как увидит читатель, скоро пришло время, когда в моих владениях появилось даже слишком много людей.

Я твердо решил никогда больше не предпринимать опасных морских путешествий, и все-таки мне очень хотелось иметь под руками лодку - хотя бы для того, чтобы совершать в ней поездку у самого берега! Я часто думал о том, как бы мне перевести ее на ту сторону острова, где была моя пещера. Но, понимая, что осуществить этот план трудно, всякий раз успокаивал себя тем, что мне хорошо и без лодки.

Однако, сам не знаю почему, меня сильно тянуло к той горке, куда я взбирался во время моей последней поездки. Мне хотелось еще раз взглянуть оттуда, каковы очертания берегов и куда направляется течение. В конце концов я не выдержал и пустился в путь - на этот раз пешком, вдоль берега.

Если бы у нас в Англии появился человек в такой одежде, какая была на мне в ту пору, все прохожие, я

уверен, разбежались бы в испуге или покатились бы со смеху; да зачастую я и сам, глядя на себя, невольно улыбался, представляя себе, как я шествую по родному Йоркширу с такой свитой и в таком облачении.

На голове у меня высилась остроконечная бесформенная шапка из козьего меха, с длинным, ниспадающим на спину назатыльником, который прикрывал мою шею от солнца, а во время дождя не давал воде попадать за ворот. В жарком климате нет ничего вреднее дождя, попавшего за платье, на голое тело.

Затем на мне был длинный камзол из того же материала, почти до колен. Штаны были из шкуры очень старого козла с такой длинной шерстью, что они закрывали мне ноги до половины икр. Чулок у меня совсем не было, а вместо башмаков я соорудил себе - не знаю, как и назвать, - попросту полусапоги с длинными шнурками, завязывающимися сбоку. Обувь эта была самого странного вида, как, впрочем, и весь остальной мой наряд.

Камзол я стягивал широким ремнем из козьей шкуры, очищенной от шерсти; пряжку я заменил двумя ремешками, а с боков пришил по петле - не для шпаги и кинжала, а для пилы и топора.

Кроме того, я надевал кожаную перевязь через плечо, с такими же застежками, как на кушаке, по немного поуже. К этой перевязи я приладил две сумки так, чтобы они приходились под левой рукой: в одной был порох, в другой дробь. За спиною у меня висела корзина, на плече у меня было ружье, а над головою - огромный меховой зонтик. Зонтик был безобразен, но он составлял, пожалуй, самую необходимую принадлежность моего дорожного снаряжения. Нужнее зонтика было для меня только ружье.

Цветом лица я менее походил на негра, чем можно было ожидать, принимая во внимание, что я жил

невдалеке от экватора и нисколько не боялся загара. Сначала я отпустил себе бороду. Выросла борода непомерной длины. Потом я сбрил ее, оставив только усы; но зато усы отрастил замечательные, настоящие турецкие. Они были такой чудовищной длины, что в Англии пугали бы прохожих.

Но обо всем этом я упоминаю лишь мимоходом: не слишком-то много было на острове зрителей, которые могли бы любоваться моим лицом и осанкой, так не все ли равно, какова у меня была внешность! Я заговорил о ней просто потому, что к слову пришлось, и больше уж не буду распространяться об этом предмете.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Неожиданная тревога. Робинзон укрепляет свое жилище

Вскоре случилось событие, которое совершенно нарушило спокойное течение моей жизни.

Было около полудня. Я шел берегом моря, направляясь к своей лодке, и вдруг, к великому своему изумлению и ужасу, увидел след голой человеческой ноги, ясно отпечатавшийся на песке!

Я остановился и не мог сдвинуться с места, как будто меня поразил гром, как будто я увидел привидение.

Я стал прислушиваться, я озирался кругом, но не слышал и не видел ничего подозрительного.

Я взбежал вверх по береговому откосу, чтобы лучше осмотреть всю окрестность; опять спустился к морю, прошел немного вдоль берега - и нигде не нашел ничего: никаких признаков недавнего присутствия людей, кроме этого единственного отпечатка ноги.

Я вернулся еще раз на то же место. Мне хотелось узнать, нет ли там еще отпечатков. Но других отпечатков не было. Может быть, мне померещилось? Может быть, этот след не принадлежит человеку? Нет, я не ошибся! Это был несомненно след ноги человека: я

отчетливо различал пятку, пальцы, подошву. Откуда здесь взялся человек? Как он сюда попал? Я терялся в догадках и не мог остановиться ни на одной.

В страшной тревоге, не чувствуя земли под ногами, поспешил я домой, в свою крепость. Мысли путались у меня в голове.

Через каждые два-три шага я оглядывался. Я боялся каждого куста, каждого дерева. Каждый пень я издали принимал за человека.

Невозможно описать, какие страшные и неожиданные формы принимали все предметы в моем взбудораженном воображении, какие дикие, причудливые мысли в то время волновали меня и какие нелепые решения принимал я в пути.

Добравшись до моей крепости (как я с того дня стал называть свое жилье), я мгновенно очутился за оградой, словно за мною неслась погоня.

Я даже не мог вспомнить, перелез ли я через ограду по приставной лестнице, как всегда, или вошел через дверь, то есть через наружный ход, выкопанный мною в горе. Я и на другой день не мог этого припомнить.

Ни один заяц, ни одна лиса, спасаясь в ужасе от своры собак, не спешили так в свою нору, как я.

Всю ночь я не мог уснуть и тысячу раз задавал себе один и тот же вопрос: каким образом мог попасть сюда человек?

Вероятно, это отпечаток ноги какого-нибудь Вдруг я увидел след голой человеческой ноги... дикаря, попавшего на остров случайно. А может быть, дикарей было много? Может быть, они вышли в море на своей пироге и их пригнало сюда течением или ветром? Весьма возможно, что они побывали на берегу, а потом опять ушли в море, потому что у них, очевидно, было так же мало желания оставаться в этой пустыне, как у меня - жить по соседству с ними.

Конечно, они не заметили моей лодки, иначе догадались бы, что на острове живут люди, стали бы их разыскивать и несомненно нашли бы меня.

Но тут меня обожгла страшная мысль: "А что, если они видели мою лодку?" Эта мысль мучила и терзала меня.

"Правда, - говорил я себе, - они ушли опять в море, но это еще ничего не доказывает; они вернутся, они непременно вернутся с целым полчищем других дикарей и тогда найдут меня и съедят. А если им и не удастся найти меня, все равно они увидят мои поля, мои изгороди, они истребят весь мой хлеб, угонят мое стадо, и мне придется погибнуть от голода".

Первые трое суток после сделанного мною ужасного открытия я ни на минуту не покидал моей крепости, так что начал даже голодать. Я не держал дома больших запасов провизии, и на третьи сутки у меня оставались только ячменные лепешки да вода.

Меня мучило также и то, что мои козы, которых я обыкновенно доил каждый вечер (это было ежедневным моим развлечением), теперь остаются недоенными. Я знал, что бедные животные должны от этого очень страдать; кроме того, я боялся, что у них может пропасть молоко. И мои опасения оправдались: многие козы захворали и почти перестали давать молоко.

На четвертые сутки я набрался храбрости и вышел. А тут еще у меня явилась одна мысль, которая окончательно вернула мне мою прежнюю бодрость. В самый разгар моих страхов, когда я метался от догадки к догадке и ни на чем не мог остановиться, мне вдруг пришло на ум, не выдумал ли я всю эту историю с отпечатком человеческой ноги и не мой ли это собственный след. Он ведь мог остаться на песке, когда я в предпоследний раз ходил смотреть свою лодку. Правда, возвращался я обыкновенно другой дорогой, но

это было давно и мог ли я с уверенностью утверждать, что я шел тогда именно той, а не этой дорогой?

Я постарался уверить себя, что так оно и было, что это мой собственный след и что я оказался похож на глупца, который сочинил небылицу о вставшем из гроба покойнике и сам же испугался своей сказки.

Да, несомненно, то был мой собственный след!

Укрепившись в этой уверенности, я начал выходить из дому по разным хозяйственным делам. Я стал опять каждый день бывать у себя на даче. Там я доил коз, собирал виноград. Но если бы вы видели, как несмело я шел туда, как часто я озирался по сторонам, готовый в любое мгновение бросить свою корзину и пуститься наутек, вы непременно подумали бы, что я какой-нибудь ужасный преступник, преследуемый угрызениями совести.

Однако прошло еще два дня, и я стал гораздо смелее. Я окончательно убедил себя, что все мои страхи внушены мне нелепой ошибкой, но, чтобы уж не оставалось никаких сомнений, я решил еще раз сходить на тот берег и сличить таинственный след с отпечатком моей ноги. Если оба следа окажутся равных размеров, я могу быть уверен, что напугавший меня след был мой собственный и что я испугался себя самого.

С этим решением я отправился в путь. Но, когда я пришел на то место, где был таинственный след, для меня, во-первых, стало очевидно, что, выйдя в тот раз из лодки и возвращаясь домой, я никоим образом не мог очутиться в этом месте, а во-вторых, когда я для сравнения поставил ногу на след, моя нога оказалась значительно меньше!

Сердце мое наполнилось новыми страхами, я дрожал как в лихорадке; вихрь новых догадок закружился у меня в голове. Я ушел домой в полном убеждении, что там, на берегу, побывал человек - и, может быть, не один, а пять или шесть.

Я даже готов был допустить, что эти люди отнюдь не приезжие, что они жители острова. Правда, до сих пор я не замечал здесь ни одного человека, но возможно, что они давно уже прячутся здесь и, следовательно, каждую минуту могут захватить меня врасплох.

Я долго ломал себе голову, как оградить себя от этой опасности, и все же не мог ничего придумать.

"Если дикари, - говорил я себе, - найдут моих коз и увидят мои поля с колосящимся хлебом, они будут постоянно возвращаться на остров за новой добычей; а если они заметят мой дом, они непременно примутся разыскивать его обитателей и в конце концов доберутся до меня".

Поэтому я решил было сгоряча сломать изгороди всех моих загонов и выпустить весь мой скот, затем, перекопав оба поля, уничтожить всходы риса и ячменя и снести свой шалаш, чтобы неприятель не мог открыть никаких признаков человека.

Такое решение возникло у меня тотчас же после того, как я увидел этот ужасный отпечаток ноги. Ожидание опасности всегда страшнее самой опасности, и ожидание зла в десять тысяч раз хуже самого зла.

Всю ночь я не мог уснуть. Зато под утро, когда я ослабел от бессонницы, я уснул крепким сном и проснулся таким свежим и бодрым, каким давно уже не чувствовал себя.

Теперь я начал рассуждать спокойнее и вот к каким решениям пришел. Мой остров - одно из прекраснейших мест на земле. Здесь чудесный климат, много дичи, много роскошной растительности. И так Там я собирал виноград как он находится вблизи материка, нет ничего удивительного, что живущие там дикари подъезжают в своих пирогах к его берегам. Впрочем, возможно и то, что их пригоняет сюда течением или ветром. Конечно, постоянных жителей здесь нет, но заезжие дикари

здесь, несомненно, бывают. Однако за те пятнадцать лет, что я прожил на острове, я до настоящего времени не открыл человеческих следов; стало быть, если дикари и наезжают сюда, они никогда не остаются тут надолго. А если они до сих пор не находили выгодным или удобным располагаться здесь на более или менее продолжительный срок, надо думать, что так оно будет и впредь.

Следовательно, мне могла грозить единственная опасность - наткнуться на них в те часы, когда они гостят на моем острове. Но, если они и приедут, вряд ли мы встретимся с ними, так как, во-первых, дикарям здесь нечего делать и, наезжая сюда, они всякий раз, вероятно, спешат воротиться домой; во-вторых, можно с уверенностью сказать, что они всегда пристают к той стороне острова, которая наиболее удалена от моего жилья.

А так как я очень редко хожу туда, у меня нет причины особенно бояться дикарей, хотя, конечно, следует все-таки подумать о безопасном убежище, где я мог бы укрыться, если они снова появятся на острове.

Теперь мне пришлось горько раскаяться в том, что, расширяя свою пещеру, я вывел из нее ход наружу. Надо было так или иначе исправлять эту оплошность. После долгих размышлений я решил построить вокруг моего жилья еще одну ограду на таком расстоянии от прежней стены, чтобы выход из пещеры пришелся внутри укрепления.

Впрочем, мне даже не понадобилось ставить новую стену: двойной ряд деревьев, которые я лет двенадцать назад посадил полукругом вдоль старой ограды, представлял уже и сам по себе надежную защиту - так густо были насажены эти деревья и так сильно разрослись. Оставалось только вбить колья в промежутки между деревьями, чтобы превратить весь

этот полукруг в сплошную крепкую стену. Так я и сделал.

Теперь моя крепость была окружена двумя стенами. Но на этом мои труды не кончились. Всю площадь за наружной стеной я засадил теми же деревьями, что были похожи на иву. Они так хорошо принимались и росли с необычайной быстротой. Я думаю, что посадил их не меньше двадцати тысяч штук. Но между этой рощей и стеной я оставил довольно большое пространство, чтобы можно было издали заметить врагов, иначе они могли подкрасться к моей стене под прикрытием деревьев.

Через два года вокруг моего дома зазеленела молодая роща, а еще через пять-шесть лет меня со всех сторон обступил дремучий лес, совершенно непроходимый - с такой чудовищной, невероятной быстротой разрастались эти деревья. Ни один человек, будь он дикарь или белый, не мог бы теперь догадаться, что за этим лесом скрывается дом. Чтобы входить в мою крепость и выходить из нее (так как я не оставил просеки в лесу), я пользовался лестницей, приставляя ее к горе. Когда лестница бывала убрана, ни один человек не мог проникнуть ко мне, не сломав себе шею.

Вот сколько тяжелой работы взвалил я себе на плечи лишь потому, что мне померещилось, будто мне угрожает опасность! Живя столько лет отшельником, вдали от человеческого общества, я понемногу отвык от людей, и люди стали казаться мне страшнее зверей.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Робинзон убеждается, что на его острове бывают людоеды

Прошло два года с того дня, когда я увидал на песке след человеческой ноги, но прежний душевный покой так и не вернулся ко мне. Кончилась моя безмятежная жизнь. Всякий, кому приходилось в

течение долгих лет испытывать мучительный страх, поймет, какой печальной и мрачной стала с тех пор моя жизнь.

Однажды во время моих блужданий по острову добрел я до западной его оконечности, где еще никогда не бывал. Не доходя до берега, я поднялся на пригорок. И вдруг мне почудилось, что вдали, в открытом море, виднеется лодка.

"Должно быть, зрение обманывает меня, - подумал я. - Ведь за все эти долгие годы, когда я изо дня в день вглядывался в морские просторы, я ни разу не видел здесь лодки".

Жаль, что я не захватил с собою подзорной трубы. У меня было несколько труб; я нашел их в одном из сундуков, перевезенных мною с нашего корабля. Но, к сожалению, они остались дома. Я не мог различить, была ли это действительно лодка, хотя так долго вглядывался в морскую даль, что у меня заболели глаза. Спускаясь к берегу с пригорка, я уже ничего не видал; так и до сих пор не знаю, что это было такое. Пришлось отказаться от всяких дальнейших наблюдений. Но с той поры я дал себе слово никогда не выходить из дому без подзорной трубы.

Добравшись до берега - а на этом берегу я, как уже сказано, никогда не бывал, - я убедился, что следы человеческих ног совсем не такая редкость на моем острове, как чудилось мне все эти годы. Да я убедился, что, если бы я жил не на восточном побережье, куда не приставали пироги дикарей, я бы давно уже знал, что на моем острове они бывают нередко и что западные его берега служат им не только постоянной гаванью, но и тем местом, где во время своих жестоких пиров они убивают и съедают людей!

То, что я увидел, когда спустился с пригорка и вышел на берег, потрясло и ошеломило меня. Весь

берег был усеян человеческими скелетами, черепами, костями рук и ног.

Не могу выразить, какой ужас охватил меня!

Я знал, что дикие племена постоянно воюют между собой. У них часто бывают морские сражения: одна лодка нападает на другую.

"Должно быть, - думал я, - после каждого боя победители привозят своих военнопленных сюда и здесь, по своему бесчеловечному обычаю, убивают и съедают их, так как они все людоеды".

Здесь же невдалеке я заметил круглую площадку, посредине которой виднелись остатки костра: тут-то, вероятно, и сидели эти дикие люди, когда пожирали тела своих пленников.

Ужасное зрелище до того поразило меня, что я в первую минуту позабыл об опасности, которой подвергался, оставаясь на этом берегу. Возмущение этим зверством вытеснило из моей души всякий страх.

Я нередко слыхал о том, что есть племена дикарей-людоедов, но никогда до тех пор мне не случалось самому видеть их. С омерзением отвернулся я от остатков этого страшного пиршества. Меня стошнило. Я чуть не лишился чувств. Мне казалось, что я упаду. А когда я пришел в себя, то почувствовал, что ни на одну минуту не могу здесь остаться. Я взбежал на пригорок и помчался назад, к жилью.

Западный берег остался далеко позади, а я все еще не мог окончательно прийти в себя. Наконец я остановился, немного опомнился и стал собираться с мыслями. Дикари, как я убедился, никогда не приезжали на остров за добычей. Должно быть, они ни в чем не нуждались, а может быть, были уверены, что ничего ценного здесь невозможно сыскать.

Не могло быть никакого сомнения в том, что они не один раз побывали в лесистой части моего острова, но,

вероятно, не нашли там ничего такого, что могло бы им пригодиться.

Значит, нужно только соблюдать осторожность. Если, прожив на острове почти восемнадцать лет, я до самого последнего времени ни разу не нашел человеческих следов, то, пожалуй, я проживу здесь еще восемнадцать лет и не попадусь на глаза дикарям, разве что наткнусь на них случайно. Но такой случайности нечего опасаться, так как отныне моя единственная забота должна заключаться в том, чтобы как можно лучше скрыть все признаки моего пребывания на острове.

Я мог бы увидеть дикарей откуда-нибудь из засады, но я не хотел и смотреть на них - так отвратительны были мне кровожадные хищники, пожирающие друг друга, как звери. Одна мысль о том, что люди могут быть так бесчеловечны, наводила на меня гнетущую тоску.

Около двух лет прожил я безвыходно в той части острова, где находились все мои владения - крепость под горой, шалаш в лесу и та лесная полянка, где я устроил огороженный загон для коз. За эти два года я ни разу не сходил взглянуть на мою лодку.

"Уж лучше, - думалось мне, - построю себе новое судно, а прежняя лодка пускай остается там, где сейчас. Выехать на ней в море было бы опасно. Там на меня могут напасть дикари-людоеды, и, без сомнения, они растерзают меня, как и других своих пленников".

Но прошло еще около года, и в конце концов я все же решился вывести оттуда свою лодку: очень уж трудно было делать новую! Да и поспела бы эта новая лодка только через два-три года, а до той поры я был бы по-прежнему лишен возможности передвигаться по морю.

Мне удалось благополучно перевести свою лодку на восточную сторону острова, где для нее нашлась очень

удобная бухта, защищенная со всех сторон отвесными скалами. Вдоль восточных берегов острова проходило морское течение, и я знал, что дикари ни за что не посмеют высадиться там.

Читателю едва ли покажется странным, что под влиянием этих треволнений и ужасов у меня совершенно пропала охота заботиться о своем благосостоянии и о будущих домашних удобствах. Мой ум утратил всю свою изобретательность. Не до того мне было, чтобы хлопотать об улучшении пищи, когда я только и думал, как бы спасти свою жизнь. Я не смел ни вбить гвоздя, ни расколоть полена, так как мне постоянно казалось, что дикари могут услышать этот стук. Стрелять я и подавно не решался.

Но главное - меня охватывал мучительный страх всякий раз, когда мне приходилось разводить огонь, так как дым, который при свете дня виден на большом расстоянии, всегда мог выдать меня. По этой причине все работы, для которых требовался огонь (например, обжигание горшков), я перенес в лес, в мою новую усадьбу. А для того чтобы у себя дома стряпать еду и печь хлеб, я решил обзавестись древесным углем. Этот уголь при горении почти не дает дыма. Еще мальчиком, у себя на родине, я видел, как добывают его. Нужно нарубить толстых сучьев, сложить их в одну кучу, прикрыть слоем дерна и сжечь. Когда сучья превращались в уголь, я перетаскивал этот уголь домой и пользовался им вместо дров.

Но вот однажды, когда я, приступая к изготовлению угля, срубил у подножия высокой горы несколько крупных кустов, я заметил под ними нору. Меня заинтересовало, куда она может вести. С большим трудом я протиснулся в нее и очутился в пещере. Пещера была очень просторна и так высока, что я тут же, у входа, мог встать во весь рост. Но сознаюсь, что вылез я оттуда гораздо скорее, чем влез.

Всматриваясь в темноту, я увидел два огромных горящих глаза, смотревших прямо на меня; они сверкали, как звезды, отражая слабый дневной свет, проникавший в пещеру снаружи и падавший прямо на них. Я не знал, кому принадлежат эти глаза - дьяволу или человеку, но, прежде чем успел что-нибудь сообразить, бросился прочь из пещеры.

Через некоторое время я, однако, опомнился и обозвал себя тысячу раз дураком.

"Кто прожил двадцать лет в одиночестве на необитаемом острове, тому не пристало бояться чертей, - сказал я себе. - Право же, в этой пещере нет никого страшнее меня".

И, набравшись храбрости, я захватил горящую головню и снова полез в пещеру. Не успел я ступить и трех шагов, освещая себе путь своим факелом, как снова испугался, еще больше прежнего: я услышал громкий вздох. Так вздыхают люди от боли. Затем раздались какие-то прерывистые звуки вроде неясного бормотания и опять тяжкий вздох.

Я попятился назад и окаменел от ужаса; холодный пот выступил у меня на всем теле, и волосы встали дыбом. Если бы у меня на голове была шляпа, они, наверное, сбросили бы ее на землю. Но, собрав все свое мужество, я снова двинулся вперед и при свете головни, которую держал над головой, увидел на земле громадного, чудовищно страшного старого козла!

Козел лежал неподвижно и тяжело дышал в предсмертной агонии; он умирал, очевидно, от старости. Я слегка толкнул его ногой, чтобы узнать, может ли он подняться. Он попробовал встать, но не мог. "Пускай себе лежит, - подумал я. - Если он напугал меня, то как же испугается всякий дикарь, который вздумает сунуться сюда!"

Впрочем, я уверен, что ни один дикарь и никто другой не отважился бы проникнуть в пещеру. Да и

вообще только человеку, который, подобно мне, нуждался в безопасном убежище, могло прийти в голову пролезть в эту расселину.

На другой день я взял с собой шесть больших свечей собственного изготовления (к тому времени я научился делать очень хорошие свечи из козьего жира) и вернулся в пещеру.

У входа пещера была широка, но понемногу становилась все уже, так что в глубине ее мне пришлось стать на четвереньки и около десяти ярдов ползти вперед, что было, к слову сказать, довольно смелым подвигом, так как я совершенно не знал, куда ведет этот ход и что ожидает меня впереди. Но вот я почувствовал, что с каждым шагом проход становится шире и шире. Немного погодя я попробовал подняться на ноги, и оказалось, что я могу стоять во весь рост. Свод пещеры поднялся футов на двадцать. Я зажег две свечи и увидел такую великолепную картину, какой никогда в жизни не видал. Я очутился в просторном гроте. Пламя моих двух свечей отражалось в его сверкающих стенах. Они отсвечивали сотнями тысяч разноцветных огней. Были ли это вкрапленные в камень пещеры алмазы или другие драгоценные камни? Этого я не знал. Вернее всего, это было золото.

Я никак не ожидал, что земля может скрывать в своих недрах такие чудеса. Это был восхитительный грот. Дно у него было сухое и ровное, покрытое мелким песком. Нигде не было видно отвратительных мокриц или червей, нигде - ни на стенах, ни на сводах - никаких признаков сырости. Единственное неудобство - узкий вход, но для меня это неудобство было ценнее всего, так как я столько времени искал безопасного убежища, а безопаснее этого трудно было найти.

Я был так рад своей находке, что решил тотчас же перенести в мой грот большую часть тех вещей, которыми я особенно дорожил, - прежде всего порох и

все запасное оружие, то есть два охотничьих ружья и три мушкета.

Перетаскивая вещи в мою новую кладовую, я впервые откупорил бочонок с подмоченным порохом. Я был уверен, что весь этот порох никуда не годится, но оказалось, что вода проникла в бочонок только на три-четыре дюйма кругом; подмокший порох затвердел, и образовалась крепкая корка; в этой корке весь остальной порох сохранился цел и невредим, как ядро ореха в скорлупе. Таким образом, я неожиданно стал обладателем новых запасов отличного пороха.

Как обрадовался я такой неожиданности! Весь этот порох - а его оказалось никак не меньше шестидесяти фунтов - я перенес в мой грот для большей сохранности, оставив у себя под рукой три или четыре фунта на случай нападения дикарей. В грот же я перетащил и весь запас свинца, из которого делал пули.

Теперь мне чудилось, что я похож на одного из тех древних гигантов, которые, по преданиям, жили в расселинах скал и в пещерах, куда было невозможно добраться ни одному человеку. "Пусть, - говорил я себе, - хоть пятьсот дикарей рыщут по всему острову, разыскивая меня; они никогда не откроют моего тайника, а если и откроют, ни за что не посмеют совершить на него нападение!"

Старый козел, которого я нашел тогда в моей новой пещере, околел на следующий день, и я закопал его в землю там же, где он лежал: это было гораздо легче, чем вытаскивать его из пещеры.

Шел уже двадцать третий год моего пребывания на острове. Я успел до такой степени освоиться с его природой и климатом, что, если бы не боялся дикарей, которые могли каждую минуту нагрянуть сюда, я охотно согласился бы провести здесь в заточении весь остаток моих дней до последнего часа, когда я лягу и умру, как этот старый козел.

В последние годы, пока я еще не знал, что мне угрожает нападение дикарей, я придумал себе коекакие забавы, которые в моем уединении очень развлекали меня. Благодаря им я проводил время гораздо веселее, чем прежде.

Во-первых, как уже сказано, я научил своего Попку говорить, и он так дружелюбно болтал со мною, произнося слова так раздельно и четко, что я слушал его с большим удовольствием.

Не думаю, чтобы какой-нибудь другой попугай умел разговаривать лучше его. Он прожил у меня не менее двадцати шести лет. Долго ли ему оставалось жить, я не знаю; жители Бразилии утверждают, что попугаи живут до ста лет.

Было у меня еще два попугая, они тоже умели говорить и оба выкрикивали: "Робин Крузо!", но далеко не так хорошо, как Попка. Правда, на его обучение я потратил гораздо больше времени и труда.

Моя собака была для меня приятнейшим спутником и верным товарищем в течение шестнадцати лет. Потом она мирно скончалась от старости, но я никогда не забуду, как самоотверженно она любила меня.

Те кошки, которых я оставил в своем доме, тоже давно уже стали полноправными членами моей обширной семьи.

Кроме того, я всегда держал при себе двух или трех козлят, которых приучал есть из моих рук. И всегда у меня водилось большое количество птиц; я ловил их на берегу, подрезал им крылья, чтобы они не могли улететь, и вскоре они делались ручными и с веселым криком сбегались ко мне, едва я появлялся на пороге.

Молодые деревца, которые я насадил перед крепостью, давно разрослись в густую рощу, и в этой роще тоже поселилось множество птиц. Они вили гнезда на невысоких деревьях и выводили птенцов, и

вся эта кипящая вокруг меня жизнь утешала и радовала меня в моем одиночестве.

Таким образом, повторяю, мне жилось бы хорошо и уютно и я был бы совершенно доволен судьбой, если бы не боялся, что на меня нападут дикари.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Дикари снова, посещают острое Робинзона. Крушение корабля

Наступил декабрь, и нужно было собирать урожай. Я работал в поле с утра до вечера. И вот как-то раз, выйдя из дому, когда еще не совсем рассвело, я, к своему ужасу, увидел на берегу, милях в двух от моей пещеры, пламя большого костра.

Я остолбенел от изумления.

Значит, на моем острове снова появились дикари! И появились они не на той стороне, где я почти никогда не бывал, а здесь, недалеко от меня.

Я притаился в роще, окружавшей мой дом, не смея ступить шагу, чтобы не наткнуться на дикарей.

Но и оставаясь в роще, я испытывал большое беспокойство: я боялся, что, если дикари начнут шнырять по острову и увидят мои возделанные поля, мое стадо, мое жилье, они сейчас же догадаются, что в этих местах живут люди, и не успокоятся, пока не разыщут меня. Медлить было нельзя. Я живо вернулся к себе за ограду, поднял за собой лестницу, чтобы замести свои следы, и начал готовиться к обороне.

Я зарядил всю свою артиллерию (так я называл мушкеты, стоявшие на лафетах вдоль наружной стены), осмотрел и зарядил оба пистолета и решил защищаться до последнего вздоха.

Я пробыл в своей крепости около двух часов, придумывая, что бы такое еще предпринять для защиты моего укрепления.

"Как жаль, что все мое войско состоит из одного человека! - думал я. - У меня нет даже лазутчиков,

которых я мог бы послать на разведку".

Что делается в лагере врага, я не знал. Эта неизвестность томила меня. Я схватил подзорную трубу, приставил лестницу к покатому склону горы и добрался до вершины. Там я лег ничком и направил трубу на то место, где видел огонь. Дикари, их было девять человек, сидели вокруг небольшого костра, совершенно нагие.

Конечно, костер они развели не для того, чтобы погреться, - в этом не было нужды, так как стояла жара. Нет, я был уверен, что на этом костре они жарили свой страшный обед из человечьего мяса! "Дичь", несомненно, была уже заготовлена, но живая или убитая - я не знал.

Людоеды прибыли на остров в двух пирогах, которые теперь стояли на песке: было время отлива, и мои ужасные гости, видимо, дожидались прилива, чтобы пуститься в обратный путь.

Так и случилось: лишь только начался прилив, дикари бросились к лодкам и отчалили. Я забыл сказать, что за час или полтора до отъезда они плясали на берегу: при помощи подзорной трубы я хорошо различал их дикие телодвижения и прыжки.

Как только я убедился, что дикари оставили остров и скрылись, я спустился с горы, вскинул на плечи оба ружья, заткнул за пояс два пистолета, а также большую мою саблю без ножен и, не теряя времени, отправился к тому холму, откуда производил свои первые наблюдения после того, как открыл на берегу человеческий след.

Добравшись до этого места (что заняло не менее двух часов, так как я был нагружен тяжелым оружием), я взглянул в сторону моря и увидел еще три пироги с дикарями, направлявшиеся от острова к материку.

Это привело меня в ужас. Я побежал к берегу и чуть не вскрикнул от ужаса и гнева, когда увидел остатки

происходившего там свирепого пиршества: кровь, кости и куски человечьего мяса, которое эти злодеи только что пожирали, веселясь и танцуя.

Меня охватило такое негодование, я почувствовал такую ненависть к этим убийцам, что мне захотелось жестоко отомстить им за их кровожадность. Я дал себе клятву, что в следующий раз, когда снова увижу на берегу их отвратительный пир, я нападу на них и уничтожу всех, сколько бы их ни было.

"Пусть я погибну в неравном бою, пусть они растерзают меня, - говорил я себе, - но не могу же я допустить, чтобы у меня на глазах люди безнаказанно ели людей!"

Однако прошло пятнадцать месяцев, а дикари не появлялись. Все это время во мне не угасал воинственный пыл: я только и думал о том, как бы мне истребить людоедов.

Я решил напасть на них врасплох, особенно если они опять разделятся на две группы, как это было в последний их приезд.

Я не сообразил тогда, что если даже и перебью всех приехавших ко мне дикарей (положим, их будет десять или двенадцать человек), то на другой день, или через неделю, или, может быть, через месяц мне придется иметь дело с новыми дикарями. А там опять с новыми, и так без конца, пока я сам не превращусь в такого же ужасного убийцу, как и эти несчастные, пожирающие своих собратьев.

Пятнадцать или шестнадцать месяцев я провел в беспрестанной тревоге. Я плохо спал, каждую ночь видел страшные сны и часто вскакивал с постели весь дрожа.

Иногда мне снилось, что я убиваю дикарей, и мне живо рисовались во сне все подробности наших сражений.

Днем я тоже не знал ни минуты покоя. Весьма возможно, что такая бурная тревога в конце концов довела бы меня до безумия, если бы вдруг не случилось событие, сразу отвлекшее мои мысли в другую сторону.

Это произошло на двадцать четвертом году моего пребывания на острове, в середине мая, если верить моему убогому деревянному календарю.

Весь этот день, 16 мая, гремел гром, сверкали молнии, гроза не умолкала ни на миг. Поздно вечером я читал книгу, стараясь позабыть свои тревоги. Вдруг я услышал пушечный выстрел. Мне показалось, что он донесся ко мне с моря.

Я сорвался с места, мигом приставил лестницу к уступу горы и быстро-быстро, боясь потерять хотя бы секунду драгоценного времени, стал взбираться по ступеням наверх. Как раз в ту минуту, когда я очутился на вершине, передо мною далеко в море блеснул огонек, и действительно через полминуты раздался второй пушечный выстрел.

"В море гибнет корабль, - сказал я себе. - Он подает сигналы, он надеется, что будет спасен. Должно быть, неподалеку находится другой какой-нибудь корабль, к которому он взывает о помощи".

Я был очень взволнован, но нисколько не растерялся и успел сообразить, что хотя я не в силах помочь этим людям, зато, быть может, они помогут мне.

В одну минуту я собрал весь валежник, какой нашел поблизости, сложил его в кучу и зажег. Дерево было сухое, и, несмотря на сильный ветер, пламя костра поднялось так высоко, что с корабля, если только это действительно был корабль, не могли не заметить моего сигнала. И огонь был, несомненно, замечен, потому что, как только вспыхнуло пламя костра, раздался новый пушечный выстрел, потом еще и еще, все с той же стороны.

Я поддерживал огонь всю ночь - до утра, а когда совсем рассвело и предутренний туман немного рассеялся, я увидел в море, прямо на востоке, какой-то темный предмет. Но был ли это корпус корабля или парус, я не мог рассмотреть даже в подзорную трубу, так как это было очень далеко, а море все еще было во мгле.

Все утро я наблюдал за видневшимся в море предметом и вскоре убедился, что он неподвижен. Оставалось предположить, что это корабль, который стоит на якоре.

Я не выдержал, схватил ружье, подзорную трубу и побежал на юго-восточный берег, к тому месту, где начиналась гряда камней, выходящая в море.

Туман уже рассеялся, и, взобравшись на ближайший утес, я мог ясно различить корпус разбившегося корабля. Сердце мое сжалось от горя. Очевидно, несчастный корабль наскочил ночью на невидимые подводные скалы и застрял в том месте, где они преграждали путь яростному морскому течению. Это были те самые скалы, которые когда-то угрожали гибелью и мне.

Если бы потерпевшие крушение заметили остров, по всей вероятности, они спустили бы шлюпки и попытались бы добраться до берега.

Но почему они палили из пушек тотчас же после того, как я зажег свой костер?

Может быть, увидев костер, они спустили на воду спасательную шлюпку и стали грести к берегу, но не могли справиться с бешеной бурей, их отнесло в сторону и они утонули? А может быть, еще до крушения они остались без лодок? Ведь во время бури бывает и так: когда судно начинает тонуть, людям часто приходится, чтобы облегчить его груз, выбрасывать свои шлюпки за борт. Может быть, этот корабль был не один? Может быть, вместе с ним было в море еще два

или три корабля и они, услышав сигналы, подплыли к несчастному собрату и подобрали его экипаж? Впрочем, это едва ли могло случиться: другого корабля я не видел.

Но какая бы участь ни постигла несчастных, я не мог им помочь, и мне оставалось только оплакивать их гибель.

Мне было жалко и их и себя.

Еще мучительнее, чем прежде, я почувствовал в этот день весь ужас своего одиночества. Чуть только я увидел корабль, я понял, как сильно истосковался по людям, как страстно мне хочется видеть их лица, слышать их голоса, пожимать им руки, разговаривать с ними! С моих губ, помимо моей воли, беспрестанно слетали слова: "Ах, если бы хоть два или три человека... нет, хоть бы один из них спасся и приплыл ко мне! Он был бы мне товарищем, другом, и я мог бы делить с ним и горе и радость".

Ни разу за все годы моего одиночества не испытал я такого страстного желания общаться с людьми.

"Хоть бы один! Ах, если бы хоть один!" - повторял я тысячу раз.

И эти слова разжигали во мне такую тоску, что, произнося их, я судорожно сжимал кулаки и так сильно стискивал зубы, что потом долгое время не мог их разжать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Робинзон пытается покинуть свой остров

До последнего года моего пребывания на острове я так и не узнал, спасся ли кто-нибудь с погибшего корабля.

Через несколько дней после кораблекрушения я нашел на берегу, против того места, где разбился корабль, тело утонувшего юнги. Я глядел на него с искренней печалью. У него было такое милое, простодушное молодое лицо! Быть может, если бы он

был жив, я полюбил бы его и жизнь моя стала бы гораздо счастливее.

Но не следует сокрушаться о том, чего все равно не воротишь. Я долго бродил по прибрежью, потом снова подошел к утопленнику. На нем были короткие холщовые штаны, синяя холщовая рубаха и матросская куртка. Ни по каким признакам нельзя было определить, какова его национальность: в карманах у него я не нашел ничего, кроме двух золотых монет да трубки.

Буря утихла, и мне очень хотелось взять лодку и добраться в ней до корабля. Я не сомневался, что найду там немало полезных вещей, которые могут мне пригодиться. Но не только это прельщало меня: больше всего меня волновала надежда, что, может быть, на корабле осталось какое-нибудь живое существо, которое я могу спасти от смерти.

"И если я спасу его, - говорил я себе, - моя жизнь станет гораздо светлее и радостнее".

Эта мысль овладела всем моим сердцем: я чувствовал, что ни днем ни ночью не буду знать покоя, пока не побываю на разбившемся судне. И я сказал себе:

"Будь что будет, а я попробую добраться туда. Чего бы это мне ни стоило, я должен отправиться в море, если не хочу, чтобы меня замучила совесть".

С этим решением я поспешил вернуться к себе в крепость и стал готовиться к трудной и опасной поездке.

Я взял хлеба, большой кувшин пресной воды, бутылку рома, корзину с изюмом и компас. Взвалив себе на плечи всю эту драгоценную кладь, я отправился к тому берегу, где стояла моя лодка. Вычерпав из нее воду, я сложил в нее вещи и вернулся за новым грузом. На этот раз я захватил с собой большой мешок риса, второй кувшин пресной воды, десятка два небольших

ячменных лепешек, бутылку козьего молока, кусок сыру и зонтик.

Все это я с великим трудом перетащил в лодку и отчалил. Сперва я пошел на веслах и держался возможно ближе к берегу. Когда я достиг северо-восточной оконечности острова и нужно было поднять парус, чтобы пуститься в открытое море, я остановился в нерешительности.

"Идти или нет?.. Рисковать или нет?" - спрашивал я себя.

Я взглянул на быструю струю морского течения, огибавшего остров, вспомнил, какой страшной опасности я подвергался во время своей первой поездки, и понемногу решимость моя ослабела. Тут сталкивались оба течения, и я видел, что, в какое бы течение я ни попал, любое из них унесет меня далеко в открытое море.

"Ведь лодка моя так мала, - говорил я себе, - что, стоит подняться свежему ветру, ее сейчас же захлестнет волной, и тогда гибель моя неизбежна".

Под влиянием этих мыслей я совсем оробел и уже готов был отказаться от своего предприятия. Я вошел в небольшую бухточку, причалил к берегу, сел на пригорок и глубоко задумался, не зная, что делать.

Но вскоре начался прилив, и я увидел, что дело обстоит совсем не так плохо: оказалось, что течение отлива идет от южной стороны острова, а течение прилива - от северной, так что если я, возвращаясь с разбитого судна, буду держать курс к северному берегу острова, то останусь цел и невредим.

Значит, бояться было нечего. Я снова воспрянул духом и решил завтра чуть свет выйти в море.

Наступила ночь. Я переночевал в лодке, укрывшись матросским бушлатом, а наутро пустился в путь.

Сначала я взял курс в открытое море, прямо на север, пока не попал в струю течения, направлявшегося

на восток. Меня понесло очень быстро, и менее чем через два часа я добрался до корабля.

Мрачное зрелище предстало перед моими глазами: корабль (очевидно, испанский) застрял носом между двумя утесами. Корма была снесена; уцелела только носовая часть. И грот-мачта и фок-мачта были срублены.

Когда я подошел к борту, на палубе показалась собака. Увидев меня, она принялась выть и визжать, а когда я позвал ее, спрыгнула в воду и подплыла ко мне. Я взял ее в лодку. Она умирала от голода и жажды. Я дал ей кусок хлеба, и она набросилась на него, как изголодавшийся в снежную зиму волк. Когда собака насытилась, я дал ей немного воды, и она стала так жадно лакать, что, наверное, лопнула бы, если бы дать ей волю.

Затем я взошел на корабль. Первое, что я увидел, были два трупа; они лежали в рубке, крепко сцепившись руками. По всей вероятности, когда корабль наскочил на утес, его все время обдавало громадными волнами, так как была сильная буря, и эти два человека, боясь, чтобы их не смыло за борт, ухватились друг за Друга, да так и захлебнулись. Волны были такие высокие и так часто перехлестывали через палубу, что корабль, в сущности, все время находился под водой, и те, кого не смыла волна, захлебнулись в каютах и в кубрике.

Кроме собаки, на корабле не осталось ни одного живого существа.

Большую часть вещей, очевидно, тоже унесло в море, а те, что остались, подмокли. Правда, стояли в трюме какие-то бочки с вином или с водкой, но они были так велики, что я не пытался их сдвинуть.

Было там еще несколько сундуков, которые, должно быть, принадлежали матросам; два сундука я отнес в лодку, даже не попытавшись открыть их. Если бы

вместо носовой части уцелела корма, мне, наверное, досталось бы много добра, потому что даже в этих двух сундуках я впоследствии обнаружил коекакие ценные вещи. Корабль, очевидно, был очень богатый.

Кроме сундуков, я нашел на корабле бочонок с каким-то спиртным напитком. В бочонке было не меньше двадцати галлонов, и мне стоило большого труда перетащить его в лодку. В каюте я нашел несколько ружей и большую пороховницу, а в ней фунта четыре пороху. Ружья я оставил, так как они были мне не нужны, а порох взял. Взял я также лопаточку и щипцы для угля, в которых чрезвычайно нуждался. Взял два медных котелка и медный кофейник.

Со всем этим грузом и с собакой я отчалил от корабля, так как уже начинался прилив. В тот же день, к часу ночи, я вернулся на остров, измученный и усталый до крайности.

Я решил перенести свою добычу не в пещеру, а в новый грот, так как туда было ближе. Ночь я опять провел в лодке, а наутро, подкрепившись едой, выгрузил на берег привезенные вещи и произвел им подробный осмотр. В бочонке оказался ром, но, признаться, довольно плохой, гораздо хуже того, который мы пили в Бразилии.

Зато, когда я открыл сундуки, я нашел в них много полезных и ценных вещей.

В одном из них был, например, погребец * очень изящной и причудливой формы. В погребце было много бутылок с красивыми серебряными пробками; в каждой бутылке - не меньше трех пинт великолепного, душистого ликера. Там же я нашел четыре банки с отличными засахаренными фруктами; к сожалению, две из них были испорчены соленой морской водой, но две оказались так плотно закупорены, что в них не проникло ни капли воды. В сундуке я нашел несколько совсем еще крепких рубах, и эта находка меня очень

обрадовала; затем полторы дюжины цветных шейных платков и столько же белых полотняных носовых платков, которые доставили мне большую радость, так как очень приятно в жаркие дни утирать вспотевшее лицо тонким полотняным платком.

На дне сундука я нашел три мешочка с деньгами и несколько небольших слитков золота, весом, я думаю, около фунта.

В другом сундуке были куртки, штаны и камзолы, довольно поношенные, из дешевой материи.

Признаться, когда я собирался на этот корабль, я думал, что найду в нем гораздо больше полезных и ценных вещей. Правда, я разбогател на довольно крупную сумму, но ведь деньги были для меня ненужным мусором! Я охотно отдал бы все деньги за тричетыре пары самых обыкновенных башмаков и чулок, которых не носил уже несколько лет.

Сложив добычу в надежном месте и оставив там мою лодку, я пошел в обратный путь пешком. Была уже ночь, когда я вернулся домой. Дома все было в полном порядке: спокойно, уютно и тихо. Попугай приветствовал меня ласковым словом, и козлята с такой радостью подбежали ко мне, что я не мог не погладить их и не дать им свежих колосьев.

Прежние мои страхи с этого времени как будто рассеялись, и я зажил по-старому, без всяких тревог, возделывая поля и ухаживая за своими животными, к которым я привязался еще сильнее, чем прежде.

Так я прожил еще почти два года, в полном довольстве, не зная лишений. Но все эти два года я думал только о том, как бы мне покинуть мой остров. С той минуты, как я увидел корабль, который сулил мне свободу, мне стало еще более ненавистно мое одиночество. Дни и ночи проводил я в мечтах о побеге из этой тюрьмы. Будь в моем распоряжении баркас, хотя бы вроде того, на котором я бежал от мавров, я без

раздумья пустился бы в море, даже не заботясь о том, куда занесет меня ветер.

Наконец я пришел к убеждению, что мне удастся вырваться на волю лишь в том случае, если я захвачу кого-нибудь из дикарей, посещавших мой остров. Лучше всего было бы захватить одного из тех несчастных, которых эти людоеды привозили сюда, чтобы растерзать и съесть. Я спасу ему жизнь, и он поможет мне вырваться на свободу. Но план этот очень опасен и труден: ведь для того чтобы захватить нужного мне дикаря, я должен буду напасть на толпу людоедов и перебить всех до единого, а это мне едва ли удастся. Кроме того, моя душа содрогалась при мысли, что мне придется пролить столько человеческой крови хотя бы и ради собственного спасения.

Долго во мне шла борьба, но наконец пламенная жажда свободы одержала верх над всеми доводами рассудка и совести. Я решил, чего бы это ни стоило, захватить одного из дикарей в первый же раз, как они приедут на мой остров.

И вот я стал чуть не ежедневно пробираться из своей крепости к тому далекому берегу, к которому всего вероятнее могли пристать пироги дикарей. Я хотел напасть на этих людоедов врасплох. Но прошло полтора года даже больше! - а дикари не показывались. В конце концов нетерпение мое стало так велико, что я забыл о всякой осторожности и вообразил почему-то, что, доведись мне повстречаться с дикарями, я легко справился бы не то что с одним, но с двумя или даже с тремя!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Робинзон спасает дикаря и дает ему имя Пятница

Представьте же себе мое изумление, когда, выйдя однажды из крепости, я увидел внизу, у самого берега (то есть не там, где я ожидал их увидеть), пять или шесть индейских пирог. Пироги стояли пустые. Людей

не было видно. Должно быть, они вышли на берег и куда-то скрылись.

Так как я знал, что в каждую пирогу обыкновенно садится по шесть человек, а то и больше, признаюсь, я сильно растерялся. Я никак не ожидал, что мне придется сражаться с таким большим количеством врагов.

"Их не меньше двадцати человек, а пожалуй, наберется и тридцать. Где же мне одному одолеть их!" - с беспокойством подумал я.

Я был в нерешительности и не знал, что мне делать, но все же засел в своей крепости и приготовился к бою.

Кругом было тихо. Я долго прислушивался, не донесутся ли с той стороны крики или песни дикарей. Наконец мне наскучило ждать. Я оставил свои ружья под лестницей и взобрался на вершину холма.

Высовывать голову было опасно. Я спрятался за этой вершиной и стал смотреть в подзорную трубу. Дикари теперь вернулись к своим лодкам. Их было не менее тридцати человек. Они развели на берегу костер и, очевидно, готовили на огне какую-то пищу. Что они готовят, я не мог рассмотреть, видел только, что они пляшут вокруг костра с неистовыми прыжками и жестами, как обычно пляшут дикари.

Продолжая глядеть на них в подзорную трубу, я увидел, что они подбежали к лодкам, вытащили оттуда двух человек и поволокли к костру. Видимо, они намеревались убить их.

До этой минуты несчастные, должно быть, лежали в лодках, связанные по рукам и ногам. Одного из них мгновенно сбили с ног. Вероятно, его ударили по голове дубиной или деревянным мечом, этим обычным оружием дикарей; сейчас же на него накинулись еще двое или трое и принялись за работу: распороли ему живот и стали его потрошить.

Другой пленник стоял возле, ожидая той же участи.

Занявшись первой жертвой, его мучители забыли о нем. Пленник почувствовал себя на свободе, и у него, как видно, явилась надежда на спасение: он вдруг рванулся вперед и с невероятной быстротой пустился бежать.

Он бежал по песчаному берегу в ту сторону, где было мое жилье.

Признаюсь, я страшно испугался, когда заметил, что он бежит прямо ко мне. Да и как было не испугаться: мне в первую минуту показалось, что догонять его бросилась вся ватага. Однако я остался на посту и вскоре увидел, что за беглецом гонятся только два или три человека, а остальные, пробежав небольшое пространство, понемногу отстали и теперь идут назад к костру. Это вернуло мне бодрость. Но окончательно я успокоился, когда увидел, что беглец далеко опередил своих врагов: было ясно, что, если ему удастся пробежать с такой быстротой еще полчаса, они ни в коем случае не поймают его.

От моей крепости бежавшие были отделены узкой бухтой, о которой я упоминал не раз, - той самой, куда я причаливал со своими плотами, когда перевозил вещи с нашего корабля.

"Что-то будет делать этот бедняга, - подумал я, - когда добежит до бухты? Он должен будет переплыть ее, иначе ему не уйти от погони".

Но я напрасно тревожился за него: беглец не задумываясь кинулся в воду, быстро переплыл бухту, вылез на другой берег и, не убавляя шагу, побежал дальше.

Из трех его преследователей только двое бросились в воду, а третий не решился: видимо, он не умел плавать; он постоял на том берегу, поглядел вслед двум другим, потом повернулся и не спеша пошел назад.

Я с радостью заметил, что два дикаря, гнавшиеся за беглецом, плыли вдвое медленнее его.

И тут-то я понял, что пришла пора действовать. Сердце во мне загорелось.

"Теперь или никогда! - сказал я себе и помчался вперед. - Спасти, спасти этого несчастного какой угодно ценой!"

Не теряя времени, я сбежал по лестнице к подножию горы, схватил оставленные там ружья, затем с такой же быстротой взобрался опять на гору, спустился с другой стороны и побежал наискосок прямо к морю, чтобы остановить дикарей.

Так как я бежал вниз по склону холма самой короткой дорогой, то скоро очутился между беглецом и его преследователями. Он продолжал бежать не оглядываясь и не заметил меня.

Я крикнул ему:

- Стой!

Он оглянулся и, кажется, в первую минуту испугался меня еще больше, чем своих преследователей.

Я сделал ему знак рукой, чтобы он приблизился ко мне, а сам пошел медленным шагом навстречу двум бежавшим дикарям. Когда передний поравнялся со мной, я неожиданно бросился на него и прикладом ружья сшиб его с ног. Стрелять я боялся, чтобы не всполошить остальных дикарей, хотя они были далеко и едва ли могли услышать мой выстрел, а если бы и услышали, то все равно не догадались бы, что это такое.

Когда один из бежавших упал, другой остановился, видимо испугавшись. Я между тем продолжал спокойно приближаться. По, когда, подойдя ближе, я заметил, что в руках у него лук и стрела и что он целится в меня, мне поневоле пришлось выстрелить. Я прицелился, спустил курок и уложил его на месте.

Несчастный беглец, несмотря на то что я убил обоих его врагов (по крайней мере, так ему должно было

казаться), был до того напуган огнем и грохотом выстрела, что потерял способность двигаться; он стоял, как пригвожденный к месту, не зная, на что решиться: бежать или остаться со мной, хотя, вероятно, предпочел бы убежать, если бы мог.

Я опять стал кричать ему и делать знаки, чтобы он подошел ближе. Он понял: ступил шага два и остановился, потом сделал еще несколько шагов и снова стал как вкопанный.

Тут я заметил, что он весь дрожит; несчастный, вероятно, боялся, что, если он попадется мне в руки, я сейчас же убью его, как и тех дикарей.

Я опять сделал ему знак, чтобы он приблизился ко мне, и вообще старался всячески ободрить его.

Он подходил ко мне все ближе и ближе. Через каждые десять-двенадцать шагов он падал на колени. Очевидно, он хотел выразить мне благодарность за то, что я спас ему жизнь.

Я ласково улыбался ему и с самым приветливым видом продолжал манить его рукой.

Наконец дикарь подошел совсем близко. Он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лбом и, приподняв мою ногу, поставил ее себе на голову.

Это должно было, по-видимому, означать, что он клянется быть моим рабом до последнего дня своей жизни.

Я поднял его и с той же ласковой, дружелюбной улыбкой старался показать, что ему нечего бояться меня.

Но нужно было действовать дальше. Вдруг я заметил, что тот дикарь, которого я ударил прикладом, не убит, а только оглушен. Он зашевелился и стал приходить в себя.

Я указал на него беглецу:

- Враг твой еще жив, посмотри!

В ответ он произнес несколько слов, и хотя я ничего не понял, но самые звуки его речи показались мне приятны и сладостны: ведь за все двадцать пять лет моей жизни на острове я в первый раз услыхал человеческий голос!

Впрочем, у меня не было времени предаваться таким размышлениям: оглушенный мною людоед оправился настолько, что уже сидел на земле, и я заметил, что мой дикарь снова начинает бояться его. Нужно было успокоить несчастного. Я прицелился было в его врага, но тут мой дикарь стал показывать мне знаками, чтобы я дал ему висевшую у меня за поясом обнаженную саблю. Я протянул ему саблю. Он мгновенно схватил ее, бросился к своему врагу и одним взмахом снес ему голову.

Такое искусство очень удивило меня: ведь никогда в жизни этот дикарь не видел другого оружия, кроме деревянных мечей. Впоследствии я узнал, что здешние дикари выбирают для своих мечей столь крепкое дерево и оттачивают их так хорошо, что таким деревянным мечом можно отсечь голову не хуже, чем стальным.

После этой кровавой расправы со своим преследователем мой дикарь (отныне я буду называть его моим дикарем) с веселым смехом вернулся ко мне, держа в одной руке мою саблю, а в другой - голову убитого, и, исполнив предо мною ряд какихто непонятных движений, торжественно положил голову и оружие на землю подле меня.

Он видел, как я застрелил одного из его врагов, и это поразило его: он не мог понять, как можно убить человека на таком большом расстоянии.

Он указывал на убитого и знаками просил позволения сбегать взглянуть на него. Я, тоже при помощи знаков, постарался дать понять, что не

запрещаю ему исполнить это желание, и он сейчас же побежал туда.

Приблизившись к трупу, он остолбенел и долго с изумлением смотрел на него. Потом наклонился над ним и стал поворачивать его то на один бок, то на другой. Увидев ранку, он внимательно вгляделся в нее. Пуля попала дикарю прямо в сердце, и крови вышло немного. Произошло внутреннее кровоизлияние, смерть наступила мгновенно.

Сняв с мертвеца его лук и колчан со стрелами, мой дикарь подбежал ко мне вновь.

Я тотчас же повернулся и пошел прочь, приглашая его следовать за мной. Я попытался объяснить ему знаками, что оставаться здесь невозможно, так как те дикари, что находятся сейчас на берегу, могут каждую минуту пуститься за ним в погоню.

Он ответил мне тоже знаками, что следовало бы прежде зарыть мертвецов в песок, чтобы враги не увидели их, если прибегут на это место. Я выразил свое согласие (тоже при помощи знаков), и он сейчас же принялся за работу. С удивительной быстротой он выкопал руками в песке настолько глубокую яму, что в ней легко мог поместиться человек. Затем он перетащил в эту яму одного из убитых и засыпал его песком; с другим он поступил точно так же, - словом, в какие-нибудь четверть часа он похоронил их обоих.

После этого я приказал ему следовать за мной, и мы пустились в путь. Шли мы долго, так как я провел его не в крепость, а совсем в другую сторону - в самую дальнюю часть острова, к моему новому гроту.

В гроте я дал ему хлеба, ветку изюма и немного воды. Воде он был особенно рад, так как после быстрого бега испытывал сильную жажду.

Когда он подкрепил свои силы, я указал ему угол пещеры, где у меня лежала охапка рисовой соломы,

покрытая одеялом, и знаками дал ему понять, что он может расположиться здесь на ночлег.

Бедняга лег и мгновенно уснул.

Я воспользовался случаем, чтобы получше рассмотреть его наружность.

Это был миловидный молодой человек, высокого роста, отлично сложенный, руки и ноги были мускулистые, сильные и в то же время чрезвычайно изящные; на вид ему было лет двадцать шесть, В лице его я не заметил ничего угрюмого или свирепого; это было мужественное и в то же время нежное и приятное лицо, и нередко на нем появлялось выражение кротости, особенно когда он улыбался. Волосы у него были черные и длинные; они падали на лицо прямыми прядями. Лоб высокий, открытый; цвет кожи темно-коричневый, очень приятный для глаз. Лицо круглое, щеки полные, нос небольшой. Рот красивый, губы тонкие, зубы ровные, белые, как слоновая кость.

Спал он не больше получаса, вернее, не спал, а дремал, потом вскочил на ноги и вышел из пещеры ко мне.

Я тут же, в загоне, доил своих коз. Как только он увидел меня, он подбежал ко мне и снова упал предо мною на землю, выражая всевозможными знаками самую смиренную благодарность и преданность. Припав лицом к земле, он опять поставил себе на голову мою ногу и вообще всеми доступными ему способами старался доказать мне свою безграничную покорность и дать мне понять, что с этого дня он будет служить мне всю жизнь.

Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и постарался внушить ему, что я им совершенно доволен.

С того же дня я начал учить его необходимым словам. Прежде всего я сообщил ему, что буду называть его Пятницей (я выбрал для него это имя в память дня, когда спас ему жизнь). Затем я научил его произносить

мое имя, научил также выговаривать "да" и "нет" и растолковал значение этих слов.

Я принес ему молока в глиняном кувшине и показал, как обмакивать в него хлеб. Он сразу научился всему этому и стал знаками показывать мне, что мое угощение пришлось ему по вкусу.

Мы переночевали в гроте, но, как только наступило утро, я приказал Пятнице идти за мной и повел его в свою крепость. Я объяснил, что хочу подарить ему кое-какую одежду. Он, по-видимому, очень обрадовался, так как был совершенно голый.

Когда мы проходили мимо того места, где были похоронены оба убитых накануне дикаря, он указал мне на их могилы и всячески старался мне втолковать, что нам следует откопать оба трупа, для того чтобы тотчас же съесть их.

Тут я сделал вид, что ужасно рассердился, что мне противно даже слышать о подобных вещах, что у меня начинается рвота при одной мысли об этом, что я буду презирать и ненавидеть его, если он прикоснется к убитым. Наконец я сделал рукою решительный жест, приказывающий ему отойти от могил; он тотчас же отошел с величайшей покорностью.

После этого мы с ним поднялись на холм, так как мне хотелось взглянуть, тут ли еще дикари.

Я достал подзорную трубу и навел ее на то место, где видел их накануне. Но их и след простыл: на берегу не было ни одной лодки. Я не сомневался, что дикари уехали, даже не потрудившись поискать двух своих товарищей, которые остались на острове.

Этому я был, конечно, рад, но мне хотелось собрать более точные сведения о моих незваных гостях. Ведь теперь я уже был не один, со мною был Пятница, и от этого я сделался гораздо храбрее, а вместе с храбростью во мне проснулось любопытство.

У одного из убитых остались лук и колчан со стрелами. Я позволил Пятнице взять это оружие и с той поры он не расставался с ним ни ночью ни днем. Вскоре мне пришлось убедиться, что луком и стрелами мой дикарь владеет мастерски. Кроме того, я вооружил его саблей, дал ему одно из моих ружей, а сам взял два других, и мы тронулись в путь.

Когда мы пришли на то место, где вчера пировали людоеды, нашим глазам предстало такое ужасное зрелище, что у меня замерло сердце и кровь застыла в жилах.

Но Пятница остался совершенно спокоен: подобные зрелища были ему не в диковинку.

Земля во многих местах была залита кровью. Кругом валялись большие куски жареного человечьего мяса. Весь берег был усеян костями людей: три черепа, пять рук, кости от трех или четырех ног и множество других частей скелета.

Пятница рассказал мне при помощи знаков, что дикари привезли с собой четырех пленников: троих они съели, а он был четвертым. (Тут он ткнул себя пальцем в грудь.)

Конечно, я понял далеко не все из того, что он рассказывал мне, но кое-что мне удалось уловить. По его словам, несколько дней назад у дикарей, подвластных одному враждебному князьку, произошло очень большое сражение с тем племенем, к которому принадлежал он, Пятница. Чужие дикари победили и взяли в плен очень много народу. Победители поделили пленных между собой и повезли их в разные места, чтобы убить и съесть, совершенно так же, как поступил тот отряд дикарей, который выбрал местом для пира один из берегов моего острова.

Я приказал Пятнице разложить большой костер, затем собрать все кости, все куски мяса, свалить их в этот костер и сжечь.

Я заметил, что ему очень хочется полакомиться человечьим мясом (да оно и неудивительно: ведь он тоже был людоед!). Но я снова показал ему всевозможными знаками, что мне кажется отвратительно мерзкой самая мысль о подобном поступке, и тут же пригрозил ему, что убью его при малейшей попытке нарушить мое запрещение.

После этого мы вернулись в крепость, и я, не откладывая, принялся обшивать моего дикаря.

Прежде всего я надел на него штаны. В одном из сундуков, взятых мною с погибшего корабля, нашлась готовая пара холщовых штанов; их пришлось только слегка переделать. Затем я сшил ему куртку из козьего меха, приложив все свое умение, чтобы куртка вышла получше (я был в то время уже довольно искусным портным), и смастерил для него шапку из заячьих шкурок, очень удобную и довольно красивую.

Таким образом, он на первое время был одет с головы до ног и остался, по-видимому, очень доволен тем, что его одежда не хуже моей.

Правда, с непривычки ему было неловко в одежде, так как он всю жизнь ходил голым; особенно мешали ему штаны. Жаловался он и на куртку: говорил, что рукава давят под мышками и натирают ему плечи. Пришлось кое-что переделать, но мало-помалу он обтерпелся и привык.

На другой день я стал думать, где бы мне его поместить.

Мне хотелось устроить его поудобнее, но я был еще не совсем уверен в нем и боялся поселить его у себя. Я поставил ему маленькую палатку в свободном пространстве между двумя стенами моей крепости, так что он очутился за оградой того двора, где стояло мое жилье.

Но эти предосторожности оказались совершенно излишними. Вскоре Пятница доказал мне на деле, как

самоотверженно он любит меня. Я не мог не признать его другом и перестал остерегаться его.

Никогда ни один человек не имел такого любящего, такого верного и преданного друга. Ни раздражительности, ни лукавства не проявлял он по отношению ко мне; всегда услужливый и приветливый, он был привязан ко мне, как ребенок к родному отцу. Я убежден, что, если бы понадобилось, он с радостью пожертвовал бы для меня своей жизнью.

Я был очень счастлив, что у меня наконец-то появился товарищ, и дал себе слово научить его всему, что могло принести ему пользу, а раньше всего научить его говорить на языке моей родины, чтобы мы с ним могли понимать друг друга. Пятница оказался таким способным учеником, что лучшего нельзя было и желать.

Но самое ценное было в нем то, что он учился так прилежно, с такой радостной готовностью слушал меня, так был счастлив, когда понимал, чего я от него добиваюсь, что для меня оказалось большим удовольствием давать ему уроки и беседовать с ним.

С тех пор как Пятница был со мной, жизнь моя стала приятной и легкой. Если бы я мог считать себя в безопасности от других дикарей, я, право, кажется, без сожаления согласился бы остаться на острове до конца моих дней.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Робинзон беседует с Пятницей и поучает его

Дня через два или три после того как Пятница поселился в моей крепости, мне пришло в голову, что, если я хочу, чтобы он не ел человечьего мяса, я должен приучить его к мясу животных.

"Пусть он попробует мясо козы", - сказал я себе и решил взять его с собой на охоту.

Рано утром мы пошли с ним в лес и, отойдя дветри мили от дому, увидели под деревом дикую козу с двумя

козлятами.

Я схватил Пятницу за руку и сделал ему знак, чтобы он не шелохнулся. Потом на большом расстоянии я прицелился, выстрелил и убил одного из козлят.

Бедный дикарь, не понимая, как можно убить живое существо, не приближаясь к нему (хоть он и видел раньше, как я убил его врага), был совершенно ошеломлен. Он задрожал, зашатался, и мне даже показалось, что он сейчас упадет.

Он не заметил убитого мною козленка и, вообразив, что я хотел убить его, Пятницу, принялся ощупывать себя, не идет ли где кровь. Потом он приподнял даже полу своей куртки, чтобы посмотреть, не ранен ли он, и, убедившись, что остался цел и невредим, упал передо мной на колени, обнял мои ноги и долго толковал мне о чем-то на своем языке.

Речи его были непонятны, но легко можно было догадаться, что он просит меня не убивать его.

Желая внушить ему, что я не имею намерения причинять ему зло, я взял его за руку, засмеялся и, указав на убитого козленка, велел ему сбегать за ним. Пятница исполнил мое приказание. Покуда он разглядывал козленка, пытаясь дознаться, почему же тот оказался убитым, я снова зарядил ружье.

Вскоре после этого я увидел на дереве, на расстоянии ружейного выстрела от меня, крупную птицу, похожую на нашего ястреба. Желая объяснить Пятнице, что такое стрельба из ружья, я подозвал моего дикаря к себе, показал ему пальцем сперва на птицу, потом на ружье, потом на землю под тем деревом, на котором сидела птица, как бы говоря: "Вот смотри: сейчас я сделаю так, что она упадет", и вслед за тем выстрелил. Птица упала и оказалась не ястребом, а большим попугаем. Пятница и на этот раз оцепенел от испуга, несмотря на все мои объяснения.

Тут только я догадался, что особенно поражало его, когда я стрелял из ружья: он до сих пор еще ни разу не видел, как я заряжаю ружье, и, вероятно, думал, что в этой железной палке сидит какая-то злая волшебная сила, приносящая смерть на любом расстоянии человеку, зверю, птице, вообще всякому живому существу, где бы оно ни находилось, вблизи или вдали.

Впоследствии еще долгое время не мог победить в себе изумления, в которое повергал его каждый мой выстрел.

Мне кажется, если б я только позволил ему, он стал бы поклоняться мне и моему ружью как богам.

Первое время он не решался дотронуться до ружья, но зато разговаривал с ним, как с живым существом, когда думал, что я не слышу. При этом ему чудилось, что ружье отвечает ему. Впоследствии он признался, что умолял ружье, чтобы оно пощадило его.

Когда Пятница чуть-чуть пришел в себя, я предложил ему принести мне убитую дичь. Он сейчас же побежал за нею, но вернулся не сразу, так как ему пришлось долго отыскивать птицу: оказалось, я не убил ее, а только ранил, и она отлетела довольно далеко. В конце концов он нашел ее и принес; я же воспользовался его отсутствием, чтобы снова зарядить ружье. Я считал, что до поры до времени будет лучше не открывать ему, как это делается.

Я надеялся, что нам попадется еще какая-нибудь дичь, но больше ничего не попадалось, и мы вернулись домой.

В тот же вечер я снял шкуру с убитого козленка и тщательно выпотрошил его; потом развел костер и, отрезав кусок козлятины, сварил его в глиняном горшке. Получился очень хороший мясной суп. Отведав этого супу, я предложил его Пятнице. Вареная пища ему очень понравилась, только он удивился, зачем я ее посолил. Он стал показывать мне знаками, что, по его

мнению, соль - тошнотворная, противная еда. Взяв в рот щепотку соли, он принялся сплевывать и сделал вид, будто у него начинается рвота, а потом прополоскал рот водой.

Чтобы возразить ему, я, со своей стороны, положил в рот кусочек мяса без соли и начал плевать, показывая, что мне противно есть без соли.

Но Пятница упрямо стоял на своем. Мне так и не удалось приучить его к соли. Лишь долгое время спустя он начал приправлять ею свои кушанья, да и то в очень малом количестве.

Накормив моего дикаря вареной козлятиной и бульоном, я решил угостить его на другой день той же козлятиной в виде жаркого. Изжарил я ее над костром, как это нередко делается у нас в Англии. По бокам костра втыкают в землю две жерди, сверху укрепляют между ними поперечную жердь, вешают на нее кусок мяса и поворачивают его над огнем до тех пор, пока не изжарится.

Все это сооружение Пятнице очень понравилось. Когда же он отведал жаркого, восторгу его не было границ. Самыми красноречивыми жестами он дал мне понять, как полюбилась ему эта еда, и наконец заявил, что никогда больше не станет есть человечьего мяса, чему я, конечно, чрезвычайно обрадовался.

На следующий день я поручил ему молоть и веять зерно, предварительно показав, как это делается. Он быстро понял, в чем дело, и стал очень энергично работать, особенно когда узнал, ради чего производится такая работа. А узнал он это в тот же день, потому что я накормил его хлебом, испеченным из нашей муки.

В скором времени Пятница научился работать не хуже меня.

Так как теперь я должен был прокормить двух человек, следовало подумать о будущем. Прежде всего

необходимо было увеличить пашню и сеять больше зерна. Я выбрал большой участок земли и принялся огораживать его. Пятница не только старательно, но очень весело и с явным удовольствием помогал мне в работе.

Я объяснил ему, что это будет новое поле для хлебных колосьев, потому что нас теперь двое и нужно будет запастись хлебом не только для меня, но и для него. Его очень тронуло, что я так забочусь о нем: он всячески старался мне объяснить при помощи знаков, что он понимает, как много мне прибавилось дела теперь, и просит, чтобы я скорее научил его всякой полезной работе, а уж он будет стараться изо всех сил.

То был самый счастливый год моей жизни на острове.

Пятница научился довольно хорошо говорить поанглийски: он узнал названия почти всех предметов, окружавших его, и тех мест, куда я мог посылать его, благодаря чему весьма толково исполнял все мои поручения.

Он был общителен, любил поболтать, и я мог теперь с избытком вознаградить себя за долгие годы вынужденного молчания.

Но Пятница нравился мне не только потому, что у меня была возможность разговаривать с ним. С каждым днем я все больше ценил его честность, его сердечную простоту, его искренность. Мало-помалу я привязался к нему, да и он, со своей стороны, так полюбил меня, как, должно быть, не любил до сих пор никого.

Однажды мне вздумалось расспросить его о прошлой жизни; я хотел узнать, не тоскует ли он по родине и не хочет ли вернуться домой. В то время я уже так хорошо научил его говорить по-английски, что он мог отвечать чуть не на каждый мой вопрос.

И вот я спросил его о родном его племени:

- А что, Пятница, храброе это племя? Случалось ли когда-нибудь, чтоб оно побеждало врагов?

Он улыбнулся и ответил:

- О да, мы очень храбрые, мы всегда побеждаем в бою.

- Вы всегда побеждаете в бою, говоришь ты? Как же это вышло, что тебя взяли в плен?

- А наши все-таки побили тех, много побили.

- Как же ты тогда говорил, что те побили вас? Ведь взяли же они в плен тебя и других?

- В том месте, где я дрался, неприятелей было много больше. Они схватили нас - один, два, три и меня. А наши побили их в другом месте, где меня не было. В том месте наши схватили их - один, два, три, много, большую тысячу.

- Отчего же ваши не пришли вам на помощь?

- Враги схватили один, два, три и меня и увезли нас в лодке, а у наших в то время не было лодки.

- А скажи-ка мне, Пятница, что делают ваши с темп, кто попадется к ним в плен? Тоже увозят их в какое-нибудь отдаленное место и там съедают их, как те людоеды, которых я видел?

- Да, наши тоже едят человека... все едят.

- А куда они увозят их, когда собираются съесть?

- Разные места, куда вздумают.

- А сюда они приезжают?

- Да, да, и сюда приезжают. И в другие разные места.

- А ты здесь бывал с ними?

- Да. Был. Там был...

И он указал на северо-западную оконечность острова, где, очевидно, всегда собирались его соплеменники.

Таким образом, оказалось, что мой друг и приятель Пятница был в числе дикарей, посещавших дальние

берега острова, и не раз уже ел людей в тех же местах, где потом хотели съесть его самого.

Когда некоторое время спустя я собрался с духом и повел его на берег (туда, где я впервые увидел груды человеческих костей), Пятница тотчас же узнал эти места. Он рассказал мне, что один раз, когда он приезжал на мой остров со своими соплеменниками, они убили и съели здесь двадцать мужчин, двух женщин и одного ребенка. Он не знал, как сказать по-английски "двадцать", и, чтобы объяснить мне, сколько человек они съели, положил двадцать камешков один подле другого.

Продолжая беседовать с Пятницей, я спросил у него, далеко ли от моего острова до той земли, где живут дикари, и часто ли погибают их лодки, переплывая это расстояние. Оказалось, плавание здесь вполне безопасное: он, Пятница, не знает ни одного случая, чтобы кто-нибудь здесь тонул, но неподалеку от нашего острова проходит морское течение: по утрам оно направляется в одну сторону и всегда при попутном ветре, а к вечеру и ветер и течение поворачивают в противоположную сторону.

Вначале мне пришло в голову, что это течение зависит от прилива и отлива, и лишь значительно позже я обнаружил, что оно составляет продолжение могучей реки Ориноко, впадающей в море неподалеку от моего острова, который, таким образом, находится прямо против дельты этой реки. Полоса же земли на западе и на северо-западе, которую я принимал за материк, оказалась большим островом Тринидадом, лежащим против северной части устья той же реки.

Я задавал Пятнице тысячу всяких вопросов об этой земле и ее обитателях: спрашивал, опасны ли тамошние берега, бурно ли там море, очень ли свирепы там люди и какие народы живут по соседству. Он охотно отвечал

мне на каждый вопрос и без всякой утайки сообщил все, что ему было известно.

Спрашивал я также, как называются различные племена дикарей, живущих в тех местах, но он твердил только одно: "Карибэ, карибэ". Конечно, я без труда догадался, что он говорит о карибах, которые, судя по нашим географическим картам, обитают именно в этой части Америки, занимая всю береговую полосу от устья реки Ориноко до Гвианы и до города Санта-Марта.

Кроме того, он рассказал мне, что далеко "за луной", то есть в той стороне, где садится луна, или, другими словами, к западу от его родины, живут такие же, как я, белые бородатые люди (тут он показал на мои длинные усы). По его словам, эти люди "убили много, много человеков".

Я понял, что он говорит об испанских завоевателях, которые прославились в Америке своей жестокостью ".

Я спросил его, не знает ли он, есть ли у меня какаянибудь возможность переправиться через море к белым людям.

Он отвечал:

- Да, да, это можно: надо плыть на двух лодках.

Я долго не понимал, что он хочет сказать, но наконец с великим трудом догадался, что на его языке это означает большую шлюпку, по крайней мере вдвое больше обыкновенной пироги.

Слова Пятницы доставили мне великую радость: с этого дня у меня явилась надежда, что рано или поздно я вырвусь отсюда и что своей свободой я буду обязан моему дикарю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Робинзон и Пятница строят лодку

Прошло еще несколько месяцев.

К этому времени Пятница научился понимать почти все, что я говорил ему. Сам он изъяснялся по-английски довольно бойко, хотя очень неправильно. Мало-помалу

я рассказал ему всю свою жизнь: как я попал на мой остров, сколько лет прожил на нем и как провел эти годы.

Еще раньше я открыл Пятнице тайну стрельбы из ружья (потому что для него это была действительно тайна): я показал ему пули, объяснил действие пороха и научил его стрелять. Я отдал в полное его распоряжение одно из своих ружей. Я подарил ему нож и этим подарком буквально осчастливил его. Я смастерил для него портупею, вроде тех, на каких у нас в Англии носят кортики; только вместо кортика я дал ему топор, который был, в сущности, таким же хорошим оружием и, кроме того, мог пригодиться для всяких хозяйственных надобностей.

Я много рассказывал Пятнице о европейских странах, особенно о моей родине. Я описал ему нашу жизнь, наши обычаи, нравы, рассказал, как мы путешествуем по всем частям света и плаваем на больших кораблях. Я объяснил ему устройство большого парусного судна и рассказал кстати о том, как я ездил на корабль, потерпевший крушение, и показал ему издали место, где корабль наскочил на подводные камни. Конечно, я мог показать его весьма приблизительно, так как корабль давно разбило в щепки и все обломки унесло в море. Показал я ему также ту полусгнившую лодку, в которой мы хотели спастись, когда буря пригнала нас к этому берегу.

Увидев эту лодку, Пятница задумался и долго молчал.

Я спросил его, о чем он думает, и он через некоторое время ответил:

- Я видал одна такая лодка, как эта.

Она плавала то место, где живет мой народ.

Я долго не понимал, что он хочет сказать: то ли, что в их местах дикари плавают на таких лодках, то ли, что такая лодка прошла мимо их берегов.

Наконец, после долгих расспросов, мне удалось выяснить, что точно такую же лодку прибило к берегам той земли, где живет его племя.

- Ее пригнала к нам злая погода, - объяснил Пятница и снова надолго умолк.

"Должно быть, - подумал я, - какой-нибудь европейский корабль потерпел крушение у тех берегов. Бушующие волны могли смыть у него лодку и пригнать се туда, где живут дикари". Но, по моей недогадливости, мне и в голову не пришло, что в этой лодке могли быть люди, и, продолжая расспрашивать Пятницу, я думал только о лодке.

- Расскажи мне, какова она с виду.

Пятница описал мне ее очень подробно и вдруг совершенно неожиданно прибавил с горячим чувством:

Белые человеки не потонули, мы их спасли!

А разве в лодке были белые люди? - поспешил я спросить.

- Да, - отвечал он, - полная лодка людей!

- Сколько их было?

Он показал мне сначала десять пальцев, потом еще семь.

- Где же они? Что с ними сталось?

Он отвечал:

- Они живут. Они живут у наших.

Тут меня осенила внезапная мысль: не с того ли самого корабля, что разбился в ту бурную ночь неподалеку от моего острова, были эти семнадцать человек белых?

Возможно, что, когда корабль наскочил на скалу и они увидели, что его не спасти, они пересели в шлюпку, а потом их прибило к земле дикарей, среди которых им и пришлось поселиться.

Я нахмурился и стал строгим голосом допрашивать Пятницу, где же эти люди теперь. Он снова ответил с такой же горячностью:

- Они живы! Им хорошо!

И прибавил, что скоро четыре года, как эти белые люди живут у его земляков, и что те не обижают, не трогают их, но предоставляют им полную волю и дают им всякую еду.

Я спросил его:

- Каким образом могло случиться, что дикари не убили и не съели белых людей?

Он ответил:

- Белые человеки стали нам братья. Наши едят только тех, кого побеждают в бою.

Прошло еще несколько месяцев. Как-то, гуляя по острову, забрели мы с Пятницей в восточную сторону и поднялись на вершину холма. Оттуда, как уже было сказано, я много лет назад увидел полосу земли, которую принял за материк Южной Америки.

Впрочем, первым взошел на вершину один только Пятница, а я немного отстал, так как холм был высокий и довольно крутой.

Как и тогда, день был необыкновенно ясный.

Пятница долго вглядывался в даль и вдруг вскрикнул от неожиданности, запрыгал, заплясал как безумный и стал кричать мне, чтобы я скорее взобрался на холм.

Я с удивлением глядел на него.

Никогда не случалось мне видеть его таким возбужденным. Наконец он прекратил свою пляску и крикнул:

- Скорее, скорее сюда!

Я спросил его:

- В чем дело? Чему ты так рад?

- Да, да, - отвечал он, - я счастлив! Вон там, смотри... отсюда видно... там моя земля, мой народ!

Необыкновенное выражение счастья появилось у него на лице, глаза сверкали; казалось, всем своим

существом он рвется туда, в тот край, где его родные и близкие.

Увидев, как он ликует и радуется, я был весьма огорчен.

"Напрасно я отнесся к этому человеку с таким безграничным доверием, сказал я себе. - Он притворяется моим преданным другом, а сам только и думает о том, как бы ему убежать".

И я недоверчиво взглянул на него.

"Теперь он покорен и кроток, - думал я, - но стоит ему только очутиться среди других дикарей, он, конечно, сейчас же забудет, что я спас ему жизнь, и выдаст меня своим соплеменникам, он приведет их сюда, на мой остров. Они убьют и съедят меня, и он будет пировать вместе с ними так же весело и беззаботно, как прежде, когда они приезжали сюда праздновать свои победы над дикарями враждебных племен".

Моя подозрительность с той поры все росла.

Я стал чуждаться вчерашнего друга, мое обращение с ним стало сухим и холодным.

Так продолжалось несколько недель. К счастью, я очень скоро обнаружил, что был жестоко несправедлив к этому простосердечному юноше.

Пока я подозревал его в коварных и предательских замыслах, он продолжал относиться ко мне с прежней преданностью; в каждом слове его было столько беззлобия и детской доверчивости, что в конце концов мне стало стыдно своих подозрений. Я вновь почувствовал в нем верного друга и попытался всячески загладить свою вину перед ним. А он даже не заметил моего охлаждения к нему, и это было для меня явным свидетельством душевной его простоты.

Однажды, когда мы с Пятницей вновь поднимались на холм (в этот раз над морем стоял туман и

противоположного берега не было видно), я спросил его:

- А что, Пятница, хотелось бы тебе вернуться на родину, к своим?

- Да, - отвечал он, - я был бы ох как рад воротиться туда!

- Что бы ты там делал? - продолжал я. - Стал бы опять кровожадным и принялся бы, как прежде, есть человечье мясо?

Мои слова, видимо, взволновали его. Он покачал головой и ответил:

- Нет, нет! Пятница сказал бы всем своим: живите как надо; кушайте хлеб из зерна, молоко, козье мясо, не кушайте человека.

- Ну, если ты скажешь им это, они тебя убьют. Он взглянул на меня и сказал:

- Нет, не убьют. Они будут рады учиться добру.

Затем он прибавил:

- Они много учились от бородатых человеков, что приехали в лодке.

- Так тебе хочется воротиться домой? - повторил я свой вопрос.

Он усмехнулся и сказал:

- Я не могу плыть так далеко.

- Ну, а если бы я дал тебе лодку, - спросил я его, - ты поехал бы на родину, к своим?

- Поехал бы! - ответил он пылко. - Но и ты должен поехать со мною.

- Как же мне ехать? - возразил я. - Ведь они меня сейчас же съедят.

- Нет-нет, не съедят! - проговорил он с жаром. - Я сделаю так, что не съедят! Я сделаю, что они будут тебя много любить.

Пятница хотел этим сказать, что он расскажет своим землякам, как я убил его врагов и спас ему

жизнь. Он был уверен, что за это они крепко полюбят меня.

После того он рассказал мне, с какой добротой отнеслись они к семнадцати белым бородатым людям, которых прибило бурей к берегам его родины. С того времени у меня появилось страстное желание попытаться во что бы то ни стало переправиться в страну дикарей и разыскать там тех белых "бородатых человеков", о которых говорил Пятница.

Не могло быть никакого сомнения, что это испанцы или португальцы, и я был уверен, что, если только мне удастся увидеться и побеседовать с ними, мы сообща придумаем способ вырваться отсюда на свободу. "Во всяком случае, - думал я, - на это будет больше надежды, когда нас будет восемнадцать человек и мы станем дружно действовать для общего блага. А что могу я сделать один, без помощников, на моем островке, за сорок миль от их берега?"

Этот план крепко засел у меня в голове, и через несколько дней я заговорил о нем снова.

Я сказал Пятнице, что дам ему лодку, чтобы он мог вернуться на родину, и в тот же день повел его к той бухточке, где была моя лодка. Вычерпав из нее воду, я подвел ее к берегу и показал Пятнице. Мы оба сели в лодку, чтобы испытать ее ход. Пятница оказался отличным гребцом и работал веслами не хуже меня. Лодка быстро неслась по воде. Когда мы отошли от берега, я сказал ему:

- Ну что же, Пятница, поедем к твоим землякам?

Он посмотрел на меня уныло и хмуро: очевидно, по его мнению, лодка была слишком мала для такого далекого плавания. Тогда я сказал ему, что у меня есть другая, побольше, и на следующий день мы с ним отправились в лес на то место, где я оставил свою первую лодку, которую не мог спустить на воду. Пятнице эта лодка понравилась.

- Такая годится, годится, - твердил он. - Тут можно много класть хлеба, воды и всего.

Но со дня постройки этой лодки прошло двадцать три года. Все это время она провалялась без всякого присмотра, под открытым небом, ее припекало солнце и мочили дожди, вся она рассохлась и сгнила. Однако это не поколебало моего решения предпринять поездку на материк.

- Ничего, не горюй! - сказал я Пятнице. - Мы построим точно такую же лодку, и ты поедешь домой.

Он не ответил ни слова, но стал очень печальным и мрачным. Когда я спросил, что с ним, он сказал:

- За что Робин Крузо сердится на Пятницу? Что я сделал?

- Откуда ты взял, что я сержусь на тебя? Я нисколько не сержусь, сказал я.

- "Не сержусь, не сержусь"! - повторил он раз шесть или семь. - А зачем отсылаешь Пятницу домой, к его землякам и родным?

- Да ты ведь сам говорил, что тебе хочется домой, - заметил я.

- Да, хочется, - отвечал он, - но только с тобою. Чтобы и ты и я. Робин не поедет - Пятница не поедет! Пятница не хочет без Робина!

Он и слышать не хотел о том, чтобы покинуть меня.

- Но, посуди сам, - сказал я, - зачем я поеду туда? Что я там буду делать?

Он горячо возразил мне:

- Что ты там будешь делать? Много делать, хорошо делать: учить диких человеков быть добрыми, умными.

- Милый Пятница, - сказал я со вздохом, - ты сам не знаешь, о чем говоришь. Куда уж такому жалкому невежде, как я, учить других!

- Неправда! - возразил он запальчиво. - Меня учил - будешь учить и других человеков.

- Нет, Пятница, - сказал я, - поезжай без меня, а я останусь здесь один, без людей. Ведь жил же я один до сих пор!

Эти слова, по всей видимости, показались ему очень обидными. Он порывисто бросился к лежавшему невдалеке топору, схватил его, принес и протянул мне.

- Зачем ты даешь мне топор? - спросил я.

Он отвечал:

- Убей Пятницу!

- Зачем же мне тебя убивать? Ты ничего мне не сделал.

- А зачем гонишь Пятницу прочь? - страстно воскликнул он. - Убей Пятницу, не гони его прочь!

Он был потрясен до глубины души. Я заметил на глазах у него слезы. Словом, привязанность его ко мне была так сильна, что, если бы даже я хотел, я не мог бы прогнать его. Я тут же сказал ему и часто повторял потом, что никогда больше не буду говорить об его отъезде на родину, пока он хочет оставаться со мной.

Таким образом, я окончательно убедился, что Пятница навеки предан мне.

Если он и хотел воротиться на родину, то лишь потому, что от всего сердца любил своих соплеменников: он надеялся, что я поеду с ним и научу их добру.

Но я хорошо сознавал, что это мне, конечно, не под силу.

И все же я страстно желал возможно скорее отправиться на родину Пятницы, чтобы увидеть "бородатых" людей, которые живут в той стране. Наконец я решил, не откладывая долее, приступить к постройке большой лодки, в которой можно было бы пуститься в открытое море.

Прежде всего надо было выбрать подходящее дерево, с достаточно толстым стволом.

За этим не могло быть остановки: на острове росло столько гигантских деревьев, что из них можно было выстроить не то что лодку, а, пожалуй, целый флот. Но я хорошо помнил, какую сделал ошибку, когда строил свою большую пирогу в лесу, далеко от моря, и потом не мог протащить к берегу. Чтобы эта ошибка не повторилась, я решил найти такое дерево, которое растет поближе к морю, чтобы можно было без особого труда спустить лодку на воду.

Но у самого берега росли по большей части чахлые и мелкие деревья. Я обошел почти все побережье и не отыскал ничего подходящего. Выручил меня Пятница: оказалось, что в этом деле он понимает больше меня. Я и по сей день не знаю, какой породы было то дерево, из которого мы тогда построили лодку.

Пятница настаивал, чтобы мы выжгли огнем внутренность дерева, как поступают при постройке своих пирог дикари. Но я сказал ему, что лучше выдолбить ее долотом и другими плотничьими инструментами, и, когда я показал ему, как это делается, он охотно признал, что мой способ вернее и лучше. Пятница живо научился и этой работе.

Мы с увлечением принялись за дело, и через месяц лодка была готова. Мы потратили на нее много труда, обтесали ее снаружи топорами, и у нас получилась настоящая морская лодка, с высоким килем и крепкими бортами; она была вполне пригодна для нашей цели, так как смело могла поднять двадцать человек.

После того потребовалось еще около двух недель, чтобы сдвинуть наше судно в воду. Мы приспособили для этой цели деревянные катки, но лодка была так тяжела, а рабочих рук было так мало, что и на катках она подвигалась вперед страшно медленно, дюйм за дюймом.

Когда лодка была спущена на воду, я с удивлением увидел, как ловко управляется с ней Пятница, как

быстро он заставляет ее поворачиваться вправо и влево и как хорошо гребет.

Я спросил его, безопасно ли, по его мнению, пускаться в море в такой лодке.

- О да, - отвечал он, - такая лодка не страшно плыть, пусть дует большой ветер!

Но, прежде чем отправляться в море, я был намерен сделать еще одно дело, о котором Пятница пока не знал, а именно: поставить в лодке мачту с парусом, а также смастерить якорь и корабельный канат. Изготовить мачту было нетрудно: на острове росло много удивительно прямых и стройных кедров. Я выбрал одно молоденькое деревцо - оно росло неподалеку от бухты, где стояла наша новая лодка, - и приказал Пятнице срубить его. Затем он под моим руководством очистил ствол от ветвей и тщательно обтесал его. Мачта была готова.

Над парусом мне пришлось потрудиться самому. У меня в кладовой хранились старые паруса, или, лучше сказать, куски парусины. Но эта парусина лежала уже более двадцати шести лет. А так как я никогда не надеялся, что мне придется шить из нее паруса, я не придавал ей особой цены и нисколько не заботился о том, чтобы сохранить ее в целости. Я был уверен, что вся эта парусина давно сгнила. Так оно и было: большая ее часть оказалась гнилою. Все же кое-что могло и сейчас пригодиться. Я выбрал два куска покрепче и принялся за шитье.

Много труда потратил я на эту работу: у меня даже иголок не было! Но в конце концов я соорудил довольно жалкое подобие большого треугольного паруса, вроде тех, какие употребляются в Англии (там такой парус называется "баранья нога") и, кроме того, маленький парус, так называемый блинд.

Парусами этого рода я умел управлять лучше всего, потому что точно такие же паруса были на той шлюпке,

на которой я когда-то совершал мой побег из Африки.

Около двух месяцев прилаживал я к лодке мачту и паруса, но зато вся работа была сделана самым тщательным образом. Кроме двух парусов, я смастерил еще третий. Этот парус я укрепил на носу. Он должен был помогать нам поворачивать лодку при перемене галса, для того чтобы идти против ветра. А затем я сделал отличный руль и приладил его к корме, что должно было значительно облегчить управление лодкой.

В деле постройки морских судов я был невежда и неуч, но я хорошо понимал всю пользу такого приспособления, как руль, и потому не пожалел труда на эту работу. Но она далась мне нелегко: на один этот руль у меня ушло почти столько же времени, сколько на постройку и оснастку всей лодки.

Когда все было готово, я стал учить Пятницу управлять моей лодкой, потому что ни о руле, ни о парусе он не имел никакого понятия. В первое время, когда он увидел, как я поворачиваю лодку рулем и как парус надувается то с одной, то с другой стороны, он был так ошеломлен, словно ему показали какое-то чудо.

Тем не менее под моим руководством он скоро научился управлять лодкой и сделался искусным моряком. Одно только дело осталось ему почти недоступным - употребление компаса. Но так как в тех местах туманы бывают только во время дождей, компас был не особенно нужен. Днем мы могли править на побережье, которое виднелось вдали, а ночью держать курс по звездам. Другое дело - в дождливый период, но тогда все равно нельзя было путешествовать ни по морю, ни по земле.

Наступил двадцать седьмой год моего заключения в этой тюрьме. Впрочем, три последних года можно было смело скинуть со счета, так как с появлением на

острове верного Пятницы моя жизнь совершенно изменилась.

Приближался период дождей, когда большую часть дня приходится просиживать дома. Необходимо было переждать это время и принять меры к тому, чтобы дожди не повредили нашу лодку. Мы привели ее в ту бухточку, куда я приставал со своими плотами, и, дождавшись прилива, подтянули ее к самому берегу. Потом мы выкопали на том месте, где стояла лодка, довольно глубокую яму таких размеров, что лодка поместилась в ней, как в доке. От моря мы отгородили ее крепкой плотиной, оставив для воды только узкий проход. Когда со следующим приливом наш маленький док наполнился водой, мы наглухо заделали плотину, так что лодка оставалась на воде, но волны морские не могли доплеснуть до нее и прилив не мог унести ее прочь. Чтобы предохранить лодку от дождей, мы прикрыли ее толстым слоем веток, и таким образом она очутилась под крышей.

Теперь мы могли спокойно дожидаться хорошей погоды, чтобы в ноябре или декабре пуститься под парусом в море.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Битва с дикарями. Робинзон освобождает испанца. Пятница находит отца

Едва прекратились дожди и опять засияло солнце, я начал с утра до ночи готовиться к предстоящему плаванию. Я заранее рассчитал, сколько провизии нам может понадобиться, и стал откладывать необходимые запасы.

Недели через две, а то и раньше, я предполагал сломать плотину и вывести лодку из дока.

Но нам не суждено было двинуться в путь.

Как-то раз утром, когда я, по обыкновению, был занят подготовкой к отъезду, мне пришло в голову, что

хорошо бы, кроме прочей еды, захватить с собой небольшой запас черепашьего мяса.

Я кликнул Пятницу, попросил его сбегать на берег и поймать черепаху. (Мы охотились на черепах каждую неделю, так как оба любили их мясо и яйца.)

Пятница помчался исполнять мою просьбу, но не прошло и четверти часа, как он прибежал назад, перелетел, как на крыльях, через ограду и, прежде чем я успел спросить его, в чем дело, закричал:

- Горе, горе! Беда! Нехорошо!

- Что такое? Что случилось, Пятница? - спросил я в тревоге.

- Там, - ответил он, - около берега, одна, две, три... одна, две, три лодки!

Из его слов я заключил, что всех лодок было шесть, но, как потом оказалось, их было только три, а он повторял счет оттого, что был очень взволнован.

- Не нужно бояться, Пятница! Нужно быть храбрым! - сказал я, стараясь ободрить его.

Бедняга был страшно напуган. Он почему-то решил, будто дикари явились за ним, будто они сейчас разрежут его на куски и съедят. Он сильно дрожал. Я не знал, как успокоить его. Я говорил, что, во всяком случае, я подвергаюсь такой же опасности: если съедят его, то съедят и меня вместе с ним.

- Но мы постоим за себя, - сказал я, - мы не дадимся им в руки живыми. Мы должны вступить с ними в бой, и ты увидишь, что мы победим! Ведь ты умеешь драться, не правда ли?

- Я умею стрелять, - отвечал он, - только их пришло много, очень много.

- Не беда, - сказал я, - одних мы убьем, а остальные испугаются наших выстрелов и разбегутся. Я обещаю тебе, что не дам тебя в обиду. Я буду храбро защищаться и защищать тебя. Но обещаешь ли ты, что

будешь так же храбро защищать меня и исполнять все мои приказания?

- Я умру, если ты прикажешь, Робин Крузо!

После этого я принес из пещеры большую кружку рому и дал ему выпить (я так бережно расходовал свой ром, что у меня оставался еще порядочный запас).

Затем мы собрали все наши мушкеты и охотничьи ружья, привели их в порядок и зарядили. Кроме того, я вооружился, как всегда, саблей без ножен, а Пятнице дал топор.

Приготовившись таким образом к бою, я взял подзорную трубу и поднялся для разведки на гору.

Направив трубу на берег моря, я скоро увидел дикарей: их было человек двадцать, да, кроме того, на берегу лежало трое связанных людей. Лодок, повторяю, оказалось только три, а не шесть. Было ясно, что вся эта толпа дикарей явилась на остров с единственной целью - отпраздновать свою победу над врагом. Предстояло ужасное, кровавое пиршество.

Я заметил также, что на этот раз они высадились не там, где высаживались три года назад, в день нашей первой встречи с Пятницей, а гораздо ближе к моей бухточке. Здесь берег был низкий и почти к самому морю спускался густой лес.

Меня страшно взволновало злодейство, которое должно было совершиться сейчас. Медлить было нельзя. Я сбежал с горы и сказал Пятнице, что необходимо возможно скорее напасть на этих кровожадных людей.

При этом я еще раз спросил его, будет ли он мне помогать. Он теперь совершенно оправился от испуга (чему, быть может, отчасти способствовал ром) и с бодрым, даже радостным видом повторил, что готов умереть за меня.

Все еще не остыв от гнева, я схватил пистолеты и ружья (остальное взял Пятница), и мы тронулись в путь.

На всякий случай я сунул в карман склянку рому и дал Пятнице нести большой мешок с запасными пулями и порохом.

- Иди за мной, - сказал я, - не отставай ни на шаг и молчи. Не спрашивай меня ни о чем. Да не смей стрелять без моей команды!

Подойдя к опушке леса с того края, который был ближе к берегу, я остановился, тихонько подозвал Пятницу и, указав ему высокое дерево, велел взобраться на вершину и взглянуть, видны ли оттуда дикари и что они делают. Он, исполнив мое поручение, сейчас же спустился с дерева и сообщил, что дикари сидят вокруг костра, поедая одного из привезенных ими пленников, а другой лежит связанный тут же на песке.

- Потом они съедят и этого, - прибавил Пятница совершенно спокойно.

Вся моя душа запылала яростью при этих словах.

Пятница сказал мне, что второй пленник не индеец, а один из тех белых, бородатых людей, которые пристали к его берегу в лодке. "Надо действовать", - решил я. Я спрятался за дерево, достал подзорную трубу и ясно увидел на берегу белого человека. Он лежал неподвижно, потому что его руки и ноги были стянуты гибкими прутьями.

Несомненно это был европеец: на нем была одежда.

Впереди росли кусты, и среди этих кустов стояло дерево. Кусты были довольно густые, так что можно было подкрасться туда незаметно.

Хотя я был так сильно разгневан, что мне хотелось кинуться на людоедов в тот же миг, даже не думая о возможных последствиях, я обуздал свою ярость и пробрался тайком к дереву. Дерево стояло на пригорке. С этого пригорка я видел все, что происходило на берегу.

У костра, тесно прижавшись друг к другу, сидели дикари. Их было девятнадцать человек. Немного

поодаль, наклонившись над связанным европейцем, стояли еще двое. Очевидно, их только что послали за пленником. Они должны были убить его, разрезать на части и раздать пирующим куски его мяса.

Я повернулся к Пятнице.

- Смотри на меня, - сказал я, - что я буду делать, то делай и ты.

С этими словами я положил на землю один из мушкетов и охотничье ружье, а из другого мушкета прицелился в дикарей. Пятница сделал то же самое.

- Ты готов? - спросил я его.

- Да, - отвечал он.

- Ну так стреляй! - сказал я, и мы выстрелили оба одновременно.

Прицел Пятницы оказался вернее моего: он убил двух человек и ранил троих, я же только двоих ранил II убил одного.

Легко себе представить, какое страшное смятение произвели наши выстрелы в толпе дикарей! Те, что остались в живых, вскочили на ноги, не зная, куда кинуться, в какую сторону смотреть, так как хотя они понимали, что им грозит смерть, но не видели, откуда она.

Пятница, исполняя мое приказание, не сводил с меня глаз.

Не давая дикарям опомниться после первых выстрелов, я бросил на землю мушкет, схватил ружье, взвел курок и снова прицелился. Пятница в точности повторял каждое мое движение.

- Ты готов, Пятница? - спросил я опять.

- Готов! - отвечал он.

- Стреляй! - скомандовал я.

Два выстрела грянули почти одновременно, но так как на этот раз мы стреляли из ружей, заряженных дробью, то убитых оказалось только двое (по крайней мере, двое упали), зато раненых было очень много.

Обливаясь кровью, бегали они по берегу с дикими воплями как безумные. Трое получили, очевидно, тяжелые раны, потому что вскоре упали. Впрочем, впоследствии выяснилось, что они остались в живых.

Я взял мушкет, в котором были еще заряды, и, крикнув: "Пятница, за мной!" - выбежал из лесу на открытое место. Пятница не отставал от меня ни на шаг. Заметив, что враги увидели меня, я с громким криком бросился вперед.

- Кричи и ты! - приказал я Пятнице.

Он сейчас же закричал еще громче, чем я. К сожалению, мои доспехи были так тяжелы, что мешали мне бежать. Но я словно не чувствовал их и несся вперед со всех ног, прямо к несчастному европейцу, который, как уже сказано, лежал в стороне, на песчаном берегу, между морем и костром дикарей. Возле него не было ни одного человека. Те двое, что хотели зарезать его, убежали при первых же выстрелах. В страшном испуге они кинулись к морю, вскочили в лодку и стали отчаливать. В ту же лодку успели вскочить еще три дикаря.

Я повернулся к Пятнице и приказал ему расправиться с ними. Он мигом понял мою мысль и, пробежав шагов сорок, приблизился к лодке и выстрелил в них из ружья.

Все пятеро повалились на дно лодки. Я думал, что все они убиты, но двое сейчас же поднялись. Очевидно, они упали просто со страху.

Покуда Пятница стрелял в неприятеля, я достал свой карманный нож и перерезал путы, которыми были стянуты руки и ноги пленника. Я помог ему приподняться и спросил его по-португальски, кто он такой. Он отвечал:

- Эспаньоле (испанец).

Вскоре он немного оправился и стал выражать мне при помощи жестов свою горячую благодарность за то,

что я спас ему жизнь.

Призвав на помощь все свои познания в испанском языке, я сказал ему по-испански:

- Сеньор, разговаривать мы будем потом, а теперь мы должны сражаться. Если у вас осталось немного сил, вот вам сабля и пистолет.

Испанец с благодарностью принял и то и другое и, почувствовав в руках оружие, стал словно другим человеком. Откуда и силы взялись! Как буря, он бешено налетел на злодеев и в одно мгновение изрубил двоих на куски.

Впрочем, для такого подвига не требовалось особенной силы: несчастные дикари, ошеломленные грохотом нашей стрельбы, были до того перепуганы, что не могли ни бежать, ни защищаться. Многие падали просто со страху, как те двое, что свалились на дно лодки от выстрела Пятницы, хотя пули пролетели мимо них.

Так как саблю и пистолет я отдал испанцу, у меня остался лишь мушкет. Он был заряжен, но я приберегал свой заряд на случай крайней нужды и потому не стрелял.

В кустарнике, под тем деревом, откуда мы впервые открыли огонь, остались наши охотничьи ружья. Я подозвал Пятницу и велел ему сбегать за ними.

Он с большой поспешностью исполнил мое приказание. Я отдал ему свой мушкет, а сам стал заряжать остальные ружья, сказав испанцу и Пятнице, чтобы они приходили ко мне, когда им понадобится оружие. Они выразили полную готовность подчиняться моему распоряжению.

Пока я заряжал ружья, испанец с необыкновенным бесстрашием напал на одного из дикарей, и между ними завязался яростный бой.

В руках у дикаря был огромный деревянный меч. Дикари отлично владеют этим смертоносным оружием.

Одним из таких мечей они и хотели прикончить испанца, когда тот лежал у костра. Теперь этот меч был снова занесен над его головой. Я и не ожидал, что испанец окажется таким храбрецом: правда, он все еще был слаб после перенесенных мучений, но бился с большим упорством и нанес противнику саблей два страшных удара по голове. Дикарь был громадного роста, очень мускулистый и сильный. Вдруг он отбросил свой меч, и они схватились врукопашную. Испанцу пришлось очень худо: дикарь тотчас же сбил его с ног, навалился на него и стал вырывать у него саблю. Увидев это, я вскочил и бросился ему на помощь. Но испанец не растерялся: он благоразумно выпустил саблю из рук, выхватил из-за пояса пистолет, выстрелил в дикаря и уложил его на месте.

Между тем Пятница с героической смелостью преследовал бегущих дикарей. В руке у него был только топор, другого оружия не было. Этим топором он уже прикончил троих дикарей, раненных первыми нашими выстрелами, и теперь не щадил никого, кто попадался ему на пути.

Испанец, одолев угрожавшего ему великана, вскочил на ноги, подбежал ко мне, схватил одно из заряженных мною охотничьих ружей и пустился в погоню за двумя дикарями. Он ранил обоих, но так как долго бежать ему было не под силу, оба дикаря успели скрыться в лесу.

За ними, размахивая топором, побежал Пятница. Несмотря на свои раны, один из дикарей бросился в море и пустился вплавь за лодкой: в ней были три дикаря, успевшие отчалить от берега.

Трое дикарей, находившихся в лодке, работали веслами изо всех сил, стараясь поскорее уйти из-под выстрелов.

Пятница раза два или три выстрелил им вдогонку, но, кажется, не попал. Он стал уговаривать меня взять

одну из пирог дикарей и пуститься за беглецами, пока они не успели слишком далеко отойти от берега.

Я и сам не хотел, чтобы они убежали. Я боялся, что, когда они расскажут своим землякам о нашем нападении на них, те нагрянут сюда в несметном количестве, и тогда нам несдобровать. Правда, у нас есть ружья, а у них только стрелы да деревянные мечи, но, если к нашему берегу причалит целая флотилия вражеских лодок, мы, конечно, будем истреблены беспощадно. Поэтому я уступил настояниям Пятницы. Я побежал к пирогам, приказав ему следовать за мной.

Но велико было мое изумление, когда, вскочив в пирогу, я увидел там человека! Это был дикарь, старик. Он лежал на дне лодки, связанный по рукам и ногам. Очевидно, его тоже должны были съесть у костра. Не понимая, что творится кругом (он не мог даже выглянуть из-за борта пироги так крепко скрутили его), несчастный чуть не умер от страха.

Я тотчас же достал нож, перерезал стягивавшие его путы и хотел помочь ему встать. Но он не держался на ногах. Даже говорить он был не в силах, а только жалобно стонал: несчастный, кажется, думал, что его только затем и развязали, чтобы зарезать и съесть.

Тут подбежал Пятница.

- Скажи этому человеку, - обратился я к Пятнице, - что он свободен, что мы не сделаем ему никакого зла и что его враги уничтожены.

Пятница заговорил со стариком, я же влил пленнику в рот несколько капель рома.

Радостная весть о свободе оживила несчастного: он приподнялся на дне лодки и произнес какие-то слова.

Невозможно представить себе, что сделалось с Пятницей! Самый черствый человек и тот был бы тронут до слез, если бы наблюдал его в эту минуту. Едва он услышал голос старика дикаря и увидел его лицо, он бросился целовать и обнимать его, заплакал, засмеялся,

прижал его к груди, закричал, потом стал прыгать вокруг него, запел, заплясал, потом опять заплакал, замахал руками, принялся колотить себя по голове и по лицу - словом, вел себя как сумасшедший.

Я спросил его, что случилось, но долго не мог добиться от него никаких объяснений. Наконец, немного придя в себя, он сказал мне, что этот человек - его отец.

Не могу выразить, до чего умилило меня такое бурное проявление сыновней любви! Никогда я не думал, что грубый дикарь может быть так потрясен и обрадован встречей с отцом.

Но в то же время нельзя было не смеяться над безумными прыжками и жестами, которыми он выражал свои сыновние чувства. Раз десять он выскакивал из лодки и снова вскакивал в нее; то распахнет куртку и крепко прижмет отцовскую голову к своей голой груди, то примется растирать его одеревенелые руки и ноги.

Увидев, что старик весь окоченел, я посоветовал растереть его ромом, и Пятница тотчас же принялся растирать его.

О преследовании беглецов мы, конечно, забыли и думать; их лодка за это время ушла так далеко, что почти скрылась из виду.

Мы даже не пытались пуститься за ними в погоню, и, как потом оказалось, очень хорошо поступили, так как спустя часа два поднялся жестокий ветер, который, несомненно, опрокинул бы наше суденышко. Он дул с северо-запада как раз навстречу беглецам. Вряд ли они могли совладать с этой бурей; я был уверен, что они погибли в волнах, не увидев родных берегов.

Неожиданная радость так сильно взбудоражила Пятницу, что у меня не хватило духу оторвать его от отца. "Нужно дать ему угомониться", - подумал я и встал невдалеке, ожидая, когда остынет его радостный пыл.

Это случилось не скоро. Наконец я окликнул Пятницу. Он подбежал ко мне вприпрыжку, с веселым смехом, довольный и счастливый. Я спросил его, давал ли он отцу хлеба. Он с огорчением покачал головой:

- Нет хлеба: гадкий пес ничего не оставил, все съел сам! - и показал на себя.

Тогда я достал из своей сумки всю бывшую у меня провизию - небольшую лепешку и две или три ветки изюма - и отдал Пятнице. И он с той же хлопотливой нежностью стал кормить отца, как малого ребенка. Видя, что он дрожит от волнения, я посоветовал ему подкрепить свои силы остатками рома, но и ром он отдал старику.

Через минуту Пятница уже мчался куда-то как бешеный. Бегал он вообще удивительно быстро. Напрасно я кричал ему вслед, чтобы он остановился и сказал мне, куда он бежит, - он исчез.

Впрочем, через четверть часа он вернулся, и шаги его стали значительно медленнее. Когда он подошел ближе, я увидел, что он что-то несет. Это был глиняный кувшин с пресной водой, которую он раздобыл для отца. Для этого он сбегал домой, в нашу крепость, а кстати прихватил еще две ковриги хлеба. Хлеб он отдал мне, а воду понес старику, позволив мне, впрочем, отхлебнуть несколько глотков, так как мне очень хотелось пить. Вода оживила старика лучше всякого спирта: он, оказалось, умирал от жажды.

Когда старик напился, я подозвал Пятницу и спросил, не осталось ли в кувшине воды. Он отвечал, что осталось, и я велел ему дать напиться бедному испанцу, изнывавшему от жажды не меньше старика дикаря. Я отослал испанцу также ковригу хлеба.

Испанец все еще был очень слаб. Он сидел на лужайке под деревом в полном изнеможении. Дикари так туго связали его, что теперь у него распухли руки и ноги.

Когда он утолил жажду свежей водой и поел хлеба, я подошел к нему и дал ему горсть изюма. Он поднял голову и взглянул на меня с величайшей признательностью, потом хотел было встать, но не мог - так болели его распухшие ноги. Глядя на этого больного человека, трудно было представить себе, что он при такой усталости мог только что так доблестно сражаться с сильнейшим врагом. Я посоветовал ему сидеть и не двигаться и поручил Пятнице растереть ему ноги ромом.

Пока Пятница ухаживал за испанцем, он каждые две минуты, а может быть и чаще, оборачивался, чтобы взглянуть, не нужно ли чего его отцу. Пятнице была видна только голова старика, так как тот сидел на дне лодки. Вдруг, оглянувшись, он увидел, что голова исчезла; в тот же миг Пятница был на ногах. Он не бежал, а летел: казалось, ноги его не касаются земли. Но, когда, добежав до лодки, он увидел, что отец его прилег отдохнуть и спокойно лежит на дне лодки, он сейчас же вернулся к нам.

Тогда я сказал испанцу, что мой друг поможет ему встать и доведет его до лодки, в которой мы доставим его в наше жилище.

Но Пятница, рослый и дюжий, поднял его, как ребенка, взвалил к себе на спину и понес. Дойдя до лодки, он осторожно посадил его сперва на борт, а затем на дно, подле отца. Потом вышел на берег, столкнул лодку в воду, опять вскочил в нее и взялся за весла. Я пошел пешком.

Пятница был отличный гребец, и, несмотря на сильный ветер, лодка так быстро неслась вдоль берега, что я не мог за нею поспеть.

Пятница благополучно привел лодку в нашу гавань и, оставив там отца и испанца, побежал по берегу назад.

- Куда же ты бежишь? - спросил пробегал мимо меня.

- Надо привести еще одна лодка! - мне на бегу и вихрем помчался дальше.

Ни один человек, ни одна лошадь не могли бы угнаться за ним - так быстро он бегал. Едва я дошел до бухточки, как он уже явился туда с другой лодкой.

Выскочив на берег, он стал помогать нашим новым гостям выйти из лодки, но оба они так ослабли, что не могли держаться на ногах.

Бедный Пятница не знал, что делать.

Я тоже призадумался.

- Оставь пока наших гостей на берегу, - сказал я ему, - и ступай за мною.

Мы пошли в ближайшую рощу, срубили два-три деревца и на скорую руку смастерили носилки, на которых и доставили больных к наружной стене нашей крепости.

Тут уж мы совсем растерялись, не зная, как нам быть дальше. Перетаскивать двух взрослых людей через такую высокую ограду было нам, конечно, не под силу. Пришлось опять пораскинуть умом, и я снова придумал, что делать. Мы с Пятницей принялись за работу, и часа через два у нас была готова очень неплохая парусиновая палатка, на которую были густо навалены ветки.

В этой палатке мы устроили две постели из рисовой соломы и четырех одеял.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Новые обитатели острова. Прибытие англичан

После того как я устроил жилье для наших больных гостей, только что спасенных из плена, ввел их под крышу их нового дома, где они могли отдохнуть и восстановить свои силы, нужно было приготовить им еду. Я послал Пятницу в мое маленькое стадо за годовалым козленком. Заколов его, он, по моим

указаниям, приготовил из козлятины жаркое и крепкий бульон. Этот бульон мы заправили ячменем и рисом; получился очень вкусный суп. Стряпня происходила за наружной стеной, ибо как сказано выше, я никогда не разводил огня внутри крепости.

Мы накрыли стол в новой палатке и пообедали на новоселье вчетвером.

Я председательствовал за этим обедом и занимал наших гостей разговорами. Пятница служил мне переводчиком, не только когда я говорил с его отцом, но и с испанцем, так как испанец довольно хорошо изъяснялся на языке дикарей.

Когда мы пообедали, или, вернее, поужинали, я попросил Пятницу взять одну из пирог и съездить за нашими ружьями, которые за недосугом мы бросили на месте сражения; на другой день я послал его зарыть трупы убитых, а также ужасные остатки кровавого пиршества.

Пятница в точности выполнил мое поручение. Он так тщательно уничтожил все следы дикарей, что, когда я снова побывал на том месте, я не сразу мог его узнать. Только по деревьям на опушке прибрежного леса я догадался, что людоеды пировали именно здесь.

Через несколько дней, когда мои новые друзья отдохнули и немного пришли в себя после перенесенных ими испытаний, я начал при помощи Пятницы беседовать с ними.

Прежде всего я спросил отца Пятницы, не боится ли он, что убежавшие людоеды могут вернуться на остров с целым полчищем других дикарей, которые жестоко расправятся с нами.

Старик отвечал, что, по его мнению, убежавшие дикари никоим образом не могли добраться до родных берегов в такую сильную бурю, какая бушевала в ту ночь, что, наверное, их лодку опрокинуло и все они утонули.

- А если они остались в живых, - сказал он, - их отнесло в сторону и прибило к земле враждебного им племени, где их непременно съедят.

Помолчав немного, старик продолжал:

- Но если даже они добрались благополучно домой, то и тогда они не рискнут воротиться. Они были так страшно напуганы вашим неожиданным нападением, грохотом и огнем выстрелов, что, вероятно, расскажут своим соплеменникам, будто товарищи их погибли от грома и молнии. Вас же двоих - тебя и Пятницу - они приняли за разгневанных дьяволов, сошедших на землю, чтобы их истребить. Я сам слышал, как они говорили об этом друг другу. Они не могут представить себе, чтобы простой смертный мог изрыгать пламя, говорить громами и убивать на дальнем расстоянии, даже не поднимая руки.

Старик был прав. Впоследствии я узнал, что даже много лет спустя ни один дикарь не осмеливался показаться на моем острове. Очевидно, те беглецы, которых мы считали погибшими, все же вернулись на родину и своими страшными рассказами напугали других дикарей. Возможно даже, что в их племени сложилось поверье, будто всякого, кто ступит на берег этого волшебного острова, боги уничтожат огнем.

Не предвидя этого, я долгое время был в постоянной тревоге, ожидая мести дикарей. Впрочем, и я и моя маленькая армия всегда были готовы сражаться: ведь нас было теперь четверо, и, явись к нам хоть сотня врагов, мы не побоялись бы в любое время вступить с ними в бой.

Но ведь их могло быть и двести и триста, и тогда они победили бы нас.

Однако дни проходили, а лодки дикарей не появлялись. Вместе с тем я все чаще и чаще возвращался к давнишней своей мечте о путешествии на материк. Отец Пятницы не раз уверял меня, что я

могу смело рассчитывать на радушный прием у его земляков, так как я спас его сына и его самого от смерти.

Но после одного серьезного разговора с испанцем я начал сомневаться, стоит ли приводить в исполнение мой план.

Испанец сказал мне, что хотя дикари действительно приютили у себя семнадцать испанцев и португальцев, потерпевших крушение у их берегов, но все эти европейцы испытывают ныне крайнюю нужду и порою даже голодают. Дикари не притесняют их и дают им полную свободу, но сами живут так скудно, что не всегда могут прокормить новопришельцев.

Я спросил испанца о подробностях их последнего плавания, и он сообщил мне, что их корабль шел из Рио-де-ла-Платы в Гавану, куда должен был доставить серебро и меха и нагрузиться европейскими товарами, имеющимися там в изобилии.

Во время бури пять человек из их корабельной команды утонуло, а остальные после многодневных страданий и ужасов, изнуренные жаждой и голодом, наконец пристали к стране людоедов. Высадившись в этой стране, они испытывали отчаянный страх, так как с минуты на минуту ожидали, что их съедят дикари. У них было с собой огнестрельное оружие, но не было ни пороха, ни пуль: тот порох, который они взяли с собой в лодку, почти весь был подмочен в пути, а что осталось, они давно израсходовали, потому что первое время могли добывать себе пищу только охотой.

Я спросил у него, какая, по его мнению, участь ожидает его товарищей в стране дикарей и пытались ли они когда-нибудь выбраться оттуда на волю. Он отвечал, что у них было много совещаний по этому поводу, но все кончалось слезами и жалобами.

- Ведь у нас не было, - пояснил он, - ни судна, на котором можно пуститься в открытое море, ни

инструментов для постройки подобного судна, ни съестных припасов.

Тогда я сказал ему:

- Я буду говорить с вами прямо. Как вы думаете, согласятся ли ваши товарищи переехать на мой остров? Я охотно пригласил бы их сюда. Мне кажется, что все сообща мы нашли бы способ добраться до какой-нибудь прибрежной страны, а оттуда - на родину. Одно только пугает меня: приглашая их сюда, я отдаю себя в их руки. Что, если они окажутся коварными, злыми людьми? Что, если за мое гостеприимство они отплатят мне изменой? Чувство благодарности, вообще говоря, некоторым людям совершенно не свойственно. Среди них могут оказаться предатели. А это было бы, согласитесь, слишком уж обидно: выручить людей из беды только для того, чтобы очутиться их пленником в Новой Испании. Уж лучше быть съеденным дикарями, чем попасть в беспощадные когти попов или быть сожженным инквизиторами. Если бы ваши товарищи, - продолжал я, - приехали сюда, я убежден, что при таком количестве работников нам ничего не стоило бы построить большое судно, на котором мы могли бы пробраться на юг и дойти до Бразилии или направиться к северу - до испанских владений. Но, разумеется, если я вложу им в руки оружие, а они в благодарность за мою доброту обратят это оружие против меня же, если, пользуясь тем, что они сильнее меня, они отнимут у меня мою свободу, - тогда они заставят меня пожалеть, что я сделал им столько добра.

Испанец отвечал с полной искренностью:

- Товарищи мои испытывают такие тяжелые бедствия и так хорошо сознают всю безвыходность своего положения, что я не допускаю и мысли, чтобы они могли дурно поступить с человеком, который поможет им спастись из неволи. Если хотите, - продолжал он, - я вместе с этим стариком съезжу к ним,

передам им ваше предложение и привезу вам ответ. Если они согласятся на ваши условия, я возьму с них торжественную клятву, что они последуют за вами в ту землю, которую вы им сами укажете, и до возвращения домой будут беспрекословно повиноваться вам как своему командиру. Вы будете приказывать, а мы - подчиняться. Если хотите, мы составим письменный договор, каждый из нас подпишет его, и я привезу его вам.

Затем он сказал, что готов, не откладывая, тотчас же поклясться мне в верности.

- Клянусь, что я буду служить вам до гроба! - так закончил он свою пылкую речь. - Вы спасли мне жизнь, и я отдаю ее вам. Я буду зорко следить, чтобы мои соотечественники не нарушили данной вам клятвы, и всегда буду биться за вас до последней капли крови. Впрочем, я ручаюсь за своих земляков: все они люди честные, очень надежные, и среди них нет ни одного предателя.

После таких искренних слов все мои сомнения исчезли, и я решил попытаться выручить этих людей. Я сказал испанцу, что отправлю к ним его и старика дикаря.

Но, когда все было готово к их отплытию, испанец вдруг заговорил о том, что лучше бы отложить нашу затею на несколько месяцев или, может быть, на год.

- Прежде чем выписывать гостей, - сказал он, - нам следует позаботиться об их пропитании.

Он был совершенно прав. Провизии у нас было мало. Ее еле хватало на четверых, а если приедут гости, они уничтожат все наши запасы в неделю, и мы будем обречены на голодную смерть.

- Поэтому, - сказал испанец, - я прошу у вас разрешения распахать новый участок земли. Поручите это нам троим, мы сейчас же возьмемся за работу и высеем все зерно, какое вы можете уделить для посева.

Потом дождемся урожая, уберем хлеб, и, если его окажется достаточно для прокормления новых людей, тогда я и отец Пятницы отправимся за ними. Если же они приедут на этот остров сейчас, им грозит лютый голод, а это может вызвать у них раздоры и взаимную ненависть.

Благоразумная предусмотрительность этого человека пришлась мне по вкусу. Я увидел, что он и в самом деле заботится о моем благе и предан мне всем сердцем. Нужно было немедленно привести его совет в исполнение.

Тотчас же мы вчетвером принялись за распашку нового поля. Мы усердно разрыхляли почву (насколько это возможно при деревянных орудиях), и через месяц, когда наступило время посева, у нас был большой участок тщательно распаханной земли, на котором мы высеяли двадцать два бушеля ячменя и шестнадцать бушелей риса, то есть все зерно, какое я мог выделить на посев.

Теперь, когда нас четверо, дикари могли быть нам страшны лишь в том случае, если бы они нагрянули в очень большом количестве. Мы не боялись дикарей и свободно бродили по всему острову. А так как все мы мечтали только о том, как бы нам скорее уехать отсюда, каждый из нас охотно трудился для осуществления этой мечты. Во время своих скитаний по острову я отмечал деревья, пригодные для постройки корабля. Испанец и Пятница с отцом принялись рубить эти деревья.

Я показал им, с какими неимоверными трудностями я вытесывал каждую доску из цельного древесного ствола, и мы стали все вместе заготовлять новый запас досок. Мы натесали их около дюжины. То были крепкие дубовые доски тридцати пяти футов длины, двух футов ширины и от двух до четырех дюймов толщины.

Всякому ясно, сколько тяжелого труда было вложено в эту работу.

В то же время я старался по возможности увеличить свое маленькое стадо. Для этого двое из нас ежедневно ходили ловить диких козлят, так что вскоре у нас прибавилось до двадцати голов.

Затем нам предстояло еще одно важное дело: надо было позаботиться о заготовлении изюма, так как виноград уже начал созревать. Мы собрали и насушили его в огромном количестве. Наравне с хлебом изюм составлял наше основное питание. Мы все очень любили изюм. Право, я не знаю более вкусной и питательной пищи.

Подошло время жатвы. Урожай риса и ячменя был недурен. Правда, мы ждали, что он будет лучше, но все же он оказался настолько обилен, что теперь мы могли прокормить хоть пятьдесят человек. Мы получили урожай сам-десят. Этого количества должно было с избытком хватить не только на прокормление всей нашей общины до следующего урожая - с таким запасом провианта мы могли смело пуститься в плавание и добраться до любого берега Южной Америки.

Куда же ссыпать весь рис и ячмень? Для этого нужны были большие корзины, и мы тотчас же принялись их плести, причем испанец оказался искуснейшим мастером этого дела.

Теперь, когда у меня было достаточно мяса и хлеба для прокормления ожидаемых гостей, я разрешил испанцу взять лодку и ехать за ними. Я строго наказал ему не привозить ни одного человека, не взяв с него клятвенного обещания, что он не только не сделает мне никакого зла, не нападет на меня с оружием в руках, но, напротив, будет защищать меня от всех неприятностей. Эту клятву они должны были изложить на бумаге, и каждый должен был подписаться под ней.

В ту минуту я как-то забыл, что у испанцев, потерпевших крушение, не было ни перьев, ни чернил.

С этими наставлениями испанец и старый дикарь отправились в путь на той самой пироге, на которой они были привезены на мой остров.

Как весело мне было снаряжать их для этого плавания! Ведь за все двадцать семь лет моего заключения на острове я впервые мог надеяться на то, что вырвусь отсюда на волю. Я дал этим людям обильные запасы изюма и хлеба, чтобы хватило для них и для наших будущих гостей.

Наконец я усадил их в пирогу и пожелал им доброго пути. Прощаясь, я условился с ними, что, когда они будут везти в своей пироге испанцев, они поднимут флаг в открытом море, чтобы я мог издали признать их пирогу.

Отчалили они при свежем ветре в день полнолуния, в октябре. К сожалению, я не могу указать более точную дату, так как, потеряв однажды верный счет дней и недель, я уже не мог восстановить его.

Прошло довольно много времени после отъезда моих путешественников. Я поджидал их со дня на день. Мне казалось, что они запаздывают, что уже дней восемь назад им следовало бы вернуться на остров. Вдруг произошел один непредвиденный случай, какого еще никогда не бывало за все годы моего пребывания на острове.

Как-то на рассвете, когда я еще спал крепким сном, вбегает ко мне Пятница и громко кричит:

- Едут! Едут!

Я вскочил, мигом оделся, перелез через ограду и выбежал в рощу (которая, к слову сказать, так разрослась, что в ту пору ее можно было, скорее, назвать лесом).

Я до такой степени забыл об опасности, что, против обыкновения, не захватил с собою никакого оружия. Я

был твердо уверен, что это возвращается испанец со своими друзьями.

Каково же было мое удивление, когда я увидел в море, милях в пяти от берега, незнакомую лодку с треугольным парусом! Лодка держала курс прямо на остров и, подгоняемая сильным попутным ветром, быстро приближалась. Шла она не со стороны материка, а от южной оконечности острова.

Словом, это была совсем не та лодка, которую мы столько дней ожидали.

На всякий случай надо было подготовиться к обороне.

Я предложил Пятнице спрятаться в роще и внимательно проследить за находящимися в лодке людьми, так как нам неизвестно, враги они или друзья. Затем я вернулся домой, захватил подзорную трубу и при помощи лестницы взобрался на вершину горы, чтобы, не будучи замеченным, осмотреть всю окрестность; так поступал я всегда, когда опасался нападения врагов.

Не успел я взобраться на гору, как тотчас же увидел корабль.

Он стоял на якоре у юго-восточной оконечности острова, милях в восьми от моего жилья. От берега до него было не более пяти миль.

Корабль был, несомненно, английский, да и лодка, как я теперь мог убедиться, оказалась английским баркасом.

Не могу выразить, какие разнообразные чувства вызвало во мне это открытие!

Моя радость при виде корабля, притом английского, радость ожидания близкой встречи с моими соотечественниками (значит, с друзьями) была выше всякого описания.

Вместе с тем какая-то тайная тревога, которую я не мог объяснить, заставляла меня быть настороже.

Прежде всего я задал себе вопрос: ради чего английский купеческий корабль зашел в эти места, лежавшие, как мне было известно, в стороне от всех торговых путей англичан? Я знал, что его не могло пригнать бурей, так как за последнее время не было бурь. Если даже на корабле действительно находились англичане, мне все-таки не следовало до поры до времени показываться им на глаза, так как было весьма вероятно, что они явились сюда не с добром. Уж лучше мне и впредь оставаться на острове, чем довериться подозрительным людям и очутиться в руках каких-нибудь разбойников или убийц!

Стоя на горе, я продолжал следить за приближавшейся к острову лодкой.

Вдруг она сделала крутой поворот и пошла вдоль берега по направлению к бухточке, где я когда-то приставал с плотами. Очевидно, сидевшие в лодке высматривали, где бы лучше пристать. Они не заметили бухточки, а причалили в другом месте, в полумиле от нее.

Я был счастлив, что они высадились именно там, ибо, если бы они вошли в бухточку, они очутились бы, так сказать, у порога моего жилья и - кто знает! - может быть, выгнали бы меня из моей крепости и разграбили бы все, что там было.

Люди вышли на берег, и я мог убедиться, что это действительно англичане, по крайней мере большинство из них. Одного или двух я, правда, принял за голландцев, но я ошибся, как оказалось потом. Всех было одиннадцать человек.

Трое из них были, очевидно, привезены сюда в качестве пленников, потому что я не заметил при них никакого оружия и мне показалось, что у них связаны ноги. Я видел, как пять человек, выскочившие на берег первыми, вытаскивали их из лодки.

Один из пленников, видимо, о чем-то просил: движения его рук выражали и страдание, и мольбу, и отчаяние. Очевидно, он совсем потерял голову. Двое других тоже умоляли о чем-то и тоже воздевали руки к небу, но, в общем, были как будто спокойнее и не так бурно выражали свое горе.

Я смотрел на них и ничего не понимал. Вдруг Пятница крикнул мне:

- О Робин Крузо! Смотри: белые человеки тоже кушают человеков, как дикие!

- Ты с ума сошел, Пятница! - сказал я ему. - Неужели ты думаешь, что они их съедят?

- Конечно, съедят, - отвечал он.

- Нет, нет, Пятница, ты ошибаешься, - возразил я. - Боюсь, что они их убьют, но можешь быть уверен, что есть их они не станут.

Я все еще не понимал, что происходит перед моими глазами, но весь дрожал от ужаса при мысли о том, что сейчас совершится кровавое дело.

Мне даже показалось, что один из разбойников занес над головою своей жертвы какое-то оружие, вроде тесака или шпаги.

Вся кровь застыла у меня в жилах: я был уверен, что несчастный свалится мертвым. Как я жалел в ту минуту, что со мной нет испанца и старика дикаря!

Я заметил, что ни у кого из разбойников не было с собой ружья.

"Хорошо бы, - подумал я, - подкрасться к ним теперь, выстрелить в упор и освободить этих пленников".

Но обстоятельства сложились иначе.

Разбойники, очевидно, не имели намерения убивать своих пленников.

Застращав их и поиздевавшись над ними, злодеи разбежались по острову, желая, вероятно, осмотреть местность, где они очутились.

Пленников они оставили на присмотр двух своих товарищей. Но те, должно быть, были пьяны: как только остальные ушли, оба они забрались в лодку и мгновенно уснули.

Таким образом, пленники остались одни. Но вместо того чтобы воспользоваться предоставленной им свободой, они сидели на песке, озираясь по сторонам в безысходном отчаянии.

Это напомнило мне первый день моего пребывания на острове. Точно так же и я сидел тогда на берегу, дико озираясь кругом, и тоже считал себя погибшим. Я был уверен тогда, что меня растерзают хищные звери, вскарабкался на дерево и провел там всю ночь. Вообще нет таких ужасов, которые не мерещились бы мне в первое время. А между тем как безмятежно прожил я все эти годы! Но ничего этого я тогда не предвидел.

Так точно и эти трое несчастных приходили в отчаяние, не зная, что избавление близко.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Робинзон встречается с капитаном английского судна

Разбойники прибыли на остров во время прилива. Покуда они глумились над пленниками, которых они привезли, а потом бродили по незнакомому острову, прошло очень много времени: начался отлив, и лодка очутилась на мели.

В ней, как уже сказано, оставалось два человека, которые вскоре уснули.

Через час один из них проснулся и, увидев, что лодка стоит на земле, попробовал протащить ее к воде по песку, но не мог. Тогда он стал звать остальных. Те прибежали и принялись помогать ему, но лодка была такая тяжелая, а песок был такой мокрый и рыхлый, что у них не хватило силы спустить ее на воду.

Тогда они, как истые моряки - а моряки, как известно, самый беззаботный народ во всем мире и

никогда не думают о будущем, - бросили лодку и снова ушли гулять. Перед тем как уйти, один из них громко сказал другому:

- Да брось ее, Джек! Охота тебе руки мозолить! Вот будет прилив, она и всплывет.

Это было сказано по-английски. Значит, они и вправду были мои земляки.

Покуда они не ушли, я то сидел, притаившись, за оградой крепости, то наблюдал за ними с вершины холма.

До начала прилива оставалось не меньше десяти часов.

Значит, все это время их лодка пролежит на песке.

Вечером, когда станет темно, я выйду из своего тайника, подкрадусь к этим матросам поближе, буду следить за каждым их поступком, за каждым движением, и, может быть, мне даже удастся подслушать, о чем они будут говорить.

А пока не стемнело нужно было готовиться к бою. Теперь у меня был более сильный и опасный противник, чем прежде, и готовиться следовало более тщательно.

Я долго возился с ружьями, чистил и заряжал их, а потом приказал Пятнице, который к этому времени сделался под моим руководством очень метким стрелком, вооружиться с ног до головы. Я взял себе два охотничьих ружья, а ему дал три мушкета. Остальное оружие мы тоже распределили между собою.

Нужно сказать, что в этих доспехах у меня был очень воинственный вид. На мне была моя грубая куртка из козьего меха и огромная мохнатая шапка, у бедра торчала обнаженная сабля, за поясом были два пистолета, на каждом плече по ружью.

Как уже сказано, я решил не предпринимать ничего, пока не стемнеет. Но часа в два, когда солнце стало припекать особенно сильно, я заметил, что матросы

ушли в лес и не вернулись. Вероятно, их сморила жара, и они уснули в тени.

Их пленникам было не до сна. Несчастные понуро сидели под каким-то громадным деревом, удрученные своей горькой участью. Расстояние между ними и мной было не больше четверти мили.

Их никто не стерег, и я решил, не дожидаясь вечера, пробраться к ним и побеседовать с ними. Мне не терпелось узнать, что они за люди и почему они здесь. Я отправился к ним в том диковинном наряде, который я только что описал. За мною по пятам шагал Пятница. Он тоже был вооружен с головы до ног, хотя и не казался таким страшилищем, как я.

Я подошел к трем пленникам совсем близко (они сидели ко мне спиной и не могли видеть меня) и громко спросил их по-испански:

- Кто вы такие, сеньоры?

Они вздрогнули от неожиданности, но, кажется, перепугались еще больше, когда увидели, какое страшилище к ним подошло. Никто из них не ответил ни слова, и мне показалось, что они собираются убежать от меня.

Тогда я заговорил по-английски.

- Джентльмены, - сказал я, - не пугайтесь. Может быть, вы найдете друга там, где меньше всего ожидаете встретить его. Я англичанин и хочу вам помочь. Вы видите: нас только двое; у нас есть оружие и порох. Говорите же прямо: чем мы можем облегчить вашу участь, какое с вами случилось несчастье?

- Наших несчастий так много, что описывать их было бы слишком долго, - ответил один пленник, - между тем наши мучители близко и каждую минуту могут явиться сюда. Но вот вам вся наша история в коротких словах. Я капитан корабля; мой экипаж взбунтовался. Я всегда любил своих матросов, и они любили меня. Под моей командой им жилось превосходно. Но их сбила с толку

шайка негодяев, которая завелась у меня на судне в последнее время. Эти негодяи убедили их стать пиратами - морскими разбойниками, чтобы грабить и жечь корабли. Товарищи мои, которых вы видите здесь (один мой помощник, другой - пассажир), едва упросили этих людей не убивать нас, и наконец они согласились, с тем условием, что высадят нас троих на каком-нибудь пустынном берегу. Так они и сделали. Мы были уверены, что нас ожидает здесь голодная смерть, - мы считали эту землю необитаемой. Теперь же оказалось, что здесь живут люди, готовые самоотверженно спасти нас от смерти.

- Где эти злодеи? - спросил я. - Куда они пошли? В какую сторону?

- Они лежат под теми деревьями, сэр, - отвечал капитан, указывая на ближний лесок. - Сердце у меня замирает от страха: я боюсь, что они увидели вас и слышат, о чем мы сейчас говорим. Если так, мы пропали! Они убьют нас всех, не пощадят никого.

- Есть у них ружья? - спросил я.

- Только два, да еще одно, которое они оставили в лодке.

- Отлично! - сказал я. - Остальное я беру на себя. Все они спят, и нам было бы нетрудно подкрасться к ним и перебить их всех, но не лучше ли захватить их живыми? Может быть, они одумаются, перестанут разбойничать и сделаются честными людьми.

Капитан сказал, что среди них есть два опасных злодея, которые и начали бунт; едва ли нужно щадить их, но, если избавиться от этих двоих, остальные, он уверен, раскаются и снова вернутся к своей прежней работе.

Я попросил его указать мне этих двоих. Он ответил, что вряд ли узнает их на таком большом расстоянии, но при случае, конечно, укажет.

- Вообще я и мои товарищи, - сказал он, - готовы подчиняться вам во всем. Мы отдаем себя в полное ваше распоряжение. Каждый ваш приказ будет для нас законом.

- Если так, - сказал я, - отойдемте подальше, чтобы они не увидели нас и не подслушали нашей беседы. Пускай себе спят, а мы покуда решим, что нам делать.

234 Все трое встали и пошли за мной. Я провел их в лесную чащу и там, обращаясь к капитану, сказал:

- Я попытаюсь спасти вас, но прежде поставлю вам два условия...

Он не дал мне договорить.

- Я принимаю любые условия, сэр, - сказал он. - Если вам посчастливится отнять у злодеев мой корабль, распоряжайтесь мною и моим кораблем, как вам вздумается. Если же ваш замысел вам не удастся, я останусь тут вместе с вами и буду до конца моих дней вашим усердным помощником.

Такое же обещание дали и его товарищи.

- Хорошо, - сказал я, - вот мои два условия. Во-первых, пока вы не перейдете к себе на корабль, вы забудете, что вы капитан, и станете беспрекословно подчиняться каждому моему приказанию. И, если я дам вам оружие, вы ни при каких обстоятельствах не направите его ни против меня, ни против моих близких и возвратите его мне по первому требованию. Во-вторых, если вам будет возвращен ваш корабль, вы доставите на нем в Англию меня и моего друга.

Капитан поклялся мне всеми клятвами, какие только, может придумать человеческий ум, что оба мои требования будут свято выполнены им и его товарищами.

- И не потому только, - прибавил он, - что я признаю эти требования вполне основательными, но, главное, потому, что я обязан вам жизнью и до самой своей смерти буду считать себя вашим должником.

- В таком случае, не будем медлить, - сказал я. - Вот вам три мушкета, вот порох и пули. А теперь говорите, что, по-вашему, нам следует предпринять.

- Благодарю вас, что вы обращаетесь ко мне за советом, - сказал капитан, - но могу ли я советовать вам? Вы наш начальник, ваше дело приказывать, наше - повиноваться.

- Мне кажется, - сказал я, - что нам легче всего будет расправиться с ними, если мы неслышно подкрадемся, пока они спят, и выстрелим в них сразу из всех наших ружей. Кому суждено быть убитым, тот будет убит. Если же те, что останутся живы, сдадутся и попросят пощады, их можно будет, пожалуй, помиловать.

Капитан робко возразил, что ему не хотелось бы проливать столько крови и что, если можно, он предпочел бы воздержаться от подобной жестокости.

- Из этих людей, - прибавил он, - только двое неисправимые негодяи, они-то и подстрекали к злодейству других. Если они от нас ускользнут и вернутся на корабль, мы пропали, потому что они нагрянут сюда и перебьют нас всех.

- Значит, нужно принять мой совет, - сказал я. - Вы сами видите, что мы вынуждены быть жестокими: для нас это единственное средство спастись.

Но видно было, что капитану очень не хочется убивать и калечить такое множество спящих людей, хотя эти люди и обрекли его на голодную смерть.

Заметив это, я сказал ему, чтобы он с товарищами шел вперед и распоряжался как знает.

Пока у нас шли эти переговоры, пираты начали просыпаться. Из лесу донеслись их голоса. Я увидел, что двое из них уже стоят на ногах, и спросил капитана, не эти ли зачинщики бунта.

- Нет, - отвечал он, - эти люди были верны своему долгу до последней минуты и примкнули к зачинщикам

под влиянием угроз.

- Так пусть себе уходят, - сказал я, - не будем им мешать. Видно, сама судьба позаботилась о том, чтобы спасти невиновных от пули. Но пеняйте на себя, если вы дадите уйти остальным. Они схватят вас, и вам не будет пощады.

Эти слова пробудили в капитане решимость. Он и его товарищи схватили ружья, заткнули за пояс пистолеты и ринулись вперед.

Один из матросов обернулся на шум шагов и, увидев в руках у своих пленников оружие, поднял тревогу.

Но было уже поздно: в ту самую секунду, как он закричал, грянуло два выстрела. Стрелявшие не дали промаха: один человек был убит наповал, другой тяжело ранен. Он, однако, вскочил на ноги и стал звать на помощь. Но тут к нему подошел капитан.

- Поздно! - сказал он. - Теперь уж тебя никто не спасет. Вот тебе награда за предательство!

С этими словами он поднял мушкет и так сильно ударил предателя прикладом по голове, что тот замолчал навеки.

Теперь, не считая трех человек, которые, вероятно, зашли в другую часть леса, у нас оставалось только три противника, из которых один был легко ранен. В это время подошли и мы с Пятницей. Враги увидели, что им не спастись, и стали просить пощады. Капитан ответил, что он готов подарить им жизнь, если они на деле докажут ему, что раскаиваются в своем вероломстве, и поклянутся, что помогут ему овладеть кораблем. Они упали перед ним на колени и стали горячо уверять его в своем чистосердечном раскаянии.

Капитан поверил их клятвам и заявил, что охотно дарует им жизнь. Я не возражал против этого, но потребовал, чтобы пленников связали по рукам и ногам.

Как только переговоры закончились, я приказал Пятнице и помощнику капитана сбегать к баркасу и

снять с него парус и весла.

Вскоре вернулись и те три матроса, которые бродили по острову. Они забрели далеко и теперь прибежали, услыхав наши выстрелы.

Когда они увидели, что капитан из их пленника сделался их победителем, они даже не пытались сопротивляться и беспрекословно дали себя связать.

Таким образом, победа осталась за нами.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Схватка с пиратами

Теперь, на свободе, я мог подробно рассказать капитану обо всех своих приключениях и бедствиях и расспросить его о тех печальных событиях, вследствие которых он потерял свой корабль.

Я начал первый. Я рассказал ему всю историю моей жизни за последние двадцать семь лет. Он слушал с жадным вниманием и во время моего рассказа не раз выражал изумление перед моим трудолюбием и мужеством, давшими мне возможность избавиться от неминуемой смерти.

Теперь, когда он узнал все подробности моей жизни на необитаемом острове, я пригласил его и его спутников к себе в крепость, куда мы вошли моим обычным путем, то есть по приставной лестнице. Я предложил моим гостям обильный ужин, а затем показал им свое домашнее хозяйство со всеми хитроумными приспособлениями, какие были сделаны мною за долгие, долгие годы моего одиночества.

Все, что эти люди увидели здесь, показалось им чудом. Все, что я рассказывал им о себе, они слушали, как волшебную сказку. Но больше всего поразили их построенные мною укрепления и то, как искусно было скрыто мое жилье в чаще густого леса. Так как деревья растут здесь гораздо быстрее, чем в Англии, моя рощица за двадцать лет превратилась в дремучий лес. Пробраться к моему дому можно было только по

извилистой узкой тропе, которую я оставил при посадке деревьев.

Я объяснил капитану, что эта крепость-главная моя резиденция, но что, как у всех королей, у меня вдали от столицы есть летний дворец, который я тоже изредка удостаиваю своим посещением.

- Я, конечно, охотно покажу вам его, - сказал я, - но теперь нам предстоит более важное дело: надо подумать о том, как отнять у врагов ваш корабль.

- Ума не приложу, что нам делать, - сказал капитан. - На корабле осталось еще двадцать шесть человек. Все они замешаны в бунте, то есть в таком преступлении, за которое, по нашим законам, полагается смертная казнь. Пиратам отлично известно, что, если они сдадутся нам, они тотчас по возвращении в Англию будут вздернуты на виселицу. Так как им нечего терять, они будут защищаться отчаянно. А при таких условиях нам, с нашими слабыми силами, невозможно вступать с ними в бой.

Я призадумался. Слова капитана казались мне вполне основательными. Нужно было возможно скорее придумать какой-нибудь решительный план. Всякое промедление грозило нам гибелью: с корабля могла прибыть новая шайка пиратов и перерезать нас всех. Лучше всего было бы хитростью заманить их в ловушку и напасть на них врасплох. Но как это сделать? Они могли с минуты на минуту пожаловать сюда.

- Наверное, - сказал я капитану, - там, на корабле, уже стали тревожиться, почему так долго не возвращается лодка. Скоро они пожелают узнать, что сталось с посланными на берег матросами, и отправят к нам другую лодку. На этот раз в лодке прибудут вооруженные люди, и тогда мы не справимся с ними.

Капитан вполне согласился со мной.

- Раньше всего, - продолжал я, - мы должны позаботиться о том, чтобы разбойники не могли увести

свой баркас обратно, а для этого надо сделать его непригодным для плавания, то есть продырявить его дно.

Мы тотчас же поспешили к баркасу. Это была большая лодка с крутыми бортами. В баркасе оказалось много всякого добра. Мы нашли там кое-какое оружие, пороховницу, две бутылки - одну с водкой, другую с ромом, несколько сухарей, большой кусок сахару (фунтов пять или шесть), завернутый в парусину. Все это было мне весьма кстати, особенно водка и сахар: ни того, ни другого я не пробовал уже много лет.

Сложив весь этот груз на берегу и захватив с собой весла, мачту, парус и руль, мы пробили в дне баркаса большую дыру. Таким образом, если бы враги оказались сильнее нас и нам не удалось бы с ними справиться, их баркас все же остался бы в наших руках, и, сказать по правде, на это я рассчитывал больше всего.

Признаюсь, я не слишком верил, что нам посчастливится отнять у пиратов корабль. "Но пусть они оставят нам баркас, - говорил я себе. - Починить его ничего не стоит, а на таком судне я легко доберусь до Подветренных островов. По дороге могу даже посетить моего испанца и его соотечественников, томящихся среди дикарей".

После того как мы общими силами втащили баркас на такое высокое место, куда не достигает прилив, мы присели отдохнуть и посоветоваться, что же нам делать дальше.

Вдруг с корабля мы услышали пушечный выстрел. На корабле замахали флагом. Это был, очевидно, призывный сигнал для баркаса.

Немного погодя грянуло еще несколько выстрелов, флагом махали не переставая, но все эти сигналы оставались без ответа: баркас не двигался с места. Наконец с корабля спустили шлюпку (все это нам было отлично видно в подзорную трубу). Шлюпка

направилась к берегу, и, когда она подошла ближе, мы увидели, что в ней не меньше десяти человек, вооруженных ружьями.

От корабля до берега было около шести миль, так что мы могли не торопясь рассмотреть людей, сидевших в шлюпке. Нам даже были видны их лица: течением шлюпку отнесло немного восточнее того места, куда причалил баркас, а гребцам, видимо, хотелось пристать именно к этому месту, и потому некоторое время им пришлось идти вдоль берега, неподалеку от нас. Тогда-то мы и могли хорошо рассмотреть их. Капитан узнавал каждого из них и о каждом сообщал мне свое мнение.

По его словам, между ними были три очень честных матроса; он был уверен, что их втянули в бунт против их воли, при помощи угроз и насилия, но зато боцман и все остальные - отпетые злодеи и разбойники.

- Боюсь, что нам с ними не справиться, - прибавил капитан. - Все это отчаянный народ, и теперь, когда они узнают, что мы еще сопротивляемся, они не дадут нам пощады. Страшно подумать, что они сделают с нами!

Я усмехнулся и ответил ему:

- Почему вы говорите о страхе? Разве мы имеем право бояться? Ведь что бы ни ожидало нас в будущем, все будет лучше нашей нынешней жизни, и, следовательно, всякий выход из этого положения - даже смерть - мы должны считать избавлением. Вспомните хотя бы о том, что я пережил здесь одиночество. Легко ли двадцать семь лет быть отрезанным от мира? Неужели вы не находите, что мне стоит рискнуть жизнью ради свободы? Нет, - продолжал я, - опасность не смущает меня. Меня смущает другое.

- Что? - спросил он.

- Да то, что, как вы говорите, в числе этих людей есть три или четыре честных матроса, которых мы должны пощадить. Будь они все злодеями, я бы ни на

миг не усомнился, что имею право уничтожить их всех. А в том, что мы расправимся с ними, я совершенно уверен, потому что всякий, кто ступит на этот остров, окажется в нашей власти, и от нас будет зависеть, убить его или даровать ему жизнь.

Я говорил громким голосом, с веселым лицом. Моя уверенность в победе передалась капитану, и мы горячо принялись за дело.

Еще раньше, когда с корабля стали спускать шлюпку, мы позаботились о том, чтобы запрятать наших пленников подальше. Двоих, которые казались капитану наиболее опасными, я отправил под конвоем Пятницы и помощника капитана в пещеру. Из этой тюрьмы было нелегко убежать; даже если бы им и удалось каким-нибудь чудом перебраться через обе ограды, они заблудились бы в дремучем лесу, окружающем крепость. Сюда не могли донестись голоса их сообщников, и отсюда было невозможно увидеть, что происходит на острове. Здесь их снова связали, но Пятница все же хорошо накормил их и зажег для них в пещере несколько наших самодельных свечей, а помощник капитана объявил им, что, если они будут вести себя смирно, через день или два им предоставят свободу.

- Но, - прибавил он, - если вы вздумаете бежать, вас при первой же попытке пристрелят без всякой пощады.

Они обещали терпеливо переносить свое заключение и горячо благодарили за то, что их не оставили без пищи и света.

С четырьмя остальными пленниками обошлись не так строго. Правда, двоих мы оставили до поры до времени связанными, так как капитан не ручался за них, но двух других я даже принял на службу по особой рекомендации капитана. Оба они дали мне клятву, что будут служить мне верой и правдой.

Итак, считая этих двух матросов и капитана с двумя его товарищами, нас было теперь семеро хорошо вооруженных людей, и я не сомневался, что мы без труда управимся с теми десятью молодцами, которые должны были сейчас приехать. Тем более, что среди них, по словам капитана, были честные люди, которых, как он утверждал, нам было не трудно перетянуть на свою сторону.

Подойдя к острову в том месте, где стоял их баркас, матросы причалили, вышли из шлюпки и вытащили ее на берег, чему я был очень рад. Признаться, я боялся, что они из предосторожности станут на якорь, не доходя до берега, и что два или три матроса останутся караулить шлюпку, - ведь тогда мы не могли бы ее захватить.

Выйдя на берег, они прежде всего побежали к своему баркасу.

Легко представить себе их изумление, когда они увидели, что с него убраны все снасти, что весь груз исчез, а в днище зияет большая дыра.

Они столпились вокруг баркаса и долго толковали друг с другом, горячо обсуждая, как могло случиться с их лодкой такое несчастье, а потом принялись громко кричать, созывая товарищей. Но никто не откликнулся.

Тогда они стали в круг и по команде дали залп из всех своих ружей. Лесное эхо подхватило их выстрел и повторило его несколько раз. Но и это ни к чему не привело: сидевшие в пещере не могли услышать выстрела; те же, что были при нас, хоть и слышали, но не посмели откликнуться.

Между тем пираты, убедившись, что все их призывы остаются без отклика, страшно перепугались и решили тотчас же вернуться к себе на корабль и сообщить остальным, что в баркасе продырявлено дно, а люди, прибывшие на остров, убиты, так как иначе они непременно откликнулись бы.

Капитан, который до сих пор все еще надеялся, что нам удастся захватить корабль, теперь окончательно упал духом.

- Все пропало! - сказал он тоскливо. - Как только на корабле станет известно, что матросы, прибывшие на остров, исчезли, новый капитан отдаст приказание сниматься с якоря, и тогда прощай мой корабль!

Но вскоре случилось событие, которое еще сильнее испугало капитана.

Не прошло и десяти минут, как мы увидели, что отчалившая от берега шлюпка вдруг повернула назад и снова направляется к нашему острову. Должно быть, по пути матросы потолковали друг с другом, и у них явился какой-то новый план.

Мы молча наблюдали за ними.

Причалив к берегу, они оставили в шлюпке трех человек, а остальные семеро взбежали вверх по гористому берегу и отправились в глубь острова - очевидно, искать пропавших. Это сильно встревожило нас.

Если нам даже удастся захватить семерых, вышедших на берег, наша победа будет совершенно бесплодна, так как мы упустим шлюпку с тремя остальными. А те, вернувшись на корабль, расскажут товарищам о происшедшем несчастье, и корабль тотчас же снимется с якоря и будет потерян для нас навсегда.

Что было делать? Нам не оставалось ничего больше, как терпеливо выжидать, чем все это кончится. После того как семеро матросов вышли на берег, шлюпка с тремя остальными отошла на большое расстояние от берега и стала на якорь, так что мы лишились возможности похитить и спрятать ее.

Те, что высадились на берег, очевидно, решили не расходиться. Они шли плечом к плечу, взобрались на пригорок и стали подниматься на холм, под которым находился мой дом. Нам было отлично их видно, но они

видеть нас не могли. Мы были бы очень рады, если бы они подошли к нам поближе, чтобы мы могли выстрелить в них.

Мы надеялись, что они направятся, по крайней мере, к противоположному берегу острова, потому что, пока они оставались на этой его стороне, мы не могли покинуть нашу крепость. Но, добравшись до гребня холма, откуда открывался вид на всю северо-восточную часть острова, на его леса и долины, они остановились и снова принялись громко кричать.

Наконец, не дождавшись ответа и, должно быть, боясь удаляться от берега, они уселись под деревом и стали совещаться друг с другом.

Хорошо было бы, если бы они легли и заснули, как те, что приехали утром, тогда мы могли бы живо расправиться с ними.

Но они и не думали спать. Они чуяли, что на острове творится неладное, и решили быть настороже, хоть и не знали, какая грозит им опасность и откуда она может прийти.

Увидев, что они совещаются, капитан высказал одно очень толковое соображение.

- Весьма возможно, - сказал он, - что они на своем военном совете решат еще раз подать сигнал пропавшим товарищам и все сразу выстрелят из ружей. Тут бы нам броситься на них, тотчас же после выстрела, когда их ружья будут разряжены. Тогда им ничего больше не останется, как сдаться, и дело обойдется без кровопролития.

План, по-моему, был недурен, но, для того, чтобы он удался, нам следовало бы находиться сейчас на очень близком расстоянии от врагов. Ведь мы должны броситься на них в ту самую минуту, когда они дадут залп. Но они расположились так далеко от нас, что нечего было и думать о внезапном нападении на них.

Впрочем, они и не стали стрелять.

Мы не знали, на что решиться.

Наконец я сказал:

- По-моему, нам нечего делать до наступления ночи. А ночью, если эти семеро не вернутся в лодку, мы можем незаметно пробраться к морю и приманить какой-нибудь хитростью тех троих, что остались в лодке.

Мы долго сидели в засаде и с нетерпением ждали, когда же пираты тронутся с места. Нам казалось, что их совещанию не будет конца.

Вдруг они сразу вскочили и направились прямо к морю. Должно быть, им показалось, что оставаться на острове опасно, и они решили вернуться на корабль, не разыскивая своих погибших товарищей.

"Плохо наше дело! - подумал я. - Очевидно, нам придется навсегда проститься с кораблем".

Я сказал об этом капитану; он пришел в такое отчаяние, что чуть не лишился чувств.

Но тут я придумал некую военную хитрость, которую и пустил в ход. Хитрость немудреная, но план мой удался превосходно. Подозвав к себе Пятницу и помощника капитана, я приказал им спуститься к бухточке (той самой, через которую когда-то Пятница переправился вплавь, когда за ним бежали людоеды), затем, обогнув ее, свернуть за полмили к западу, подняться на пригорок и кричать что есть силы, пока не услышат возвращающиеся к лодке матросы. Когда же матросы откликнутся, перебежать на другое место и снова кричать и аукать и таким образом, постоянно меняя места, заманивать врагов все дальше и дальше в глубь острова, пока они не заплутаются в лесу, а тогда окольными путями вернуться сюда, ко мне.

Матросы уже садились в лодку и были готовы отчалить, как вдруг со стороны бухточки послышались громкие крики: это кричал Пятница и вместе с ним помощник капитана.

Чуть только пираты услышали их голоса, они сейчас же откликнулись и со всех ног пустились бежать вдоль берега в ту сторону, откуда неслись эти крики, но бухта преградила им путь, так как было время прилива и вода в бухте стояла очень высоко. Тогда они окликнули оставшихся в шлюпке, чтобы те подъехали и перевезли их на другой берег.

Этого-то я и ожидал.

Они перебрались через бухту и побежали дальше, прихватив с собой еще одного человека. Таким образом, в шлюпке осталось только двое. Я видел, как они отвели ее в самый конец бухты, поближе к земле, и привязали там к тощему деревцу.

Это очень обрадовало меня. Предоставив Пятнице и помощнику капитана делать свое дело, я приказал остальному отряду следовать за мной.

Прячась в густом и высоком кустарнике, мы обогнули бухту и внезапно появились перед теми матросами, которые остались у берега. Один из них сидел в шлюпке, другой лежал на берегу и дремал. Увидев нас в трех шагах от себя, он хотел было вскочить и убежать, но стоявший впереди капитан бросился на него и ударил его прикладом. Затем, не давая опомниться другому матросу, он крикнул ему:

- Сдавайся - или смерть!

Это был один из тех матросов, про которых капитан говорил, что они примкнули к бунтовщикам не по своей охоте, а подчиняясь насилию. Матрос не только сдался нам по первому нашему требованию, но тотчас же сам заявил о своем желании вступить в наш отряд. Вскоре он доказал нам своими поступками, что достоин нашего доверия.

Тем временем Пятница с помощником капитана продолжали кричать и аукать. Откликаясь на крики матросов, они водили их по всему острову, от холма к холму, из рощи в рощу, пока не завели в такую

дремучую глушь, откуда нельзя было выбраться на берег до наступления ночи. Можно себе представить, как измучили и утомили они неприятеля, если и сами воротились к нам смертельно усталые.

Теперь нам оставалось только подкараулить пиратов, когда они будут возвращаться к тому месту, где была оставлена шлюпка, и, ошеломив неожиданным нападением во тьме, заставить их сдаться нам в плен.

Они воротились не скоро. Нам пришлось прождать несколько часов, и только тогда мы услышали, что они медленно пробираются к берегу. Шли они врозь, далеко друг от друга. Передние кричали задним:

- Скорее! Скорее!

Задние отвечали:

- Мы не можем, мы устали, мы падаем...

Все это было нам на руку.

Наконец они подошли к бухте. За эти несколько часов начался отлив, и шлюпка, которая была привязана к дереву, очутилась теперь на суше.

Невозможно описать, что сталось с пиратами, когда они увидели, что шлюпка на мели, а люди исчезли. С громкими воплями они метались по берегу, проклиная свою судьбу; они кричали, что их занесло на заколдованный остров, что тут водятся либо разбойники, которые всех перережут, либо черти, которые сожрут их живьем.

Несколько раз принимались они кликать своих товарищей, называя их по именам и по прозвищам, но, разумеется, не получали ответа.

При скудном вечернем свете нам было видно, как они бегают взад и вперед, ломая в отчаянии руки. Утомившись этой бесцельной беготней, пираты бросались в лодку, чтобы перевести дух, но не проходило и минуты, как они выскакивали на берег и снова бегали взад и вперед.

Мои спутники упрашивали меня позволить им напасть на врага, как только стемнеет. Но я не хотел проливать столько крови и решил расправиться с пиратами более мирным путем. А главное, я знал, что враг вооружен с головы до ног, и не хотел рисковать жизнью своих людей. Нужно было подождать, не разделятся ли неприятельские силы на два или три отряда, а пока я приказал своему войску наступать на врага.

Пятницу и капитана я выслал вперед. Они должны были подкрасться к пиратам на четвереньках, чтобы стрелять в упор, если это понадобится.

Но недолго им пришлось ползти: на них почти наткнулись, случайно отделившись от остальных, три пирата, и в том числе боцман, который, как уже сказано, был главным зачинщиком, а теперь вел себя как самый отъявленный трус.

Чуть только капитан услышал голос главного виновника всех своих бед и понял, что тот в его власти, он пришел в такое неистовство, что вскочил на ноги и выстрелил злодею прямо в грудь. Тогда, конечно, выстрелил и Пятница. Боцман был убит наповал, другой пират был тяжело ранен (он скончался часа через два), третьему же удалось убежать.

Услышав выстрелы, я тотчас двинул вперед всю свою армию, численность которой достигала теперь восьми человек. Вот ее полный состав: я - первый фельдмаршал, Пятница - генерал-лейтенант, затем капитан с двумя офицерами и трое рядовых - военнопленные, которым мы доверили ружья.

Когда мы подошли к неприятелю, было уже совсем темно, так что нельзя было разобрать, сколько нас.

Я подозвал к себе одного из военнопленных - того самого матроса, которого пираты оставили в шлюпке (теперь он сражался в наших рядах), и приказал ему окликнуть по имени его бывших товарищей.

Прежде чем стрелять, я хотел попытаться вступить с ними в переговоры и в случае удачи покончить дело миром.

Моя попытка вполне удалась. Иначе, впрочем, и быть не могло: враги были доведены до отчаяния, им только и оставалось, что сдаться.

Итак, мой матрос закричал во все горло:

- Том Смит! Том Смит!

Том Смит сейчас же откликнулся:

- Кто меня зовет? Ты, Джимми Рой?

Он, очевидно, узнал этого матроса по голосу.

Джимми Рой отвечал:

- Да-да, это я! Том Смит, бросай ружье и сдавайся, а не то вы пропали! Вас в одну минуту прикончат.

- Да кому же сдаваться? Где они там? - крикнул опять Том Смит.

- Здесь! - отозвался Джимми Рой. - Их пятьдесят человек, и с ними наш капитан. Вот уже два часа, как они преследуют вас. Боцман убит. Билл Фраи ранен, а меня взяли в плен. Если вы не сдадитесь сию же минуту, прощайтесь с жизнью - вам не будет пощады!

Тогда Том Смит закричал:

- Спроси у них, будем ли мы помилованы. Если да, мы сейчас же сдадимся, так ты им и скажи.

- Хорошо, я скажу, - ответил Джимми Рой.

Но тут вступил в переговоры уже сам капитан.

- Эй, Смит! - закричал он. - Узнаешь мой голос? Так слушай: если вы немедленно положите оружие и сдадитесь, я обещаю вам пощаду, всем, кроме Билла Аткинса.

- Капитан, смилуйтесь надо мной, ради бога! - взмолился Билл Аткинс. - Чем я хуже других? Другие так же виноваты, как и я.

Это была чистейшая ложь, потому что Билл Аткинс, закоренелый пират и разбойник, давно подговаривал матросов заняться морским грабежом. Он первый

бросился на капитана и связал ему руки, оскорбляя и ругая его. Поэтому капитан сказал Биллу Аткинсу, чтобы тот сдавался без всяких условий, а там уж пусть начальник острова решает, жить ему или умереть. (Начальник острова - это я: так меня теперь все величали.)

Билл Аткинс был принужден сдаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Капитан снова становится командиром своего корабля. Робинзон покидает остров

Итак, пираты сложили оружие, смиренно умоляя о пощаде. Тот матрос, который разговаривал с ними, и еще два человека, по моему приказанию, связали их всех, после чего моя грозная армия в пятьдесят человек (а на самом деле их было всего восемь, включая сюда и трех пленных) окружила связанных пиратов и завладела их шлюпкой. Сам я, однако, не показывался им по некоторым соображениям высшей политики.

Капитан мог теперь объясниться начистоту со своими матросами. Он обвинял их в измене и жестоко упрекал за вероломство.

- Вы хотели отнять у меня мой корабль, чтобы сделаться пиратами и заняться морским разбоем, - сказал он им. - Это подло и мерзко. Вы опозорили себя на всю жизнь, сами вырыли себе яму и должны благодарить судьбу, если не попадете на виселицу.

Преступники каялись, по-видимому, от чистого сердца и молили только об одном: чтобы им оставили жизнь.

- Это не в моей власти, - отвечал капитан. - Теперь ваша судьба зависит от начальника острова. Вы думали, что высадили нас на пустынный, необитаемый берег, но вы ошиблись: на этом острове много людей и управляет ими великодушный, благородный начальник. По своему милосердию, он помиловал вас и, вероятно, отправит в Англию, где с вами будет поступлено по закону. Но

Биллу Аткинсу начальник приказал готовиться к смерти: завтра поутру его повесят.

Все это капитан просто-напросто выдумал, но его выдумка произвела желаемое действие: Аткинс упал на колени, умолял капитана ходатайствовать за него перед начальником острова; остальные тоже начали просить, чтобы их не отправляли в Англию.

Видя такую покорность этих жалких людей, устрашенных угрозой смерти, я сказал себе:

"Вот когда пришел ко мне час избавления! Эти несчастные так напуганы, что, конечно, исполнят всякое наше требование: стоит нам приказать, и они помогут нам овладеть кораблем".

И, отойдя подальше, за деревья, чтобы они не могли рассмотреть, какая убогая наружность у грозного начальника острова, я крикнул:

- Позвать ко мне капитана!

Один из наших людей торжественно подошел к капитану и сказал:

- Капитан, вас зовет начальник!

А капитан не менее торжественно ответил:

- Передайте его сиятельству, что я сейчас явлюсь.

Услышав этот разговор, пираты присмирели окончательно. Они поверили, что неподалеку от них находится сам губернатор с отрядом в пятьдесят человек.

Когда капитан подошел ко мне, я сообщил ему, что хочу овладеть кораблем при помощи наших пленных. Капитан был в восторге. Мы решили завтра же утром привести этот план в исполнение.

- Но, чтобы действовать наверняка, - сказал я, - нам следует отделить одних пленных от других. Аткинса с двумя такими же злодеями мы посадим в подземелье. Пусть Пятница и ваш помощник отведут их туда. А для остальных я найду подходящее место.

Так мы и сделали: троих отвели в пещеру, которая и в самом деле могла сойти за довольно-таки мрачную темницу, а остальных я отправил на свою лесную дачу, туда, где стоял мой шалаш. Высокая ограда делала ее тоже достаточно надежной тюрьмой, тем более что узники были связаны и знали, что их судьба зависит от их поведения.

На другой день поутру я послал к этим матросам капитана. Он должен был побеседовать с ними, узнать, каковы их подлинные чувства, и потом дать мне подробный отчет о своем разговоре. Я хотел установить, насколько можно доверять этим людям и не опасно ли будет взять их с собой на корабль.

Капитан повел дело умно и решительно. Он напомнил матросам, в каком плачевном положении они очутились по собственной вине, и сказал, что хотя начальник острова теперь и помиловал их своей властью, но, когда корабль придет в Англию, их будут судить как изменников и, несомненно, повесят.

- Но, - прибавил он, - если вы поможете мне отобрать у пиратов мой корабль, тогда начальник острова, принимая во внимание, что вы добровольно послужили правому делу, постарается испросить вам прощение.

Нетрудно догадаться, с каким восторгом приняли эти люди его предложение.

Они упали перед капитаном на колени и клялись, что будут драться за него до последней капли крови, что, если он исходатайствует им прощение, они будут всю свою жизнь считать себя его неоплатными должниками, пойдут за ним хоть на край света и будут чтить его, как родного отца.

- Отлично, - сказал капитан, - обо всем этом я доложу начальнику острова и, со своей стороны, буду просить, чтобы он помиловал вас.

Затем он вернулся ко мне, отдал мне подробный отчет о своем разговоре с матросами и прибавил, что, по его убеждению, мы можем вполне положиться на этих людей.

Но я был того мнения, что осторожность никогда не мешает, и поэтому сказал капитану:

- Вот что мы сделаем: мы возьмем пока только пятерых. Пусть не думают, что мы нуждаемся в людях. Подите и скажите им, что хотя у нас довольно людей, но, так и быть, мы возьмем пятерых на испытание; остальные же двое вместе с теми тремя, что сидят в крепости (то есть в моем подземелье), будут оставлены начальником острова в качестве заложников, и, если товарищи их, которые примут участие в наших боях, изменят своей клятве и присяге, все пятеро заложников будут повешены.

Это была крайне суровая мера. Когда капитан передал пленникам мой ответ, они поняли, что с начальником острова шутки плохи. И, конечно, им осталось одно: принять мои условия.

Заложники к тому же стали горячо убеждать своих освобожденных товарищей, чтобы те не изменили капитану.

Вот полный состав нашей армии накануне великого сражения:

во-первых, капитан, его помощник и пассажир;

во-вторых, двое пленных, освобожденных по ручательству капитана;

в-третьих, еще двое - те, что сидели в моем шалаше (теперь, по настоянию капитана, им тоже предоставили свободу);

в-четвертых, те пятеро из второй партии, которых мы освободили позже всех;

итого двенадцать человек, кроме тех пятерых, которые оставались в моем подземелье заложниками.

Я спросил капитана, находит ли он возможным напасть на корабль с такими малыми силами. Мне и Пятнице было невозможно отлучиться: у нас на руках оставалось семь человек, которых мы должны были стеречь и кормить.

Пятерым заложникам, посаженным в пещеру, я решил не давать никаких послаблений. Два раза в день Пятница носил им еду и питье и сам кормил их, так как мы даже не развязали им рук. Остальным же мы предоставили некоторую свободу.

Этим двоим я решил наконец показаться. Я пришел к ним вместе с капитаном. Он сказал им, что я - доверенное лицо начальника острова, который поручил мне надзор за военнопленными, поэтому они не имеют права никуда отлучаться без моего разрешения, и при первой же попытке к ослушанию их закуют в кандалы и посадят в губернаторскую крепость.

С этого времени я ни разу не показывался пленным в качестве начальника острова, а всегда как его доверенное лицо, причем всякий раз упоминал о начальнике, о гарнизоне, о пушках, о крепости.

Теперь оставалось только приготовиться к предстоящему бою: основательно починить обе лодки, оснастить их и назначить команду для каждой.

Все эти хлопоты я возложил на капитана.

Он назначил командиром шлюпки своего пассажира и дал ему четырех человек; сам же капитан, его помощник и с ними пятеро матросов составляли экипаж баркаса.

Капитан утверждал (вполне справедливо), что лучше всего подойти к кораблю в темноте, и в ближайший же вечер отчалил от берега.

Когда около полуночи на корабле услыхали плеск весел и, по морскому обычаю, окликнули шлюпку, капитан приказал Джимми Рою, чтобы он один подал голос, а всем остальным велел молчать.

Джимми Рой крикнул, что он привез всех матросов, но запоздал, потому что пришлось долго разыскивать их, а затем стал пространно рассказывать разные небылицы подобного рода.

Пока он болтал таким образом, баркас и шлюпка причалили к борту.

Капитан и его помощник первые вскочили на палубу с оружием в руках и тотчас же сшибли с ног ударами прикладов двух пиратов, которые, ничего не подозревая, вышли им навстречу; оказалось, что это корабельный плотник и второй помощник капитана, перешедшие на сторону пиратов.

Весь капитанский отряд действовал дружно и храбро. Все матросы, находившиеся на палубе, были схвачены, после чего капитан приказал запереть люки, чтобы всех остальных задержать внизу. Тем временем подоспели командир и матросы второй шлюпки; они заняли ход в корабельную кухню и взяли в плен еще трех человек.

Когда на палубе и на шканцах уже не осталось ни одного врага, капитан приказал своему помощнику взять трех человек из команды и пойти взломать дверь главной каюты, где при первых же звуках тревоги заперся новый капитан, выбранный пиратами, и с ним два матроса да юнга.

Они успели захватить с собой оружие, так что, когда помощник капитана со своими людьми высадил дверь каюты, их встретили выстрелами. Помощнику раздробили руку мушкетной пулей, два матроса тоже оказались ранеными, но никто не был убит.

Помощник капитана крикнул: "На помощь!" Не обращая внимания на свою тяжелую рану, он ворвался в каюту с пистолетом в руке и прострелил новому капитану голову. Тот свалился, не сказав ни слова: пуля угодила ему в рот. После этого остальные сдались без

боя, так что больше не было пролито ни одной капли крови.

Как только капитан стал хозяином своего корабля, он приказал произвести семь пушечных выстрелов. Это был условный сигнал, которым он дал мне знать об успешном окончании дела. В ожидании этого сигнала я просидел на берегу часа два и был несказанно рад, когда услышал его.

С успокоенным сердцем я тотчас же вернулся домой, лег и мгновенно уснул, так как был весьма утомлен тревогами этого дня.

Меня разбудил новый выстрел. Я вскочил и услышал, что кто-то зовет меня:

- Начальник! Начальник!

Я сейчас же узнал голос капитана. Он стоял над моей крепостью, на холме. Я схватил лестницу и поднялся к нему. Он обнял меня и сказал, указывая на море:

- Мой дорогой друг! Мой избавитель! Вот ваш корабль. Он ваш, и все, что на нем, тоже ваше! И все мы, начиная с капитана, тоже ваши!

Мой взгляд обратился в ту сторону, куда он указывал: корабль стоял уже на другом месте, меньше чем в полумиле от берега.

Оказалось, что, покончив с пиратами, мой друг капитан тотчас же приказал сняться с якоря и, пользуясь попутным ветерком подошел к той бухте, где я когда-то причаливал со своими плотами; затем, дождавшись прилива, он на ялике вошел в бухту и поспешил ко мне сообщить, что его корабль находится, так сказать, у моих дверей.

От этой нечаянной радости я едва не лишился чувств. Ведь я воочию увидел свою долгожданную свободу! Она была здесь, у меня в руках! К моим услугам был большой корабль, готовый везти меня, куда я захочу.

Я до того обрадовался, что в первое мгновенье не мог ответить капитану ни слова и упал бы на землю, если бы он не поддержал меня.

Заметив, что я совсем обессилел от внезапного счастья, он вытащил из кармана склянку с каким-то лекарством, которое захватил для меня. Отхлебнув глоток, я тихо опустился на землю. И, хотя сознание вернулось ко мне, все же я долго не мог заговорить.

Бедный капитан был взволнован не меньше меня. Чтобы вернуть мне мои душевные силы, он шептал мне тысячи нежных и ласковых слов. Но грудь моя была переполнена нахлынувшим счастьем, и я плохо понимал, что он говорит. Наконец я заплакал от радости, и только после этого способность речи вернулась ко мне. Тут я, в свою очередь, обнял моего нового друга и от всего сердца поздравил его. Мы оба ликовали и радовались.

Когда же мы немного пришли в себя, капитан сказал мне, что привез для меня кое-какие вещи, которые, к счастью, не успели расхитить злодеи, так долго хозяйничавшие на его корабле.

- Мне кажется, что эти вещи будут не совсем бесполезны для вас, сказал капитан.

Он крикнул своим матросам, оставшимся в лодке:

- Эй, тащите сюда тюки, которые мы привезли для начальника острова!

Это был поистине богатый подарок: капитан привез мне так много всевозможных вещей, как будто я собирался остаться на острове до конца своей жизни.

В тюках оказалось: двенадцать огромных кусков солонины, шесть окороков ветчины, мешок гороха, около ста фунтов сухарей. Он привез мне также ящик сахару, ящик муки, мешок лимонов и две бутылки лимонного сока.

Но, конечно, в тысячу раз нужнее была для меня одежда. И потому я чрезвычайно обрадовался, когда

оказалось, что мой друг капитан привез мне полдюжины новых, совершенно чистых рубах, шесть очень хороших шейных платков, две пары перчаток, шляпу, башмаки, чулки и отличный, совсем новый костюм со своего плеча, - словом, он одел меня с головы до ног.

Подарок был приятный и очень полезный, но вы не можете себе представить, какой у меня оказался неуклюжий и неотесанный вид, когда я надел на себя новый костюм, и до чего мне было неловко и неудобно в нем первое время!

Закончив осмотр подарков, я велел отнести их в мою крепость и начал совещаться с капитаном, как нам поступить с нашими пленными: взять их с собою или оставить здесь.

- Брать их с собою очень опасно, - говорил капитан. - Это отчаянные головорезы. Особенно ненадежны двое из них, неисправимые злодеи и разбойники. Если бы я рискнул везти их на своем корабле, то не иначе, как в качестве арестантов. Я заковал бы их в кандалы и отдал бы в руки судебных властей в первой же английской колонии, в которую придется зайти.

- В таком случае, - сказал я капитану, - нужно будет оставить их здесь. И я берусь устроить так, что эти два разбойника станут сами упрашивать нас, чтобы мы оставили их на острове.

- Если вам это удастся, - буду чрезвычайно доволен.

- Хорошо, - сказал я. - Я сейчас поговорю с ними от вашего имени.

Затем я позвал к себе Пятницу и двух матросовзаложников (которых мы теперь освободили, так как товарищи их сдержали данное слово) и приказал им перевести пятерых наших пленников из пещеры в шалаш.

Через некоторое время мы с капитаном отправились туда (я в своем новом костюме и на этот раз уже в

качестве начальника острова). Подойдя к ограде моей дачи, я велел вывести к себе арестованных и сказал им следующее:

- Мне известны все ваши преступления. Я знаю, что вы напали на беззащитных пассажиров корабля и убили их. Знаю и то, что вы собирались сделаться пиратами, чтобы грабить мирные суда. Да будет вам известно, что, по моему распоряжению, корабль возвращен капитану. Стоит мне приказать и вас повесят как разбойников, пойманных на месте преступления. Поэтому, если у вас есть что сказать в свое оправдание, говорите, потому что я намерен казнить вас как убийц и предателей.

Один из них ответил за всех, что им нечего сказать в свое оправдание.

- Но, когда мы были арестованы, капитан обещал нам пощаду, и мы смиренно умоляем вас оказать нам великую милость - сохранить нам жизнь.

- Право, не знаю, какую милость я могу вам оказать, - ответил я. - Я намерен покинуть остров со всеми моими людьми: мы уезжаем на родину. Что же касается вас, то, по словам капитана, он обязан заковать вас в кандалы и по прибытии в Англию предать суду за измену. А суд немедленно приговорит вас к смерти. Иного приговора и быть не может. Смерть на виселице - вот что ожидает вас в Англии. Итак, едва ли вы будете рады, если мы возьмем вас с собой. Для вас есть одно спасение - вы должны остаться на острове. Только при этом условии я могу помиловать вас.

Они с радостью согласились на мое предложение и долго благодарили меня.

- Лучше жить в пустыне, - говорили они, - чем воротиться на родину, где нас ожидает виселица.

Я велел развязать их и сказал:

- Ступайте в лес на то самое место, где вы были схвачены, и оставайтесь там, покуда за вами не пришлют. Я прикажу оставить вам кое-какое оружие,

съестные припасы и дам необходимые указания на первое время. Вы можете отлично прожить здесь, если будете упорно трудиться.

После этих переговоров я воротился домой и стал готовиться к далекому плаванию. Я, впрочем, предупредил капитана, что мне потребуется некоторый срок для того, чтобы собраться в дорогу, и попросил его отправиться на корабль без меня, а поутру прислать за мной шлюпку. Когда капитан отчалил, я велел позвать к себе пленников и завел с ними серьезный разговор.

Я вновь заявил им, что, по-моему, они поступают разумно, оставаясь на острове, так как, если бы капитан взял их с собою на родину, их непременно повесили бы.

Я рассказал им подробно, как попал я на этот остров, как понемногу улучшил свое хозяйство, как собирал виноград, как сеял рис и ячмень, как научился печь хлеб.

Я показал им свои укрепления, свои кладовые, свои поля и загоны словом, сделал все, чтобы жизнь на острове была для них не так тяжела.

Я оставил им все свое оружие (то есть пять мушкетов, три охотничьих ружья и три сабли), полтора бочонка пороху и дал подробные наставления, как ходить за козами, как доить и откармливать их, чтобы они стали жирнее, как делать масло и сыр.

Таким образом, мне пришлось рассказать этим людям всю длинную историю моей труженической, одинокой, томительной жизни на острове в течение двадцати восьми лет.

Расставаясь с ними, я обещал, что попрошу капитана оставить им еще два бочонка пороху и семена овощей, и рассказал им, как трудно мне было без этих семян.

Мешок гороха, который капитан привез мне, чтобы я употреблял его в пищу, я тоже отдал им и при этом

посоветовал употребить весь горох на посев, чтобы его стало больше.

После этого разговора с изгнанниками я на другой же день рано утром перебрался на корабль.

Хотя нам очень не терпелось поднять паруса Я взял с собой на память большую остроконечную шапку, собственноручно сшитую мною из козьего меха, зонтик и одного из моих попугаев и пуститься в далекое плавание, все-таки мы оставались на якоре еще целые сутки.

На следующий день рано утром мы увидели, что к кораблю плывут два человека. Оказалось, это двое из тех пятерых, которых мы оставили на острове.

- Возьмите нас с собою! - кричали они. - Уж лучше повесьте нас, но не оставляйте на острове! Там все равно убьют нас.

В ответ на их просьбу капитан заявил им, что не может взять их без моего разрешения. В конце концов, заставив их дать торжественную клятву, что они исправятся и будут вести себя смирно, мы приняли их на корабль.

Так как вскоре начался прилив, на берег была послана шлюпка с вещами, которые я обещал поселенцам. К этим вещам капитан присоединил, по моей просьбе, сундук, набитый всевозможной одеждой. Они приняли этот подарок с большой признательностью.

Нужно сказать, что, прощаясь с изгнанниками, я дал им слово, что не забуду о них и что, если только в каком-нибудь порту мы встретим корабль, путь которого будет лежать мимо моего острова, я попрошу капитана того корабля зайти за ними и доставить их в родные края.

Когда я покидал этот остров, я взял с собой на память большую остроконечную шапку,

собственноручно сшитую мною из козьего меха, зонтик и одного из моих попугаев.

Не забыл я взять и деньги, но они так долго лежали у меня без употребления, что совсем потускнели. Только после основательной чистки можно было увидеть, что они серебряные. Захватил я также и золотые монеты, найденные мною на разбитом испанском корабле.

Как я установил впоследствии по корабельному журналу, мой отъезд состоялся 19 декабря 1686 года. Таким образом, я прожил на острове двадцать восемь лет два месяца и девятнадцать дней.

Ветер был попутный. Корабль мчался на всех парусах. Мне было радостно думать, что с каждой минутой я все ближе к родным берегам. Когда же наконец показались в туманной дали белые скалы родины, которую я не видел столько лет, я чуть с ума не сошел от волнения и восторга. Я то и дело подбегал к капитану и кричал ему: "Скорее! Скорее!"

Как только мы бросили якорь, я простился со всеми моими попутчиками и в сопровождении верного Пятницы поспешил в тот город, где прошло мое детство. Родителей я уже не чаял видеть в живых. Ведь даже в ту далекую пору, когда я впервые отправлялся в чужие края, они были так слабы и стары, а с той поры прошли десятки лет!

Вот и наша улица, вот и старый дом, который я так безрассудно покинул. С изумлением встретили меня обитатели этого дома, когда я, взволнованный до слез, сообщил им, кто я такой. В первую минуту мне не поверили, но, когда убедились, что я действительно Робинзон Крузо, меня чуть не задушили в объятиях. Особенно обрадовались мне мои сестры и их дети мальчики и девочки, которые прежде никогда не видали меня. Все давно считали, что я умер, и теперь

смотрели на меня, как на чудо, словно я воскрес из могилы.

После первых родственных приветствий все стали шумно расспрашивать, где я пропадал столько лет, что я видел в заморских краях, какие были у меня приключения, и кто такой Пятница, и откуда взялась у меня диковинная остроконечная шапка, и почему у меня такие длинные волосы и такое загорелое лицо. Когда я увидел, что их расспросам не будет конца, я усадил их всех, и взрослых и детей, у камина и стал подробно рассказывать им то, что написано здесь, в этой книге. Они слушали меня с большим увлечением. Рассказывал я с утра до ночи, а попугай сидел у меня на плече и часто прерывал мою речь восклицаниями:

- Робин, Робин, Робин Крузо! Счастливый Робин Крузо! Куда ты попал, Робин Крузо? Куда ты попал? Где ты был?